

Тамара Сталева

КАТАЛОГЪ КНИГЪ
ПУБЛИЧНОЕ ЧИТАТЕЛН
П. И. МАКУШИНА

СИБИРСКИЙ
ПРОСВЕТИТЕЛЬ
ПЕТР
МАКУШИН

ТАМАРА СТАЛЕВА

**С И Б И Р С К И Й
П Р О С В Е Т И Т Е Л Ъ
П Е Т Р М А К У Ш И Н**

Москва
Русский Двор
2001

УДК 655(470)+929Макушин
ББК 76.17(2Рос)
С76

*Автор благодарит
Архитектурное бюро «Остоженка»
за содействие в издании этой книги*

Сталева Т. В.
С76 Сибирский просветитель Петр Макушин. — 3-е изд.;
перераб. и доп. — М.: Русский Двор, 2001. — 288 с., илл.
ISBN 5-88752-036-1

Книга о сибирском просветителе П. И. Макушине, внесшем значительный вклад в культурную жизнь Томска и в целом Сибири, выходит с изменениями и дополнениями.

Крупный книготорговец, П. И. Макушин всю свою жизнь способствовал просвещению народа. При его содействии в Томске была открыта первая публичная библиотека, первая в России народная бесплатная библиотека, музей прикладных знаний, народный театр, народный университет, сеть бесплатных библиотек-читален в селах Томской губернии.

Широко известна деятельность П. И. Макушина в послереволюционное время. Его заслуги в области культурного строительства были высоко оценены в последние годы.

ISBN 5-88752-036-1

© Т. В. Сталева, 1990

© Т. В. Сталева, перераб. и доп., 2001

© Оформление ОАО «Русский Двор», 2001

*Светлой памяти
Юрия Васильевича Маретина,
ленинградского блокадника,
ученого, библиофила посвящаю*

От автора

Дорогой читатель! У книги, которую ты держишь в руках, были предшественницы. Одна вышла в 1986 году в Томском книжном издательстве. Другая 74 года назад, в 1916 году, также в Томске и называлась «Ревнитель света — П. И. Макушин».

«Издание служащих и рабочих П. И. Макушина в Томске» — значилось на обложке. А ниже в рамочке текст: «Весь валовый сбор от продажи книги поступит в распоряжение О-ва содействия устройству сельских беспл. биб.-читален на предмет учреждения в одном из сел Томской губернии бесплатной библиотеки имени «Служащих и рабочих П. И. Макушина в г. Томске».

Автор этой книги — томский литератор Г.Я. Крекнин!* посчитал нужным поместить в конце издания фамилии всех 73 «господ издателей» с разъяснением, что «для вышеуказанной цели они внесли 405 р. 50 к., памятуя, что эта форма чествования наиболее соответствует заслугам и значению юбиляра, который 50 лет неустанно своим примером показывал и всем твердил, что «знание — свет и сила».

Я также считаю уместным привести здесь

* Примечания даны в конце книги.

полностью этот список, принимая во внимание, что многие из «господ издателей» поплатились в двадцатые годы своим добрым именем за этот благородный поступок. Вот их фамилии: Амзоров Е. В., Аристова, Бражников В.Г., Балдина М.И., Буторина М., Бобков, Васильева К.С., Ваганов К.С., Глюкман Е.М., Глушков Д.В., Голдобина П.С., Горностаев Н.И., Горностаева Т.Н., Дедюхина А.Я., Докшин Д., Дурасов Д., Ельчанинова В.В., Жигалов П., Захаров А.Я., Завьялов, Златковская Е.И., Казадаев М.К., Кошкин, Корнилова Ю., Колесникова Т., Крекнин Г.Я., Коншина З.И., Колосов В.И., Лошкутов И.Ф., Леднев В.К., Леднева А.Г., Лунегов Н.И., Мальшева К.Н., Максимова И.Ф., Максимчук К.С., Медяников, Морозов П.А., Малютин П., Никифоров М.Н., Новикова А., Немиров И.З., Новиков, Османский, Одношивкин А., Орлов И.А., Парамонова А.Н., Парамонова В., Петрова М.Г., Пермитина А.А., Попова А.Е., Прошина П.С., Пухальская А., Приленский Ф., Пушников Ф.Е., Рычковский М.Д., Рычкова А.А., Сахневич М.И., Скворцов П.В., Словиковский З.Ф., Сергеева А.П., Старинина К.А., Сурдул Ф.М., Суетин И.С., Томашевский Д.А., Топорков С.Б., Ушаров В. Г., Федорчук М., Халдеев М.С., Чеченова К.Я., Шутов Ф.А., Шевченко Г., Шувалов С.².

Может быть, кто-то среди этих имен найдет фамилии своих далеких родственников. Знайте, что поступок их благороден и прекрасен. Не желание угодить хозяину, не подхалимство и лизоблюдство руководили ими, как считали в первые годы советской власти многие ретивые низвергатели прошлого. «Господа издатели» хотели представить России личность действительно интересную, характер сильный и самобытный, подчинивший всю свою жизнь одной цели — просвещению народа.

Решение же основать в одном из сел Томской губернии на вырученные от продажи издания деньги бесплатную библиотеку возводило рабочих и служащих Макушина в ранг единомышленников со своим хозяином.

Случай сам по себе также редкостный и заслуживающий особого внимания.

Как же эта необычная книга попала ко мне в руки? ...Я шла по залам ленинградского музея А. В. Суворова. Личные вещи полководца, портреты его друзей и соратников, трофеи, захваченные русским воинством в битвах под командованием Александра Васильевича.

Один из разделов экспозиции рассказывает о значении суворовских традиций в воспитании кадров Советской Армии. Среди экспонатов этого отдела — эскиз ордена Суворова, а рядом небольшая фотография совсем еще молодого человека.

— Автор эскиза — архитектор Скокан, — поясняет экскурсовод.

Захотелось найти этого человека, поговорить с ним, расспросить, как создавался эскиз боевого ордена. Ленинградский писатель Владимир Николаевич Грусланов, автор книги «Шпага Суворова», к которому я обратилась с вопросом, сказал, что Скокана надо искать в Москве.

...В первые дни войны его, дипломника Московского архитектурного института, ворошиловского стрелка, парашютиста, альпиниста, вызвали в ЦК ВЛКСМ: создавались группы добровольцев для заброски в тыл врага. Десять дней ускоренной подготовки — и ночной прыжок в болота Белоруссии. Сотни километров по тылам врага, к линии фронта — разведка, диверсии. Поздней осенью сорок первого он в числе немногих, оставшихся в живых, перешел линию фронта. Командованию были переданы ценные сведения.

А потом работа в Центральном военно-проектном управлении. Вот тогда-то ему и предложили участвовать в конкурсе на эскиз ордена Суворова. Он подключился к работе уже на последнем этапе. Всего десять дней до просмотра правительством оставалось в его распоряжении. И все-таки он рискнул... Эскиз архитектора Петра Ивановича Скокана был признан лучшим.

А через год с небольшим Скокан принял участие в сооружении памятников солдатам четвертого Украинского фронта, павшим при освобождении Западной Украины и штурме перевалов в Карпатах. А после войны — санаторий «Горный» в Крыму, монументальное здание кинотеатра «Новороссийск», Центр международной торговли в Москве.

Уже в конце нашей беседы Петр Иванович открыл ящик письменного стола и вытащил простенькую коробочку. В коробке лежала массивная медаль из серебра. Латинскими буквами надпись: «Пьер Макушин».

— Постойте, Пьер Макушин... Петр Макушин... Эта медаль не имеет отношения к сибирскому просветителю Макушину?

— Да, Петр Иванович Макушин мой родной дедушка, — был ответ.

— А где бумаги Макушина? — спросила я.

— Архив дедушки у меня... Если заинтересуетесь, можете посмотреть, — ответил Скокан.

Длинными летними вечерами я разбирала ящички с бумагами. Чего тут только не было! «Своеручные», как говорили в старину, записки самого Петра Ивановича Макушина о детстве в глухой деревеньке Пермской губернии, о годах учения, о скитаниях по Алтаю, о полувековой жизни в Томске, отданной заботам по просвещению жителей города и края.

Отдельно в старых папках были сложены фотографии самого Петра Ивановича, его родных и близких. Среди них внимание остановило лицо молодой женщины.

— Это моя мать, Викторина Петровна, младшая дочь Макушина. Она получила прекрасное образование во Франции, в Сорбонне. Потом увлеклась издательской деятельностью и стала верной помощницей дедушки Петра Ивановича, — пояснил Скокан и добавил: — Между прочим, мама сопровождала дедушку в 1924 году в Москву, в ту поездку, когда он был принят Анатолием Васильевичем Луначарским. В то время она вместе с дедушкой работала в «Сибкрайиздате»³. Позже ее направили в столицу — заведовать отделением этого издательства. Став опытным книжным работником, мама многие годы руководила отделом в «Международной книге». Воспитала двух сыновей: старший, Андрей Иванович — инженер, я — архитектор. Она скончалась в Москве в 1969 году, ей шел 81-й год.

— Старшая дочь Макушина — моя тетка Елизавета Петровна — прожила еще дольше, — продолжал Скокан, — она умерла, когда ей исполнилось 90 лет. Вся ее жизнь была связана с просветительской деятельностью Петра Ивановича. Она не завела семьи, не вырастила детей, полностью посвятив себя работе с книгой. В 1920 году Елизавета Петровна поступила в библиотеку Томского университета. Тридцать шесть лет проработала там. Ее и сейчас вспоминают в университете, как лучшую заведующую читальным залом для научных работников.

Недолгой была жизнь сыновей Макушина, моих дядьев: Дмитрий Петрович, способный юрист, умер в 30 лет в Берлине, в начале века, после не-

удачной черепной операции, младший — Петр Петрович, скончался в 1918 году, когда ему едва исполнилось двадцать лет.

Рассказывая все это, Скокан не спеша распаковывал самый объемистый ящик. В нем хранились книги. «Каталоги книжных магазинов П. И. Макушина», «Каталоги публичной библиотеки»; «Дом науки» — называлась одна из обнаруженных в ящике книг. «На память» — было отпечатано на обложке. Видимо, книга эта рассылалась всем, посетившим 7 октября 1912 года церемонию открытия «Дома науки». На дне ящика лежало несколько экземпляров книги Г. Крекнина — «Ревнитель света — П. И. Макушин», с которой мы начали наш рассказ. В одну из этих книг был вложен пожелтевший буклет с портретом Макушина на обложке. «К 80-летию со дня рождения» — стояла надпись, и ниже: 13.VI.1844 — 13.VI.1924 год. Значит, буклет был издан при советской власти!

С волнением разворачиваю буклет. Неужели «красные» отмечали юбилей миллионера? Да, все так. Ошибки нет. На развороте дан краткий очерк общественной деятельности Макушина. Из текста становится ясно, что им учреждены: Публичная (первая в Томске) библиотека (1870), книжный магазин (1873), Общество попечения о начальном образовании в Томске, послужившее образцом для таких обществ во многих городах Сибири (1882). Две женские рукодельные школы (1881 — 1890), студенческая столовая (1888). Кулинарная школа при студенческой столовой (1889). Книжный магазин в Иркутске (1893). Общество взаимопомощи учащихся и учивших в народных школах Томской губернии (1897). Общество содействия устройству сельских

бесплатных библиотек-читален в Томской губернии (1902 — 1919). Общество пособия вечерним образовательным классам (1908). Общество попечения о народном образовании (1909). «Дом науки» (1912). Детский очаг для призрения 100 детей (1915). Общество содействия устройству в селах и деревнях Томской губернии разумных развлечений (1915). Народный университет в Томске (1916).

Как организатор, Макушин выступал в таких просветительных деяниях, как публичные чтения (1875 — 1878), публичные лекции (1881 — 1885), воскресные школы (1881 — 1891), народные воскресные чтения (1883 — 1891), вечерние рисовальные классы для ремесленников (1885 — 1886), вечерние повторительные классы (1886 — 1891), научная выставка (1887), классы ручного труда — (1890 — 1895), летние курсы ручного труда для сельских учителей (1891).

Кроме того, по инициативе Макушина учреждена в Томске бесплатная лечебница (1883). Открыта в Томске народная библиотека (1884) и выстроено для нее отдельное здание, которое впоследствии получило название «Народный дом».

Макушин принимал деятельное участие в городском общественном управлении как гласный Думы в течение 40 лет. Он возглавлял 15 лет городскую училищную комиссию (за эти годы было вновь открыто 17 школ). Также он вел работу более 30 лет в Томском благотворительном обществе, как член правления. 18 лет председательствовал в обществе содействия открытию сельских бесплатных библиотек (открыто 600 библиотек). В обществе земледельческих колоний, как участник в организации и товарищ председателя в первый год и как член правления в пос-

ледующие 12 лет. В обществе попечения о начальном образовании, как председатель, проработал 10 лет. В обществе устройства разумных развлечений в селах Томской губернии избирался председателем 4 года. В комитете «Детского очага» работал председателем 4 года. В попечительском совете ремесленного училища был членом совета 3 года. В обществе пособия вечерним общеобразовательным классам председательствовал 3 года. В совете народного университета — 3 года.

Известен Макушин прежде всего как издатель. Им основаны и издавались прогрессивные газеты: «Сибирская газета» и «Сибирская жизнь», имевшие большое распространение в Сибири. «Сибирская газета» после трех предостережений была закрыта за «вредное направление».

В разделе «Торгово-промышленная деятельность» говорилось, что Макушиным основаны и функционировали под его руководством: книжный магазин в Томске — первый в Сибири (1873 — 1919), магазин канцелярских товаров (1875 — 1919), магазин нот и музыкальных инструментов (1873 — 1919), типография и переплетные мастерские в Томске (1876 — 1910) и в Иркутске (1893 — 1919). Макушин также открыл 125 книжных лавочек-шкафов при волостных правлениях и сельских школах Томской губернии (1896 — 1902). Открыл книжный магазин в Иркутске (1893 — 1919).

В особый раздел были выделены пожертвования Макушина, начиная с 1 тыс. рублей. На строительство студенческой столовой — 1 тыс. руб., на строительство студенческого общежития — 1 тыс. руб., на устройство научных лекций — 1 тыс. руб., на содержание «детского очага» — 1 тыс. руб., в кассу общества пособия учащимся — 1 тыс. руб., на стипендии в женской гимназии —

2 тыс. руб., на фундамент проектируемого здания для народной консерватории — 3 тыс. руб., на деревянный двухэтажный дом для народной библиотеки в с. Ощепково — 3 тыс. руб., на семена в год неурожая в Томской губернии — 3 тыс. руб., на строительство четырех домов для бедных — 4 тыс. руб., в кассу общества учащихся и учивших — 4 тыс. руб., в кассу взаимопомощи рабочих типографии и переплетной — 5 тыс. руб., в кассу института изучения Сибири для премирования книг о Сибири — 5 тыс. руб., на постройку здания для высших женских курсов — 13 тыс. руб., на учреждение Сибирского литературного фонда — 25 тыс. руб., на строительство «Дома искусств» в Томске — 30 тыс. руб., на устройство вагона-бани и вагона-дезинфекционной камеры — 50 тыс. руб., на устройство и содержание народных бесплатных библиотек в Томской губернии — 40 тыс. руб., на строительство «Дома науки» — 110 тыс. руб., на содержание народного университета (недвижимое имущество) — 250 тыс. руб.

В конце этого раздела значилось: всего около 600 тыс. руб.

Текст буклета заканчивался словами: «1 июля 1922 года Макушин был приглашен к участию в организации государственной книготорговли в Сибири и с того числа состоит членом Правления Сибирского краевого издательства. 1 марта 1924 года избран и утвержден Сибревкомом в звании товарища председателя Сибирского отделения Всероссийского общества «Долой неграмотность».

Отложив в сторону этот уникальный документ, я заинтересовалась у Скокана, были ли другие публикации о его дедушке при советской власти.

— В 1926 году, после кончины Петра Ивановича, газеты «Правда» и «Известия» откликнулись некрологами, а томская газета «Красное знамя» дала целую полосу, посвященную Макушину. Потом тридцать лет никто не вспоминал его имени по-доброму. Особым гонениям подвергались бывшие служащие и рабочие Макушина, издавшие на свои средства уже упоминавшуюся книгу «Ревнитель света — П. И. Макушин». Макушина называли эксплуататором, кровопийцей, обвиняли в пособничестве Колчаку, — с грустью рассказывал Скокан, и продолжал:

— Впервые после долгого молчания о нем вспомнили лишь в 1956 году. В журнале «Советская книжная торговля» московский книговед Утков напечатал статью «Страницы прошлого» об организации Макушиным книжных шкафов-лавочек... А еще через десять лет тот же Утков дал очерк о деяниях дедушки в своей работе «Книги и судьбы». В конце шестидесятых годов, впервые за много лет, появилась статья о дедушке в томской областной газете «Красное знамя». Как раз к 125-летию со дня рождения Петра Ивановича. Ее написал томский краевед Владимир Алексеевич Кашин. Надо сказать, что памяти деда Кашин служит преданно и верно. То, что на «Доме науки», выстроенном на деньги дедушки, до сих пор красуется надпись «Дом науки им. П. И. Макушина», — это заслуга Кашина. Не один раз «горе-патриоты» порывались сбить надпись, как «не соответствующую духу времени». Но Кашин упорно доказывал, настаивал, писал в областные организации и даже в Москву, — продолжал свой рассказ Скокан.

До революции в этом доме работали Высшие женские курсы, «Общество содействия устрой-

ству сельских бесплатных библиотек-читален Томской губернии», проводились различные культурно-просветительные мероприятия.

В советское время, еще при жизни Макушина, в январе 1920 года, здесь открылись Сибирские артиллерийские курсы, позднее преобразованные в Томское артиллерийское училище (ныне Томское высшее военное командное училище связи). Позднее этот дом занимали сельскохозяйственный, лесной и зооветеринарный техникумы, а в 1941 году ненадолго была размещена одна из военных академий, эвакуированных из Ленинграда. Сейчас помещение занимает Дворец культуры объединения «Сибкабель».

Но имя Макушина значитесь не только на фронтоне «Дома науки». Его можно прочесть и на доме № 4, набережная реки Ушайки. Здесь в 1873 году был открыт первый в Сибири книжный магазин. Об этом событии напоминает мемориальная доска, установленная несколько лет назад. Кстати, проект этой доски принадлежит внуку Макушина — заслуженному архитектору РСФСР П. И. Скокану. Именем Макушина назван и один из переулков в старой части города Томска.

Томичи бережно хранят память о своем земляке. Документы, связанные с его именем, находятся в экспозиции областного краеведческого музея, в областном архиве выделен специальный фонд — «П. И. Макушин».

«СВЕТ И СВОБОДА»

Приближалось Рождество 1865 года. Петербург привычно погружался в праздник: кто-то покупал, кто-то продавал. И все шумно торговались. Блестели глаза, розовели щеки. Катили лихачи, неслись кареты. В общем людском потоке двигалась к Николаевскому вокзалу карета ректора Духовной академии.

Единственный пассажир просторной кареты, молодой человек лет двадцати, забившись в угол, сосредоточенно смотрел в одну точку. На нем была суконная пара, сапоги «под ваку», темная дорожная накидка. В ногах стоял кованый сундучок. Он не замечал ни праздничной суеты, ни рождественского снега, который еще с ночи завалил весь город. След беспокойства лежал на его лице.

Молодого человека звали Петр Иванович Макушин. Еще вчера он числился студентом старшего курса Духовной академии, а сегодня... Сегодня начинается его путь на далекий Алтай. Сначала поездом до Москвы, потом другим поездом — в Нижний Новгород. Это ровно тысяча верст. Еще четыре тысячи верст придется проехать на лошадях. Только тогда, наконец, он попадет в конечную точку своего путешествия — Улалу.

Перемены в жизни Петра Макушина наметились после того, как обер-прокурор Синода¹, граф

Д. А. Толстой² обратился к студентам старшего, выпускного курса с необычным предложением: участвовать в создании Центрального миссионерского училища на Алтае. Граф признался, что, хотя миссия по обращению местного населения в христианство существует на Алтае более тридцати лет, грамотных среди инородцев нет. Цель вновь создаваемого училища — готовить из новокрещенных подростков учителей, чтобы в будущем развернуть целую сеть школ в разбросанных по всему Алтаю селениях.

Но как ни распинался обер-прокурор Синода перед студентами, охотников не нашлось. Одни выпускники Духовной академии готовили себя к обычной доле приходских священников, другие — лелеяли мечту получить звание профессора какой-либо семинарии в провинции. Кроме того, выезжать на Алтай надо было немедленно, не дожидаясь окончания учебного года, а это значит прости-прощай академическая ученая степень. Правда, граф Толстой пообещал, что за добровольцами сохранится право на получение ученой степени при условии подачи только сочинения на известную тему. Но обещания обещаниями: рисковать никто не захотел.

И все-таки, через несколько дней после описываемых событий, на столе ректора академии епископа Иоанна появилось прошение об увольнении для поступления в Алтайскую миссию. Оно было подписано фамилией самого блестящего студента старшего курса Петра Макушина.

Ректора прошение Макушина несказанно удивило. Неужели Макушин не догадывается, что участь его предрешена: сразу же после окончания курса его оставят при академии. А там не за горами и профессорская кафедра.

Иоанн пожелал лично побеседовать с Макушиным. В общежитие был отправлен посыльный. А тем временем епископ³ вспоминал о событиях двухлетней давности. В тот 1863 год на тридцать две казенные вакансии в академию было рекомендовано семьдесят два лучших ученика из провинциальных духовных семинарий. Пришлось объявить конкурсный прием.

Одним из первых по числу баллов прошел воспитанник Пермской семинарии Петр Макушин, поразивший экзаменаторов обширными знаниями по всем предметам. Но особенно замечательными были его успехи в русском языке: такого прекрасного сочинения давно не писалось в стенах академии. А ведь этот самый Петр Макушин был допущен к экзаменам только с особого разрешения обер-прокурора Синода. Дело в том, что пермский семинарист не прошел полного курса духовной семинарии, пробыв в богословском классе всего один год вместо двух.

И вот теперь этот самородок, этот истинный талант хочет похоронить себя в алтайской глуши. Нет, нельзя допустить столь неразумного шага. Конечно, ему, Иоанну, ясно, что такого рода идеализм — особая привилегия юности, но все-таки не надо забывать и о благоразумии.

Вошел Макушин, большелобый, скуластый, с той особой бледностью в лице, которая выдает заядлых книжечеев. Привычно встал под благословение, а когда поднял глаза, Иоанн понял: спорить с Макушиным будет трудно. Взгляд его небольших, глубоко сидящих глаз был полон той особой силы, управлять которой дозволено не всякому.

Но епископ решил не отступать. Он заговорил о жизни на Алтае, полной случайностей и опас-

ностей, о возможности общения только с полудикими людьми. О том, что значит для молодого человека среда, дающая пищу уму и сердцу. А там, на Алтае, он будет лишен общества умных и образованных людей. Наконец, ему, так привыкшему к книгам, к чтению, будет остро недоставать и этого.

На все свои доводы ректор слышал только один ответ: «Желаю теоретическое изучение христианства заменить практическим служением этому христианству. И немедленно».

Тогда Иоанн решил пустить в ход еще один козырь: он-де наслышан о том, что отцу Макушина, сельскому дьякону⁴, живется трудно. Семья большая, приход не богат. Родители ждут не дождутся, когда сын-академик станет кормильцем. И такая реальность существует. Академия заинтересована в Макушине. Уже через несколько месяцев, сразу же после окончания старшего курса, Макушин станет надежной опорой семьи. Было бы легкомыслием не считаться с такими обстоятельствами.

Но не помогло даже это. Макушин упрямо стоял на своем. И ректор, теряя терпение, объявил: в приеме прошения отказывает. Дает три дня на обдумывание.

Три дня... Но как это часто случается в состоянии особой эмоциональной приподнятости, думалось не о превратностях предстоящей жизни: память упорно возвращала в детство. Перед глазами стояло родное Путино, село, затерявшееся среди дремучих пермских лесов.

Зимний вечер. Трещит лучина. Дым и чад от березовых дранок ест глаза. По избе движутся какие-то тени. Это мать встречает проезжих купцов-коробейников. С поклоном приглашает к сто-

лу. На столе уже кипит самовар. Самовар в семье кормилец: попьют гости чаю и заплатят за самовар десять копеек. Из них мать истратит три копейки на свечку в церкви, два грошика⁵ сможет подать нищим, а остальные три копейки — оставит на хозяйство.

К копеечной жизни в семье привыкли. Ведь отец, сельский дьячок⁶, получает жалованье всего 28 рублей 56 копеек в год. На эти деньги кормится вся семья — восемь ртов. Но от нищеты спасает хорошо налаженное домашнее хозяйство. В хозяйственные заботы включались рано. Мать находила работу даже самым младшим. В три года, обрядив в длинную холщовую рубаху, она вывела Петю во двор и сказала: «Ты будешь кормить кур и гусей». К концу лета обязанностей прибавилось: с длинным березовым прутом он бегал по огороду, отгоняя воробьев с гороховой делянки.

А потом пришла пора жать хлеб, убирать лен и коноплю, копать картошку, белить холсты, мотать пряжу. Этому посвящалось время каникул, на которые он приезжал из Перми, будучи учеником сначала духовного училища, а затем духовной семинарии.

Изредка тяжкий физический труд прерывался вылазкой в лес по грибы и ягоды. Обычно к этому готовились еще с вечера. Сестры Афанасия, Варвара, Мария приводили в порядок лукошки для грибов и туески для ягод. Вставали на рассвете. Утренняя роса леденила босые ноги. Шли в молочном тумане, продираясь через него, как через паутину. Рассыпавшись по лесу, аукали, но не часто. Отец не любил лишнего шума.

К обеду возвращались домой: искусанные комарами, перепачканные малиной, особенно младшие братья Николай и Алексей. Выстроившись

гуськом, выкладывали перед матерью свою добычу. Она придирчиво рассматривала лесные дары. Тут же распоряжалась, что в бочки на соленья, что в печь — на сковороду. Малину раскладывали на ветерке. В урожайные годы такой сушеной малины набирали целый пуд. Зимой ее заваривали и пили вместо чая; по праздникам все получали от матери горсть малины, как лакомство.

Сельские праздники — короткая передышка в тяжком труде. Как ждали их, как готовились! С утра стелилась на стол холщовая скатерть, мать доставала из сундука люстриновое платье, накидывала на плечи пеструю шаль с кистями. Но так уж повелось, что ни один праздник не обходился без скандала. Ссора разгоралась между отцом и священником из-за дележа церковных доходов, собранных от прихожан по случаю праздника. Священнику хотелось положить в свой карман почти все, отец требовал раздела «по закону».

Батюшка грозился пожаловаться благочинному⁷. И часто приводил свою угрозу в действие. Благочинный обычно принимал сторону священника, а бедному дьячку обещал исключение из духовного звания с отдачей в солдаты. Отец отступал, напивался с горя, ронял голову на праздничную скатерть, повторяя: «Я раб, бесправный раб».

Может быть, тогда в детскую душу впервые закралось сомнение в справедливости суда тех, кто уполномочен от имени Бога творить на земле благие дела. Скоро к этой крамольной мысли прибавилась другая: если Бог существует, почему не остановит руку палача?

Главным палачом в Путине был управляющий графини Строгановой. Ей принадлежало Путино и многие земли окрест. Но сама графиня жила в

Петербурге, и управляющий от ее имени вершил суд и расправу. Обычное наказание — розги. Секли в управе, по соседству с родительским домом. Жутко было слышать крики несчастной жертвы. Хотелось забиться куда-то в глухой угол, убежать на дальнее картофельное поле или на берег пруда. Как мечталось, что сейчас, сию минуту, вмешается тот, кто там, на небесах, все видит, все слышит и поможет несчастному. Но истязание прекращалось только тогда, когда наказуемый переставал кричать, впадая в беспамятство. Крепкие мужики выдерживали до двухсот розог...

Окончательно детская вера в справедливость «боженьки» была подорвана безобразной расправой над раскольничьим попом. Его убежище открыл в глухой тайге крестьянин-охотник. Тотчас донесли управляющему. В тайгу был отправлен отряд стражников. Кроме того, подняли все взрослое население окрестных деревень. Экспедиция закончилась победой: связанного по рукам и ногам, избитого, окровавленного попа доставили в управу. Всю ночь поп бредил, призывая «заступника». К утру умер.

Кто виноват? Виноват «он». Видит, слышит, но не вмешивается. Значит, в жизни не на кого надеяться. Страшно одиноко делалось от этой мысли. Одиноко вдвойне, потому что не с кем было поделиться. Мать ужаснулась бы от греховности помыслов. Отец взял бы березовый прут и нещадно высек.

Лишь сегодня, с высоты своих двадцати лет, на пороге окончания Духовной академии, он с уверенностью может назвать виновника путинских несчастий. Имя ему — невежество. Ведь в селе, кроме священника, дьячка, приказчика и писаря, грамотных не сыщешь. Даже крестьяне-тор-

говцы записей вести не могли. Долги свои они отмечали на липовых палочках зарубками. Сборщики податей выдавали плательщикам вместо расписок такие же палочки-«бирки», означая на них зарубками сумму взноса. Да это и неудивительно: школы ни в Путине, ни в других близлежащих селах никогда не было.

Поголовное невежество порождало дикость. Одним из проявлений этой дикости была беспредельная вера в нечистую силу. В Путине не было человека, кто не боялся бы леших, оборотней, колдунов. В их семье особый страх нагоняли колдуньи, которые напускали по ветру болезни. Несколько мужиков в селе пользовались такой недоброй славой. Их всегда встречали приветливо: мать старалась хорошенько угостить, всячески угождала, задаривала.

Кроме того, в семье зорко следили за тем, чтобы на шее всегда висел крестик. Без креста нельзя было показаться на реке — возьмет водяной, идти в лес — закружит леший, в баню — банный бросит на каменку.

Как искоренить дикость? Как победить невежество? Петр верит только в одно: безграмотной, нищенствующей, полурабской стране прежде всего нужно просвещение. А оно — в грамоте, в книге, в науке. Помочь забитому бесправному народу, из гущи которого он и сам вышел, — вот главный его долг.

Но как сказать об этом епископу Иоанну, человеку довольно ограниченному, педантичному, мыслящему раз и навсегда установленными категориями? Пожалуй, аргумент, что теоретическое изучение христианства он желает заменить практическим служением этому христианству, самый подходящий.

С тем и отправился Петр Макушин на новую встречу с ректором академии. На этот раз Иоанн принял прошение и дал ему ход.

А потом была ректорская карета, недолгий путь к Николаевскому вокзалу по городу, заваленному рождественским снегом. Тяжелая минута сомнений: хватит ли сил, характера, знаний, чтобы осуществить задуманное.

Первая остановка на долгом пути к Улалу — Москва. Здесь, в Симоновом монастыре, неделю ждал попутчиков на Алтай. В огромном городе — ни единой знакомой души. Но, как всегда, лучшим лекарством от одиночества служили воспоминания. Готовясь к педагогической деятельности, он вызывал в памяти образы своих учителей.

Ему едва исполнилось семь лет, когда отец сам вызвался обучать сына грамоте. Славянская азбука давалась туго. Первый учитель не скупился на щелчки по голове, больно дергал за уши, бил по рукам. Передышка в два-три дня, когда отец уезжал на рыбалку, была великим счастьем. За азбукой последовали «Часослов»⁸ и Псалтирь⁹. Тексты зазубривал механически, совершенно не понимая содержания. Но отца это заботило мало.

На другой год был отдан в науку чистописания к сельскому писарю. В целях экономии упражнялся на промасленной бумаге. Гусиное перо окунал в разведенный водой мел. Когда лист был исписан черточками, буквами, словами, все смывалось водой и на том же листе начиналось заново. Грамматикой и диктовкой не занимались: писарь сам не был тверд в этих премудростях.

Первым серьезным учителем стал родной дядя, отец Стефан, священник из села Ильинского. В Ильинском существовало начальное приходское училище, где отец Стефан вел закон Божий. Туда

на два года он и поместил своего племянника. Терпением, лаской, благорасположением он сделал из малоразвитого ребенка понятливого и усердного ученика. Впереди реально забрезжило духовное училище. Летом 1855 года был принят в Пермское духовное училище сразу во второй класс.

Но первый год обучения в училище едва не стоил жизни. Перед Пасхой, посланный на край города за нотами, простудился: таяло, а сапоги были рваные. Вечером, почувствовав жар и озноб, прилег на кровать и заснул. Проснулся с ужасом — уже давно шла пасхальная заутреня¹⁰. Помчался в церковь. Инспектор, увидев, рывкнул: «На колени!» Трудно сказать, сколько времени простоял на коленях, очнулся только через неделю в больнице, куда унесли сторожа прямо из церкви.

Не удалось избежать и порки, распространенного наказания в училищной жизни. Однажды случайно задел локтем соседнюю парту. Этот безобидный шум привлек внимание инспектора. Приговор беспощаден — розги. Причем инспектор прибавил злорадно:

— Тебя одного я не сек. Через полгода ты уйдешь в семинарию и будешь там похваляться, что вышел из училища ни разу не сеченным.

Отчаянная борьба со сторожем, который исполнял и должность экзекутора, ни к чему не привела: свои пять ударов розгою пришлось получить.

Скоро десять лет минует с тех пор, а буря, рожденная в душе унижительным и несправедливым наказанием, не унимается. «Всеми силами бороться за попираемые права человека» — клятва, данная в те годы, руководит им и теперь.

Благодаря этой клятве он очутился здесь, в

Москве, в Симоновом монастыре, по дороге в далекое село Улала.

Наконец, прибыли долгожданные попутчики — монахи Варсонофий и Платон. До Нижнего Новгорода добирались железной дорогой, а там пересели в трехместную кошеву и продолжали свой путь на лошадях.

Без приключений прибыли в Казань. Впереди маячила Пермь — город его семинарской юности. Картины пережитого ярко вырисовывались в памяти.

...Лето 1858 года. Он снова в родном Путине. С отличием закончено духовное училище. Награда — перевод в словесный класс духовной семинарии. Успехи четырнадцатилетнего подростка поразили путинцев. В церкви управляющий графини Строгановой и сельский писарь здороваются с ним за руку, священник после воскресной обедни приглашает на чай. Отец разговаривает с ним уважительно, не кричит, не ругается, а мать каждое утро заваривает настоящий чай. В те летние месяцы он впервые ощутил то особое уважение, которым пользуется в народе образованный человек. Где-то в глубине сознания рождалось новое чувство — чувство собственного достоинства.

Уже с первых дней учебы в семинарии это чувство начало крепнуть, набирать силу. Еще бы! Сам ректор обращался к ученикам «господа». Отменно вежливы и профессора: от них не услышишь привычного — «пащенок». Среди преподавателей особенно выделяется один: Алексей Никифорович Моригеровский. Он ведет теорию словесности.

Знакомство с ним началось с вопроса: читал ли Пушкина? Пришлось признаться — ничего не читал; в духовном училище книг для чтения не полагалось. На следующий день Моригеровский при-

нес и вручил «Евгения Онегина». Это было событием. Ведь ученикам позволялось чтение только святоотеческих сочинений да житий святых и Библии. Этими книгами была заполнена фундаментальная семинарская библиотека. «Евгением Онегиным» открылась русская классическая литература. О прочитанном беседовали с Моригеровским в перерывах, между занятиями, а по субботам — у него дома.

Алексей Никифорович был одним из пяти сыновей сельского священника Моригеровского. Почти одновременно со своим братом Александром закончил Петербургскую духовную академию и был направлен на преподавательскую работу в Пермскую духовную семинарию. Вместе с ним в семинарии преподавали Иконников, Воскресенский и другие молодые учителя, все выходцы из среды сельского духовенства. Они сочувствовали крестьянству. Недаром Моригеровский так любил Некрасова.

Каждое новое произведение поэта, появлявшееся в печати, жадно прочитывалось, потом заучивалось наизусть, переписывалось в заветную тетрадь.

Стихи Некрасова давали повод говорить с учениками-единомышленниками о горькой участи обездоленного трудового люда, о безобразных язвах крепостничества, о том, что многострадальную Россию все-таки ждут перемены. Ведь свежий ветер предреформенных идей всюду гулял по стране.

Сейчас трудно в это поверить, но на литературных вечерах в семинарии читали сочинения Чернышевского по крестьянскому вопросу, публиковавшиеся в «Современнике». А ведь в этих сочинениях Чернышевский на конкретных приме-

рах показывал, что подготовлявшееся «освобождение» является обманом и ограблением крестьян.

Тогда же, подражая Герцену, начали издавать «Семинарский колокол», который по совету Иконникова переименовали в «Семинарский звонок». В этот журнал переписывали статьи Герцена из «Колокола» и помещали свои — о беспорядках в семинарии.

Душой антиправительственной кампании не только в семинарии, но и в городе был Моригеровский. Он являлся одним из создателей кружка революционных демократов в Перми, поговаривали, что им же была написана антикрепостническая статья-прокламация под названием «Послание старца Кондратия», в которой царь изображался как антихрист, опутавший народ железными цепями. Прокламация настойчиво призывала народ к борьбе с существующим строем.

Ходили слухи, что три профессора семинарии при участии двадцати воспитанников даже открыли подпольную типографию. Будто бы листовки, выпущенные этой типографией, расходились по городу. И кто-то даже читал листовку с пародией на российский гимн: «Боже, царя возьми. Добрых душеителя, злых покровителя к черту пошли. Счастья, свободы жаждет народ».

Вскоре кружок был раскрыт. Донос на деятельность семинаристов сделал ученик Попов. Для производства следствия в Пермь дважды из Петербурга приезжал флигель-адъютант царя Мезенцев¹¹, будущий шеф жандармов.

Моригеровский за «вредное направление мыслей» и «вредное влияние на воспитанников семинарии» летом 1861 года был отправлен в административную ссылку. Местом ссылки ему назначили Тотьму Олонецкой губернии. Слабый здоровьем,

не выдержав полной лишений жизни, он скоро скончался. Рассказывают, что перед смертью он получил небольшое пособие от литературного фонда из Петербурга. В этом ему содействовали Чернышевский и Некрасов.

Та же печальная участь постигла и профессора всеобщей истории священника Евгения Вечтомова. За «свободомыслие» его лишили места в семинарии, а также исключили из ключарей кафедрального собора, назначив священником в Чердынский уезд. Позже стало известно, что так же как Моригеровский и Вечтомов, терпели расправы преподаватели других духовных учебных заведений в связи с надвигающимися революционными событиями.

Пострадали и воспитанники. Около двадцати старших учащихся, привлеченных Моригеровским в кружок, были исключены из семинарии без права поступать в какое-либо учебное заведение.

Черная ночь нависла над семинарией. Два мракобеса пришли к власти: ректор — архимандрит¹² Дорофей и инспектор — игумен¹³ Иннокентий. Иннокентию принадлежит идея уничтожения учебной библиотеки. Библиотеку завели еще при Моригеровском. Она состояла главным образом из произведений русских авторов. Книги покупались на деньги, которые жертвовали родители учеников. Ведь многие прекрасно понимали, что подростку, живущему далеко от дома, в казенном интернате, хорошая книга заменяла семью, душевное общение с родными и близкими.

Приняв дела в семинарии, Иннокентий потребовал прекратить чтение «безнравственных, светских книг». К числу таких книг в первую очередь были отнесены сочинения Пушкина и Лермонтова. Расстаться с книгами никто не пожелал. Их тай-

но перенесли в город, на частную квартиру, поставив библиотеку в положение нелегальной, «подпольной».

Инспектор же продолжал охотиться за вредными книгами. Не раз и не два книги приходилось переносить из одной квартиры в другую, но нашелся предатель. Иннокентий обнаружил библиотеку.

На следующее утро в самой просторной комнате семинарии были собраны все воспитанники. По приказу инспектора сторож принес мешок с конфискованными книгами. Заранее была растоплена печь. Иннокентий вынимал из мешка книгу, вырывал ее из корешка и, бросая в печь, приговаривал: «Вот, смотрите, как ваш Пушкин будет корчиться на том свете, а вот и Лермонтову не слаще, а вот и безбожник Белинский извивается в огне».

Сторож мешал в печке кочергой, книги ярко горели. В зале царила мертвая тишина, прерываемая выкриками инквизитора в черном клобуке¹⁴ с крестом на груди.

После такого аутодафе¹⁵ в классы, несмотря на угрозы инспектора, никто не пошел. Вечером один из воспитанников вышиб поленом двери в квартиру инспектора, намереваясь учинить расправу. Но сторожа схватили смутьяна прежде, чем он успел что-то сделать. Вскоре мстителя исключили из семинарии. Вину его, во избежание огласки скандального дела, квалифицировали как «буйство в пьяном виде».

Расправившись с одной библиотекой, семинарские власти принялись за другую. Она принадлежала бывшему преподавателю семинарии, губернскому чиновнику Иконникову и была оформлена как частная публичная библиотека. Формально семинаристы не имели права пользоваться ника-

кой другой библиотекой, кроме своей семинарской. Но многие из года в год брали книги у Иконникова. Во времена Моригеровского начальство смотрело на это сквозь пальцы.

Но вот кто-то из сочувствовавших семинаристам губернских чиновников предупредил заядлых книгоцеев, что губернатор получил от ректора Дорофея донесение. Ректор сообщал губернатору «о существовании в городе лиц, которые, будучи сами настроены вольномыслием и неприязнью против начальства и власти, сообщают свои настроения воспитанникам семинарии, привлекая в свое общество самых способных». Как на источник нравственной заразы, ректор прямо указывал на библиотеку Иконникова.

Вскоре стало ясно, что разговоры вокруг библиотеки Иконникова не пустая болтовня. Сам инспектор Иннокентий грозно сказал: «Каждого, кто будет пойман с книжкой светского содержания, ждет исключение из семинарии».

Ничто не могло остановить любителей «светского чтения». Каких только ухищрений не придумывали, чтобы провести инспектора. Так, во время вечерних занятий, когда можно было после приготовления уроков читать Библию или жития святых, раскладывали эти книги на столах, а под них в выдвинутый ящик стола помещали журналы «Современник», «Русское слово»¹⁶ или другие издания из библиотеки Иконникова.

Входил инспектор. Приветствуя его, все шумно вставали. При этом ящики незаметно задвигались в столы, а на столах оказывались только удобные Иннокентию сочинения. Когда успокоенный инспектор покидал аудиторию, дружно выдвигались ящики столов, и чтение «запрещенной» литературы продолжалось.

Выслеживание «преступников», занятых чтением «безнравственных» книг, проводилось и во время классных занятий. Но не в классах, а в спальнях воспитанников. Инспектор не однажды совершал набеги на комоды и ящики с бельем. Сейчас ему, Петру Макушину, кажется чудом, что именно в его ящик ни разу не заглянул Иннокентий. А ведь там всегда были упрятаны одна или две книги из библиотеки Иконникова.

Часто ночью инспектор появлялся в спальном корпусе в надежде поймать кого-нибудь с «запрещенной» книгой у мерцающей ночной лампы. Но это редко удавалось: подкупленный ночной сторож нечаянно ронял полено или табуретку, предупреждая об опасности. Пока фигура сыщика появлялась у стеклянных дверей спальни, книгочей успевал спрятать «безнравственную» книгу и с головой зарыться под одеяло.

И все-таки меньше, чем за год одиннадцати семинаристам пришлось покинуть учебное заведение: им было предъявлено обвинение в чтении «запрещенных» книг.

Но одно исключение переполнило чашу терпения семинаристов: как-то воспитанник старшего класса, задумавшись, не снял фуражку перед инспектором. Последовало удаление из семинарии с формулировкой «за дурное поведение».

В тот день семинария напоминала растревоженный улей: воспитанники перебегали из класса в класс, что-то горячо обсуждали и, наоборот, таинственно перешептывались. А поздним вечером какой-то смельчак бросил в окно квартиры ректора булыжник. К нему было привязано письмо. В письме — двадцать требований семинаристов.

Главное требование — разрешить бесконтрольно пользоваться городской публичной библиоте-

кой Иконникова. Второе — разрешить посещать спектакли городского театра в те дни, когда это дозволялось гимназистам. Далее шло крамольное требование о сокращении продолжительности церковных служб. Потом говорилось об уничтожении шпионажа в стенах семинарии, а также об улучшении пищи, вежливом обращении инспектора с воспитанниками. Особо отмечался свободный выход из общежития в город в будни и праздничные дни.

Уже утром семинария была объявлена взбунтовавшейся. В Святейший Синод, в Петербург полетела тревожная телеграмма. А тем временем инспектор выписал на особом листе первые три требования как наиболее «преступные» и отправил этот лист по классам, объявив: «желающие пусть поставят свою подпись».

Расчет был прост: никто не захочет рисковать, лист останется чист, а значит, можно будет замять дело. Каково же было удивление семинарского начальства, когда буквально через несколько часов лист оказался испещренным подписями. Их насчитали семьдесят. Причем среди подписавшихся стояли фамилии всех без исключения лучших учеников семинарии.

Стало ясно, что на этот раз скандал замять не удастся, как это случилось в день ежегодного празднования восшествия на престол Александра II. Тогда на дверях всех аудиторий семинарии появились плакаты такого содержания:

«Цари, сидя на тронах золотых,
Твердят, что я помазал их.
Да что вы, господа!
Я и не думал никогда...
Да мазал ли бы я таких уродов...»

Далее шла подпись: «Бог Саваоф». Ректор и инспектор пришли в ужас от такой крамолы. Плакаты были сорваны, но следствия по этому делу никакого не вели: боялись за себя. Гласность могла обернуться концом карьеры.

Последствия «бунта» оказались утешительными для семинаристов. На этот раз, несмотря на расследование, воспитанники, подписавшие требования, понесли сравнительно мягкое наказание: были отданы под «строгий» надзор правления семинарии.

Пожалуй, больше всех из-за «бунта» в семинарии пострадал Иконников. Главной уликой против него послужила переписанная речь А. П. Шапова¹⁷ «Друзья за народ убитые». Писатель произнес ее на панихиде в одной из кладбищенских церквей в Казани. Панихиду служили в честь убитых крестьян села Бездна Спасского уезда Казанской губернии, дерзнувших весной 1861 года выступить против своего помещика, отрезавшего в свою пользу после реформы более трети земли. Библиотека Иконникова была закрыта, а сам он сослан без срока в Березов «как главный руководитель лиц пермского кружка, замеченный в злонамеренных действиях».

Известие это ошеломило. Представить свою жизнь без книг было просто невозможно. И именно в тот момент, когда ясно стало пробуждаться сознание своей личности, когда крепили в душе стремления к свободе и справедливости. В те дни только одно происшествие скрасило горечь потери.

На публичном экзамене местный архиерей Неофит, довольный ответом по русской истории, спросил:

— Кто твой отец?

— Дьячок.

— Сколько лет он служит дьячком?

— Двадцать.

— Пусть приезжает в Пермь, я посвящу его в дьяконы...

Этот случай еще раз утвердил в мысли: как бы там ни было, надо учиться. Учиться, чтобы не быть затоптанному в грязь самому, чтобы помочь выбраться из этой грязи другим.

Возвратившись с каникул в сентябре 1862 года, семинаристы нашли в своем учебном заведении перемены: вместо ненавистного ректора Дорофея их встретил новый ректор Вениамин. Инспектора Иннокентия сменил новый инспектор Логовский. К переменам отнеслись настороженно; как всегда, от начальства ничего хорошего не ждали. Приезжие наставники не торопились. Нововведений не следовало, но было заметно — к воспитанникам присматриваются со вниманием.

И вдруг, как гром среди ясного неба: Макушину явиться в субботу, после всенощной¹⁸ на квартиру к ректору. Но первый вопрос, который задал при встрече Вениамин, был еще более неожиданным, чем само приглашение:

— Первый ученик богословского класса, скажи, что ты читал из сочинений Писарева и Добролюбова?

Подозревая иезуитскую подкладку в этом вопросе, с видом изумления, Петр спросил:

— Кто такие Писарев и Добролюбов? В семинарской библиотеке таких писателей нет и на уроках «словесности» нас с ними не знакомили.

Вениамина ответ привел в замешательство.

— Глупый человек! Писаревым и Добролюбовым сейчас зачитывается вся Россия.

На прощание, вручив один из номеров «Русского слова», Вениамин пригласил прийти через

неделю с отзывом о статье Писарева, помещенной в этой книжке журнала.

В следующую субботу, явившись в назначенное время к ректору, сразу же был приглашен к чайному столу.

За столом Вениамин удивил обращением — «Петр Иванович» вместо привычного — «Макушин». Но ни чай, ни уважительное отношение не прибавили доверия к ректору: слишком живы были в памяти Дорофей и Иннокентий. Оставалось одно — прикидываться, чтобы не дать повода заподозрить себя в сочувствии Писареву. А именно о нем Вениамин не преминул завести разговор.

Терпеливо выслушав речь о том, что взгляды Писарева неосновательны, что это типичное «вольномудство», ректор мягко, но вместе с тем внушительно сказал:

— Напрасно вы, Петр Иванович, думаете, что с вами говорит ректор Дорофей или инспектор Иннокентий. Не верю я тому, что вы не читали ранее ни Писарева, ни Добролюбова. Природа наградила вас большими способностями. Я считаю своим долгом помочь вам развить эти способности для блага других.

С тех пор в течение всего учебного года не было пропущено ни одной субботы. За чайным столом откровенно говорили о прочитанном, о текущих событиях. Но самое главное — открылся доступ к личной библиотеке ректора, к тем книгам, которые при Дорофее считались сугубо «запрещенными» для учеников.

Дело в том, что по своему положению ректор семинарии пользовался правом получать без цензуры заграничные издания; кроме того, департамент полиции часто посылал ему копии прокламаций, печатавшихся в России. Тогда впервые

попали в руки Петра такие издания, как «Черный передел» и знаменитое «Воззвание старца Кондратия», авторство которого приписывалось Моригеровскому.

Вскоре стало ясно, что Вениамин не разделяет скороспелого излечения вековых общественных язв, к которым призывали воззвания и прокламации. Он стоял за мирные пути: просвещение народных масс, внушение правящим классам идей гуманности, справедливости, долга.

В тот год Макушин не раз ловил себя на мысли, что образ Моригеровского отодвигается куда-то вдаль, а его идеи начинают казаться утопией.

Словно почувствовав это, Вениамин утроил свое внимание: распорядился отвести Петру для занятий отдельную комнату. Там можно было работать и после десяти часов вечера, когда вся семинария уже спала.

Перед отъездом на каникулы, во время традиционного субботнего чаепития, Вениамин поинтересовался: какая из духовных академий больше всего привлекает. Макушин признался — Петербургская. Все единодушно в том, что она дает самое солидное образование.

В середине лета в Путино, где беззаботно бежали дни летних каникул, вдруг пришел пакет. В пакете был приказ из правления Пермской семинарии: «Немедленно явиться в Пермь для отправления в Петербургскую академию». В первую минуту подумалось: ошибка. Как можно ехать в академию, не окончив курса?.. Явление небывалое в истории Пермской семинарии.

Но пакет привез нарочный, объявивший, что у дома благочинного ожидает пара семинарских лошадей. Пришлось торопиться — на сборы была отведена ночь.

Благочинный, принимавший отца не далее кухни, когда тот наезжал к нему с деловыми бумагами, теперь справился о его здоровье, угостил прекрасным обедом, а матушка снабдила на дорогу сладкими пирожками. В который раз подумалось тогда о том, что полуграмотная страна чтит того, кто пробивается к свету и независимому положению.

По приезде в Пермь выяснилось: Вениамин, в своем донесении обер-прокурору Синода о том, что скомпрометировавшая себя «бунтом» 1861 года Пермская семинария исправилась, просил разрешения держать экзамен в Петербургскую духовную академию воспитаннику семинарии, недоучившемуся в богословском классе год. Ввиду особого исключения такое разрешение было получено.

В Петербург Макушин угадал всего за три дня до начала экзаменов и в тот же день включился в подготовку. Заниматься приходилось по семнадцать часов в сутки. В сущности, за две недели экзаменов надо было прочесть и усвоить все то, на что в семинарии отводился целый учебный год.

Но провалиться было нельзя. Скандал для семинарии, позор — ректору: как смел он рекомендовать в академию обычного недоучку! А там бы архиерей, потеряв доверие, не предложил бы место в своей епархии¹⁹ после окончания семинарии или перенес бы свою немилость на бедного отца.

День, когда были объявлены списки принятых в академию, и поныне счастливейший в жизни. В тот день Петр впервые со вниманием оглянулся вокруг. Его комната в общежитии оказалась светлой и просторной. Мебель — полированная, кровать — железная с волосяным матрацем, чистыми простынями, байковым одеялом. В столовой — све-

жая скатерть, салфетки, фаянсовые тарелки, хорошо вычищенные серебряные ножи и вилки; обед из трех блюд, ужин — из двух, утренний и вечерний чай с белой булкой.

А вечером воображение поразил Невский проспект, магазины, рестораны, нарядно одетые дамы и господа — все купалось в море разноцветных огней. Гигантская иллюминация была устроена по случаю тезоименитства²⁰ Александра II. Но в сердце жила и пела своя радость: «студент... студент академии...» И казалось, что весь этот праздничный шум, мигание огней, музыка — в честь его поступления в академию.

Начались академические будни. Программа была насыщена до предела: история, философия, литература, логика, физика, психология. Требовалось большое напряжение ума и воли, чтобы сохранить за собой славу первого студента. Профессора к курсу своих лекций обычно прилагали обширный список дополнительной литературы. Кто-кто, а первый студент обязан был ознакомиться со всеми рекомендованными изданиями. Но даже в богатейшей библиотеке академии не всегда можно было найти нужную книгу. Приходилось обращаться в Императорскую Публичную библиотеку.

Однажды зачерпнув из этого книжного родника, Петр не мог уже оторваться: два-три раза в неделю обязательно посещал Публичную библиотеку. Особенно много удавалось прочитать летом. Однокашники, бывшие родом из близлежащих к Петербургу губерний, разъезжались по домам, а он — оставался в городе. О том, чтобы побывать на родине, не могло быть и речи: дорога только в одну сторону от Петербурга до Перми обходилась в сто пятьдесят рублей.

Но чтение вознаграждало за вынужденную разлуку с домом. В тенистом академическом саду прочитано и обдуманно было многое.

А думать было о чем: Россия, так много ожидавшая от крестьянских реформ, по существу, ничего не получила. Ничего, кроме репрессий, ссылок, тюремных казематов. Упрятан за решетку Чернышевский, лишен свободы Серно-Соловьевич. Но остановить поступательное движение истории трудно: в который раз бунтует Польша, ведут настоящую войну с правительственными войсками повстанцы в Белоруссии и Литве. Об этом постоянно идут разговоры — на улицах, в общественных местах, в лавках, на базарах, у книжных развалов.

Уличные торговцы книгами уже давно заметили Макушина; зовут ласково — «наш сибирячок», разрешают часами копаться в своем товаре, иногда даже скинут пятак, замечая, что не хватает на полюбившуюся книгу. Заметив, что его привлекают политические и социальные издания, предлагают: «Обзор современных конституций» Лохвицкого, «Обозрение экономической статистики России» Горлова, «Гражданское право Царства Польского» Заборовского, «О рабочем классе» Тернера. Но не всегда он в состоянии купить интересующую его книгу. Тогда, несколько конфузясь, просит отложить, пока получит за немецкий перевод или за урок.

Но в последнее время рука все чаще и чаще тянулась к литературе по педагогике. Купил, не торгуясь, «Первое ознакомление детей с природой» Зигизмунда, «Предметные уроки» Перевлеского, «Руководство к детским садам по методике Фребеля» Дарагана, «Начальное обучение в городских училищах» Шафранова, комплект журнала «Учитель».

Интерес к педагогике родился не в один день. Пожалуй, ему способствовала та плеяда бездарных учителей, у которых ему пришлось учиться. Сначала — отец. Он буквально вколачивал в него азбуку. Потом сельский писарь. Тот бил линейкой по рукам за каждый промах. Наставники духовного училища знали один педагогический метод — зубрежку.

Только два воспитателя оставили живой след в душе — Моригеровский и Вениамин. Первый звал к немедленной переделке мира путем революции. Второй считал, что можно изменить общество внушением ближнему идеей гуманности и справедливости. «Свобода без просвещения — явление эфемерное», — добавлял Вениамин. Под влиянием Вениамина решение, казалось, уже принято: стать образцовым священником-учителем. Помнится, с этой мыслью и покинул Пермь, направляясь в Духовную академию.

Но так уж устроен человек: возьмет неожиданное и взбунтуется. Вот и с ним так, не проповедей жаждет его душа, а реального, конкретного дела. Таким делом является педагогика. Он прекрасно понимал, что, оставляя за собой право быть педагогом, и только, он расширял поле своей деятельности, безусловно более ограниченное при сане священника. Недавно он четко сформулировал эту мысль и записал в заветную тетрадь: «Знание ведет за собой самосознание и сознание своих прав, желание и умение постоять за эти права».

Внутренне он давно был готов к принятию решения. Предложение обер-прокурора Синода о поездке на Алтай только ускорило этот процесс. Правда, покидая академию, он укрылся за фразой: «Желаю теоретическое изучение христианства заменить практическим служением ему». Но Вениамин — не епископ Иоанн, его не проведешь.

На этом оборвались дорожные воспоминания Петра Ивановича Макушина. Кошева с алтайскими путниками уже мчалась по январским улицам Перми.

Первый визит к ректору духовной семинарии. Всегда выдержанный, ровный, невозмутимый Вениамин даже в лице переменялся, когда ему доложили, что его хочет видеть Петр Иванович Макушин. Изменяя своему обычному спокойствию, взволнованно спросил, прежде чем они поцеловались:

— Петр Иванович, откуда вы?

Усадив за стол, стал расспрашивать, каким образом очутился в Перми, зимой, в половине учебного года? Смотрел прямо в глаза, ожидая ответа. Стало ясно, что от доверительного разговора не уйти. Честно признался: академия разочаровала, особенно на старшем курсе; схоластика, рутина, всякое отсутствие критической мысли. Душа истосковалась по живому делу. Таким делом считает педагогику. Алтай привлек потому, что начинать придется на пустом месте, и ему обещано не только содействие, но и полная самостоятельность.

— Содействие... самостоятельность... — улыбнулся Вениамин. — Как вы еще молоды, Петр Иванович. Но раз шаг сделан, пусть будет благословен тот путь, по которому вы пошли...

Расстались сердечно. Вениамин ничем не дал понять, что проиграл; любимый ученик выбрал иную стезю, высокий идеал священника-учителя променял на хлопотливую должность просто учителя.

После трехдневного отдыха в Перми покатали дальше, к месту своего назначения. Держали путь на Тюмень. Из-за лютых морозов приходилось нелегко, часто останавливались, чтобы отогреться в

теплых деревенских избах. Одежда будущих алтайских миссионеров оставляла желать лучшего.

Мать прямо руками всплеснула, когда увидела его в дорожной накидке, сапогах и суконной паре:

— Да где же это видано? В такой мороз...

Родители жили теперь в селе Ощепково, на 630 верст от Перми по дороге в Тюмень. Убогая обстановка, промерзшая по углам комната. На лицах разочарование: как ждали, как надеялись, что старший сын станет через год кормильцем. Степень магистра, положение в обществе... Но вместо этого — Алтай. Юрты, полудикие люди. Жизнь, полная лишений и опасностей. Отец все никак не мог понять, что сын едет по своей воле. Допытывался: за что так наказали? А мать горько плакала, словно хоронила.

Следующая остановка — в Томске. Город поразили своими каменными строениями. Каменные хоромы ставили себе купцы, золотопромышленники, ловкие ремесленники, городские чиновники, все, кто грел руки на удачном географическом положении города. Московский тракт, а также реки Обь, Иртыш, Чулым, Енисей связывали его с Тобольском, Иркутском, Семипалатинском. День и ночь через Томск шли товары, давая возможность тем, кто умел обогащаться, сколачивать значительные капиталы. Но процветание толстосумов не сказывалось на процветании просвещения.

Епископ Алексей, с которым удалось побеседовать на эту тему, признался: «Порадовать нечем. Мы не английские переселенцы, которые первым делом по прибытии на американскую почву заводили школы. Томское население целых сто сорок лет просуществовало без всяких учебных заведений. Первое училище было открыто при Алексеевском монастыре лишь во времена Елизаветы

Петровны. Еще десять лет назад начальное образование представлялось в городе в самом жалком виде: одно приходское училище, одно уездное, и только».

Из новинок просвещения епископ Алексей рекомендовал посмотреть женскую гимназию, открытую два года назад. При ней существовали приготовительные классы и педагогические курсы.

При знакомстве с гимназией мелькнула мысль: а не создать ли училище инородческих девиц на Алтае?

От Томска до Бийска и от Бийска до Улалы ехали уже по последнему зимнему пути. 24 марта 1866 года Алтайская миссия встречала в Улале своих новых работников.

Свое начало миссия вела от архимандрита Макария Глухарева²¹, ученого, монаха, миссионера. В 1831 году он один прибыл на Алтай и поселился в ближайшем к кочевьям полурусском селении Майма. Вскоре монах сблизился с некоторыми алтайскими шаманами, увлек их проповедью христианских идей, и уже через год на счету Макария был не один десяток новокрещенных инородцев из кочевого стойбища близ Маймы.

Осевшие на этих землях новоиспеченные христиане называли свое селение Улала. Сюда вскоре перебрался и Макарий с прибывшими из России помощниками. Группа энтузиастов официально получила статус миссии, а Макарий был возведен в ранг начальника миссии.

Через тридцать пять лет после появления Макария на Алтае число новокрещенных выросло до четырех тысяч человек. Они по преимуществу жили оседло. Таких пунктов насчитывалось более пятнадцати. В некоторых из них постоянно находился кто-нибудь из членов Алтайской миссии. Он

был обязан посещать ближайшие кочевья и склонять инородцев к принятию христианства, а в случае согласия — крестить их. Такие селения носили название — «Стан миссии».

Но ни в столице миссии — Улале, ни в одном из ее станов школ для инородцев не было. Население грамоты почти не знало. Задача создаваемого «Центрального миссионерского училища» заключалась в том, чтобы из 20 — 30 новокрещенных подростков подготовить учителей для будущих школ станов миссии.

Уже в первые дни стало ясно: открыть «Центральное миссионерское училище» с программой учительской семинарии невозможно. Учить некого. Не только 20—30 подростков, а даже десяток кое-как умеющих читать собрать оказалось трудно. После длительных переговоров с родителями, которые не хотели отдать детей в учение, все-таки удалось набрать четырнадцать мальчиков. За двух учеников миссия буквально уплатила выкуп — по несколько пудов ячменя. Иначе родители не давали согласия на обучение сыновей.

Все дети были взяты на полное содержание миссии в устроенный при школе интернат. Но школа была особенная. Один-единственный учитель не расставался со своими воспитанниками ни на минуту с утра до вечера. Вместе заготавливали в лесу дрова, вместе ходили по ягоды и грибы, вместе готовили уроки, читали вслух книги. В тесном общении ярко проявлялись черты характера, образ мыслей, способности и склонности учеников. Хорошо изучив каждого из своих воспитанников, молодой педагог умело распределял учебную нагрузку. Результаты не замедлили сказаться: за два года была пройдена программа, рассчитанная на четыре.

Своими успехами в арифметике, истории, географии, естествознания подростки поразили томского епископа Алексея, того самого, что посоветовал Макушину посетить женскую гимназию. Приезжий ревизор был немало удивлен тем, что при миссии была открыта школа для девочек.

В служебном отчете в Петербург епископ писал, что «Макушин с 1 ноября 1867 года занимается в учрежденном его старанием и усердием училище инородческих девиц обучением чтению, закону Божию, арифметике и чистописанию».

Но и этого оказалось мало. Молодой учитель хотел до конца исполнить одну из своих заповедей: «Нести знания в окружающую темную массу». По воскресеньям и праздничным дням придумал собирать в школу взрослых. Читал им вслух, беседовал о прочитанном. Слава об ученом русском разнеслась по кочевьям.

Свободное от занятий время отдавал изучению верований местных жителей. Хотелось подготовиться к защите магистерской степени²². Свое академическое сочинение он решил назвать «Шаманство на Алтае». Для этой цели изучил местный язык. Знание языка открыло-возможность без переводчика знакомиться с камами²³, выпрашивать и записывать их заклинания, присутствуя иногда на самих камланиях.

Причем редкий случай: камы доверяли чужезланцу. Обычно камлание²⁴ происходило ночью, на опушке леса, у пылающего костра. Картина жуткая: исступленное завывание и выкрикивание заклинаний бешено кружащегося с бубном в руках человека, одетого в шаманский костюм, его разговоры с духами, мнимая отчаянная борьба с ними ножом и плетью.

Возвращаясь под утро к себе домой, Петр час-

то думал, что в этом обряде крепко слились невежество присутствующих с разгоряченной фантазией самого кама. Ведь часто камлание заканчивалось судорогами и глубоким обмороком шамана. И нет другого пути освободить всех действующих лиц этой комедии от веры в нее, как только грамота и книга.

С целью заинтересовать местных жителей грамотой Макушин часто совершал путешествия верхом на лошади по далеким стойбищам. Кочевая жизнь не тяготила: пища — чай и сухари, постель — кошма из-под седла. Летом спал в палатке, зимой — в юрте, у пылающего костра. К утру костер затухал, и тогда он перебирался к теленку или ягненку, чтобы согреться теплом животного.

Всегда и повсюду с ним была тетрадь, куда он заносил свои дорожные наблюдения: «Инородец, проезжая по местам, где, по его мнению, обитает дух, обязательно сходит с лошади, отрезает клочок своей одежды или вырывает несколько волос из гривы лошади и привязывает свой дар к дереву или колу и только после этого продолжает свой путь». Через некоторое время к этой записи прибавилась другая: «Для умиловления духов приносят в жертву и животных, обычно лошадь. Ее убивают по строго соблюдаемому ритуалу. Мясо варится и съедается, а кожа растягивается на шесте, в дар духам».

«При всех болезнях местные жители прибегают к посредству кама, вполне уверенные, что он состоит в сношении с духами», — делая эту запись, вспомнил родное Путино, «знахарей и знахарок», поэтому в скобках добавил: «все тот же сознательный обман, рассчитанный на глупость верующих».

Тетрадь была для него сущим спасением. Все то, что бушевало в душе, доверял спасительным

листкам. Ведь поделиться своими чувствами и мыслями было не с кем. Не раз вспоминал слова, сказанные на прощание в Петербурге ректором академии Иоанном: «Вам не будет в алтайской жизни доставать двух важных вещей — общества умных, образованных людей и еще книг». Да, книжный голод душил его. Свои шесть десятков книг, которые покупал на книжных развалинах еще будучи студентом духовной академии, были читаны и перечитаны, а миссия библиотеки не имела. И тогда Петр решился на редкий для того времени поступок: выдавать свои личные книги для чтения всем желающим членам миссии и их домочадцам. Быть может, пробудится интерес к книге, а значит, можно будет заводить разговор об общественной миссионерской библиотеке.

В своих предположениях он не ошибся: книжная лихорадка началась в миссии. Читали Бергмана «Историю Петра Великого», Бантыш-Каменского «Историю Малороссии во времена присоединения ее к Российскому государству». Большим спросом пользовался том Банзарова «Черная вера или шаманство монголов», труд Нила «Буддизм». Женская половина с интересом читала книжку Вороновой «Первый шаг для чтения девиц», «Рассказы о солнце, луне и звездах» Парли, а также «Княгиня Наталья Долгорукова» Покровского.

А когда все книги были перечитаны, миссионерская общественность постановила завести свою библиотеку на отчисления из жалованья. Не прошло и года, а миссия уже располагала библиотекой в двести томов. Скоро она выросла до 600 томов. Чтобы продлить срок жизни книг, решили их переплести. На материалы и переплетный станок выделил деньги начальник миссии, а переплетную

науку Макушин вызвался освоить сам. Отправился на масленой неделе в Бийский уезд к псаломщику местной церкви и за десять дней перенял у него ремесло.

А вот чинить одежду, подбивать сапоги, подшивать валенки так и не научился, хотя нужда в этом была отчаянная. Покидая Петербург, по молодости счел неудобным заранее вести переговоры с Центральным миссионерским управлением о своем жалованье. На месте оказалось, что он не внесен в списки. «Выяснение недоразумения» продолжалось два года. Износилась академическая «суконная» пара, развалились сапоги «под ваксу». Проезжий купец, видя такое положение молодого учителя, торговал сундучок с книгами, предлагал хорошую цену.

Последовал твердый отказ. Расстаться с книгами во имя нового платья и сапог — ни за что! Потрясенный поведением полунищего книгочея, купец, уезжая, положил под подушку Макушина свое ватное пальто. «Подарок грел мое тело и надолго согрел мою душу», — записал он по этому поводу в своей тетради.

Тогда появились в тетради и такие строки: «Здоровый, молодой, одушевленный мыслью быть полезным избранному мной делу, я живу надеждою, что «все образуется» и мне удастся, хотя бы и не в близком будущем, осуществить свои академические мечты насчет сети школ на Алтае, приготовив в Центральном училище учителей для инородцев».

Идеализм молодости еще крепко сидит в душе Макушина, но пришел день, и «молодой отшельник взорвался»:

«Представьте меня к подметкам!» — так ответил он, подняв ногу в изношенном сапоге перед

высоким церковным чином, обещавшим за отлично поставленное преподавание в миссионерском училище представить к награде.

Эта выходка решила судьбу Макушина. Наменно нищенским жалованьем, всего триста рублей в год, ему дали понять, что в услугах ученого бунтаря миссия не нуждается.

Но места искать не пришлось. Слава Макушина как талантливого педагога уже начала распространяться по Сибири. Дошла она и до Томска. Видимо, через епископа Алексея, с которым Макушин познакомился еще по дороге на Алтай. А потом, посетив Алтайскую миссию с ревизией, епископ пришел в изумление от успехов макушинских учеников.

В 1868 году томское духовенство избирает на своем съезде Петра Ивановича Макушина на вакантную должность смотрителя Томского духовного училища, положив ему оклад в семьсот пятьдесят рублей. Макушин соглашается. Должность смотрителя открывала более широкое поле для его педагогической деятельности, чем школа при Алтайской миссии. Кроме того, хорошее жалованье давало возможность не только прокормиться самому, но и начать, наконец, помогать своим бедным родителям.

Знакомство с духовным училищем на первых порах заставило его пожалеть о принятом решении. Это была «бурса», но гораздо хуже той, через которую он прошел в Перми. Училище помещалось в наемной квартире, поэтому классные комнаты были крохотными, столовая располагалась в бывшей «кучерской», а в спальнях из-за тесноты почти невозможно было двигаться между кроватями. Кровати старые, деревянные, кишели клопами, простыней не полагалось, прикрывались

рванными одеялами. Белье хранилось под матрацами: в головах — чистое, в ногах — грязное. О комодах и отдельной гардеробной никто и понятия не имел. Там же, под матрацами, складывались учебники, тетради, куски хлеба.

Среди воспитанников находилось несколько сирот. Им предстояло обходиться только одной сменой белья. Когда белье отсылали в стирку, эти бедняги надевали казенное пальтишко прямо на голое тело.

Надо было действовать. И как можно быстрее. Новый смотритель на второй день пребывания в должности попросил аудиенции у архиерея Платона, недавно назначенного в Томск. Выслушав горестный рассказ, архиерей просил потерпеть месяца три-четыре — весной соберется съезд духовенства и все решит.

Но Макушин решил не терять времени. Правда, осуществляя задуманный план, он как бы «выносил сор из избы», а это всегда чревато последствиями...

Через местного врача в училище была приглашена жена губернатора вместе с комитетом дам-благотворительниц. Осмотр училища заканчивался в столовой. Бóльшую часть столовой занимала печь, в которой каждый день пекли хлеб, и плита с тремя котлами — для щей, для каши и для горячей воды. От постоянного кипения воды изба была наполнена паром. С потолка постоянно капало. Чтобы как-то спасти обувь, на сырой пол стелили солому. И все равно под ногами «жулькало».

В тот же день, к вечеру, губернатор был уже у Платона. Он заявил, что дети арестантов в приюте при тюремном замке содержатся гораздо лучше, чем ученики духовного училища. Губернатор припугнул архиерея, что о положении в учи-

лице обязан будет сообщить в своем годовом отчете императору.

Платон дал распоряжение немедленно собрать съезд духовенства для решения вопроса «о приведении духовного училища в надлежащий вид».

Вскоре Макушин уже держал в руках бумагу с решением съезда: тринадцать тысяч рублей на постройку нового здания училища, три тысячи — на заведение новой обстановки. Вот тогда-то Петр Иванович впервые поверил в силу общественного мнения, которое часто бывает более действенным оружием, чем любые прошения и ходатайства.

К осени 1868 года, ровно через полгода после вступления в должность смотрителя, Макушин привел в порядок училище. Было отделано новое помещение, установлена удобная мебель в классных комнатах и спальнях. Между прочим, молодой смотритель проявил себя и как отличный коммерсант: для выгоды в цене кровати заказывались в Екатеринбурге, а одеяла — через «Торговый дом Михайлова» — в Москве. Связь с купцом Михайловым продлится не одно десятилетие, а михайловские капиталы не однажды окажут важную услугу в осуществлении просветительских деяний Макушина.

Но что бы ни сделал Петр Иванович Макушин для духовного училища, одно нововведение не сравнится ни с чем: в училище были отменены наказания розгами. «Десятилетия розга считалась лучшим средством внедрения в детские головы начатков знания, а в сердца — благонравия», — записал он тогда в своей тетради — и добавил: «я распорядился все розги немедленно сжечь».

Другие меры наказаний — ставить на колени, оставлять без обеда — смотритель оставил исключительно за собой. И надо сказать, никогда ими

не пользовался. Учителям разрешалось делать провинившимся воспитанникам только словесные внушения.

Педагогические реформы породили массу недовольных. К ним присоединилось и правление Томской духовной семинарии. Начались разговоры о том, что Макушин «разорит училище, уронит в нем науку и нравственность», а главное — даст семинарии таких воспитанников, с которыми не будет сладу. Двадцатичетырехлетний реформатор был вызван для объяснений к архиерею Платону. Макушин твердо стоял на своем: действовать на провинившегося надо словом, уговором, в исключительных случаях — строгим выговором и обещанием написать родителям.

Вскоре после этого визита к архиерею поступил от Платона указ: «Оставить смотрителя в покое и в его распоряжения не вмешиваться».

Понятно, что педагогические методы Макушина рождались не сами по себе. Он хорошо помнил порядки, которые существовали в Пермском духовном училище в пору его обучения. И все-таки сколько людей, хлебнувших в юности лиха, впоследствии не находили в себе сил бороться с тем, что так угнетало когда-то их души.

Но Макушин не таков. В его заветной тетради часто встречаются слова: «всеми силами бороться...»

Боролся он и за то, чтобы победить у воспитанников страх «перед начальством». Для этого часто появлялся во внеурочное время в общежитии, вступал в беседы, поддерживал игры, принимал участие в чтении вслух. А потом в тетради появилась такая запись о своих воспитанниках: «Мое присутствие среди них им приятно, мои слова имеют в их глазах большую цену».

Боролся за привычку к чтению. Сначала коллек-

тивные читки устраивались только в праздники. Скоро книгочеи стали собираться и в послеобеденное время. Резко возрос интерес к стихам, коротким рассказам. Появилась потребность пользоваться литературой в дополнение к учебнику. Дело шло к учреждению библиотеки. И такая библиотека, пусть пока очень скромная, была создана уже на второй год его смотрительства.

Вспомнив, как на Алтае он страдал от того, что не обучен никаким ремеслам, устроил переплетную, столярную и токарную мастерские. Лучшие мастера города передавали воспитанникам училища свое мастерство.

А каким нововведением были кегли и гигантские шаги! За ними последовали гимнастические снаряды, размещенные во дворе училища под особым навесом. На спортивной площадке мерились силами, подтягивались, прыгали, бегали взапуски.

Сейчас трудно как-то в это поверить, но самый большой переполох наделала в училище первая «рождественская елка». Никому раньше и в голову не приходило, что в стенах духовного училища может сверкать, переливаться искрящимися огоньками эта «немецкая выдумка».

В 1873 году церковные власти оценили труды Макушина на ниве просвещения: ему вторично Святейший Синод преподал свое благословение с выдачей грамоты²⁵. Первое благословение было получено за миссионерскую школу в Улале, но без выдачи грамоты.

Факт получения благословения за приведение училища в порядок отмечен в тетради Макушина, а далее идет такая запись: «Остается только спокойно наблюдать за правильным ходом преподавания и поддерживать установленные порядки».

Обычно у натур сильных и волевых за таким настроением следуют коренные перемены: изменяется род деятельности, профессия, жизненная программа. Неизменной остается лишь страсть, с которой исполняется вновь обретенное дело.

«Ликвидация безграмотности, распространение книг и доступность для всех образования, включая и высшие ступени, — вот главная задача. Просвещение несет народу свет и свободу», — эту запись Петр Иванович Макушин сделал в своей тетради перед тем, как навсегда оставить службу в училище.

КНИГИ ДЛЯ НАРОДА

«Милостивый государь, Петр Иванович! В текущем феврале исполнится 25 лет существования в Томске первой в Сибири книжной торговли. Четверть века неустанной плодотворной издательской и торговой деятельности на пользу распространения отечественного просвещения в Сибири составляют немалую заслугу перед обществом. Приветствуем Вас с таким знаменательным для Вас днем и желаем дальнейшего распространения Вашей издательской деятельности и процветания торговли на многие годы.

При этом, имея с Вами постоянные торговые дела, почти с первого дня открытия Вашего книжного магазина в Томске, мы позволяем себе отметить во всякой торговле весьма желательный факт отсутствия каких-либо недоразумений в сношениях фирм между собой.

При пожелании Вам счастливого успеха в делах Ваших, имеем честь быть готовыми к услугам. К. Глазунов, И. Глазунов»¹.

Петр Иванович отложил письмо в сторону, встал из-за письменного стола и подошел к голландской печке. Прижав вечно зябнувшие руки — память о суровом путешествии из Петербурга в Улалу — к кафельным плиткам, почувствовал, как живительное тепло коснулось кончиков пальцев и поползло к ладоням. Тепло отогревало душу. Душа пробуждала воспоминания.

Глазуновы... Впервые он услышал эту фамилию в начале семидесятых годов, будучи смотрителем духовного училища. Как-то в конце учебного года к нему пришел молодой человек и представился комиссионером столичной книгоиздательской и книготорговой фирмы Глазуновых. Он протянул бланки-заказы на учебники и учебные пособия, которыми фирма не один год снабжала духовное училище. А рядом с бланками комиссионер положил каталог книжных магазинов торгового дома Глазуновых в Петербурге и Москве.

Внимательно просматривая страницу за страницей, он отметил галочкой: «Русская промышленность и ее нужды» и «Источники крестьянской реформы». Автор первой книги не был указан вовсе, а автор второй скрылся за инициалами — «В. О.». Потом на глаза попало трехтомное издание «Сибирь и каторга» Максимова. Тоже поставил галочку. Видя, с каким интересом он рассматривает каталог, комиссионер пояснил, что по договоренности с фирмой смотрители духовных училищ имеют право заказывать у Глазуновых книги в кредит.

В тот же день были составлены бумаги на два десятка самых интересных книг для него. Ему казалось, что не сегодня-завтра он получит желаемый заказ. Но шли недели, месяцы, а книг все не

было. Наконец, долгожданная посылка прибыла в Томск. Он с волнением снял холщовую упаковку и вытащил аккуратные, еще пахнувшие типографской краской томики. Подумал: какое же это счастье держать в руках полюбившуюся книгу.

Вечером зашел на огонек знакомый врач Воронов. Охал и ахал, рассматривая столичные издания. Сам собой завязался разговор о том, что отмена крепостного права не улучшила сколько-нибудь заметным образом положение крестьян. Обремененные выкупными платежами, они так же нищи, как и раньше. Освобожденные от гнета помещиков, они попали под гнет «мира» — общины, и их свобода увеличилась в ничтожной мере. Что же касается дворянства, то оно, после нескольких лет богатой жизни, которую ему доставила спешная реализация выкупных свидетельств, начало сильно чувствовать экономические последствия уничтожения крепостного права. Рабочие руки, прежде даровые, теперь обходились дорого, в них ощущался недостаток. Кроме того, размер имений сократился, доходов стало меньше. А это значит — надо имения закладывать и перезакладывать. При таком положении дел сельскохозяйственный кризис неминуем.

Точно так же и административная реформа не дала всех тех результатов, которых от нее ожидали. Прежде всего она осталась незаконченной. Но даже там, где что-то удалось сделать, не все шло гладко. Например, земства². Правда, до Сибири эти нововведения еще не дошли, а вот из Европейской части России проникают упорные слухи, что затея новая, а пороки старые: уже встречаются дела о взятках и о растратах государственных средств.

На прощание Воронов уговаривал продать ему «Сибирь и каторгу» Максимова, предлагал двой-

ную цену. Книгу Максимова Макушин не продал, но, может быть, впервые реально ощутил, как недостает сибирякам книг. Ведь реформы, проведенные на бумаге, могут возыметь действие только при условии коренного изменения нравов, повышения русской культуры. А о каком повышении культуры здесь, в Сибири, сможет идти речь, когда на территории в десять тысяч квадратных верст — ни единого книжного магазина?

Ближайший центр книгоиздательства — Москва. Нужна книга — пиши в Москву. Только в один конец почта идет двадцать пять суток. Это из Томска в Москву. А если книга нужна жителю дальнего села? Запасись терпением и жди несколько месяцев, как ждал он заказ от Глазуновых. Но ему еще повезло: комиссионер предложил посмотреть каталог. А каталог книжных фирм и издательств, так же как и библиографические указатели, в Сибири редкие гости. Вот почему масса изданий, выходящих в Петербурге и Москве, сибирякам совершенно не известна.

И вдруг среди ночи родилась шальная мысль: а что, если поехать в Москву и Петербург, закупить там у книгопродавцев товар и открыть торговлю в Томске? В самом деле, почему не попробовать? Ведь был же Новиков, который еще в царствование Екатерины II создал «Общество, старающееся о напечатании книг» и в семнадцати городах России открыл книжные магазины.

Или все тот же комиссионер фирмы Глазуновых рассказывал о книжном магазине «Приволжская книжная торговля», который открыл года три назад титулярный советник Владимир Лятошинский в Саратове. Правда, основной задачей этого заведения была торговля учебной литературой, но владелец старался учитывать и другие читатель-

ские вкусы. Выписывал через столичные фирмы книги по истории, юридическую литературу. Кроме того, читатели могли получить в магазине любую справку о том или другом издании.

А о книжной лавке купца Сумкина из Вологды пришлось как-то прочесть самому в «Памятной книжке Вологодской губернии». Там сообщалось, что Сумкин был связан условиями комиссионной книгопродажи с весьма солидным книжным магазином Кожанчикова в Петербурге. Правда, автор публикации добавлял, что торговля книгами шла не так быстро, как и чтение, так что магазин не мог бы и существовать, если бы книжная торговля не составляла только прибавочного занятия. Магазин главным образом торговал бумагой (собственной фабрики Сумкина) и канцелярскими товарами.

При чтении этих строк подумалось, что вывеской книжной торговли пользовался, видимо, не один Сумкин ради приобретения льгот, которые полагались по закону этому виду торговли. А какие же это льготы? Тогда Петр не придавал этому значения. А сейчас...

Наутро отправился к знакомому канцеляристу. Объяснил цель визита. Тот снял с полки увесистый том — «Положение о пошлинах на право торговли и других промыслов». А вот и нужный раздел, согласно которому «содержание учебных, гигиенических и лечебных заведений, а также библиотек для чтения повсеместно и книжных магазинов в городах и сельских поселениях за исключением обеих столиц относилось к «торговым действиям, дозволенным без платежа установленных сим положением пошлин».

Этот довольно выгодный для книготорговцев закон был утвержден 9 февраля 1865 года, а через два месяца издаются «Временные правила о

цензуре и печати», предписывающие местному губернскому начальству осуществлять строгий надзор за книгопродавческой деятельностью, налагать штрафы, а в отдельных случаях закрывать заведения.

Но нет! Никакие «Временные правила» испугать уже не могли. Решение было принято.

Вскоре идея об открытии книжной торговли в Томске обрела реальные очертания. Макушин берет отпуск по службе. Оставить смотрительскую должность нельзя: на его 750 рублей годовых кормится жена — Елизавета Иосифовна и маленький сынишка Дмитрий, кроме того, ежемесячную небольшую помощь надо посылать родителям.

Отпуск отпуском, а где взять деньги на закупку книг? Своих сбережений никогда не водилось; жена, хотя и была дочерью протоиерея³, приданого в дом не принесла. Может быть, можно рассчитывать на приобретение товара в кредит? Но имя Петра Макушина никому не известно. Значит, надо на первых порах занять деньги, хотя бы на самых жестких условиях. Но к кому обратиться за кредитом? Цыбульский — не поверит, Валгусов — тот неграмотный, просто не поймет, зачем открывать торговлю книгами. Михайлов Василий Васильевич — вот это, пожалуй, подходящая кандидатура.

С Михайловым его свела судьба еще на заре смотрительской деятельности, когда пришлось приводить в порядок духовное училище. Через «Торговый дом Михайлова» были закуплены добротные байковые одеяла по очень сходной цене. Спокойный, доброжелательный, честный в денежных расчетах, Михайлов пришелся по душе. Правда, поговаривали, что он скуповат. Но, как говорят в народе, «копейка счет любит».

Михайлов понял его с полуслова. «Дело выигрышное. Деньги дам. Правда, тысяч пять, не более». Макушин ожидал, что прижимистый Михайлов заломит высокий процент годовых со своего капитала. Но то, что услышал, буквально ошеломило: «Половина прибылей во все времена, пока будет существовать ваш магазин, мои, Петр Иванович». Просил разрешения подумать до утра.

Половина прибылей... Условия кабальные. Но ведь другие толстосумы не дадут и вовсе. А это значит — прости-прощай книжный магазин. Нет, отказываться от задуманного было бы преступлением перед своей совестью.

Утром поехал к Михайлову и дал согласие. Спросил, как оформлять бумаги. «Оформлять ничего не будем пока. Верю вам на слово», — коротко ответил Михайлов. На душе потеплело: с таким человеком можно поладить.

Нетерпение подгоняло. Выехал из Томска в декабрьскую стужу 1872 года, пятнадцать суток провел в кошеве, не дав себе ни одного дня передышки. Накануне Рождества был уже в Нижнем. Там, наконец, сани сменил на железнодорожные рельсы. Москва встретила предпраздничной рождественской суетой. Но он решил не ожидать, пока пролетит Рождество. Прямо с поезда отправился по издателям и книгопродавцам.

Первый визит — в комиссионерство по изданию произведений Ушинского. Педагогическая литература издавна была его слабостью. Управляющий комиссионерством Розенталь, сухой, неулыбчивый. Выслушал внимательно. Помолчал. Потом — приговор: «Ваше начинание эфемерно! Книжный магазин в Сибири... Фантастика! Вы прогорите в два счета. Но если вы настаиваете, покупайте... покупайте — все только за наличные.

Никакого кредита, даже на сто рублей». Прошло более двадцати пяти лет, а металлический голос Розенталя и сейчас звучит в ушах.

С трудом оторвав руки от теплой «голландки», он подошел к столу и нашел недавнее письмо от господина Розенталя. Глаза выхватили строчки: «...я считаю своей обязанностью засвидетельствовать, что в течение наших двадцатипятилетних сношений между нами не возникло ни малейших недоразумений. Вы всегда оправдывали оказываемый Вам кредит, и уплата по векселям производилась не только своевременно, но часто даже за месяц до наступления срока».

Да разве только один Розенталь с недоверием отнесся к его идее с книжным магазином? Розенталю простительно — белая кость. А вот как Федор Иванович Салаев⁴ не поверил? Ведь сам из бывших мужиков. Казалось бы, должен отнестись с сочувствием. Нет! Зажав бороду в кулак, долго смеялся, сотрясаясь всем своим могучим телом. Сквозь смех приговаривал: «Знаем мы ваших сибирских книжочеев: медведи да каторжане». Разумеется, в кредите отказал.

Не дожил Салаев до двадцатипятилетия «Сибирского книжного магазина», сам факт создания которого воспринимал, как забавный анекдот. Но вот его преемник Владимир Думнов занятное письмо недавно прислал. Макушин нашел на столе листок и пробежал глазами строки: «...считаю своим долгом выразить Вам мою глубочайшую благодарность за Ваше столь долговременное со мною сношение, в продолжение которого Вы сделали мне заказов на несколько сот тысяч рублей, всегда аккуратно и добросовестно рассчитываясь со мной, что составляет гордость русского коммерсанта!»

Чиркнул спичкой, зажег фитилек настольной лампы. Мягкий зеленоватый свет заполнил комнату. Удобно устроившись в кресле у письменного стола, задумался. Справедливости ради надо сказать, что в Москве нашлись люди, которые сочувствовали его идее. Но даже самые прозорливые советовали повременить. Да, книга-де нужна, но где грамотеи? Пройдет лет десять, прибавится в Сибири учебных заведений, повысится процент грамотных, а значит, появится реальный покупатель. Вот тогда и затевай книжный магазин.

Помнится, с грустным чувством покидал он Москву. В багаже увозил то небольшое, что посчитал нужным купить за наличные.

В Петербург въехал, когда Рождество уже отгремело. Деловая жизнь, обновленная праздником, кипела. Такое было ему по душе. Только активно действуя, он чувствовал себя настоящим человеком. Приятным было и то, что его помнили. Торговцы, у которых он покупал книги десять лет назад, узнав о его замыслах, открывали кредит. Часто с доверием относились и незнакомые книгопродавцы. Фамилия Макушина была им известна по публикации «Известия из Алтайской духовной миссии» в «Душеполезном деле»⁵. Некоторые были наслышаны о его педагогических реформах в Томском духовном училище.

Когда подвел итоги, удивился: более чем на десять тысяч приобрел в Петербурге книг в кредит. Всего же на книжный обоз он потратил пятнадцать тысяч рублей. Сдав багаж в контору братьев Каменских по доставке, домой отправился почти налегке; с ним было всего несколько пудов книг. Самых интересных, самых полезных, которые наметил пустить в продажу буквально в первые дни по приезду в Томск.

Но, как бы ни терпелось ему угостить томичей столичными книгами, открытие «Сибирского книжного магазина» задержал до 19 февраля 1873 года. Хотелось, чтобы это важное в его жизни событие всегда отмечалось в день избавления крестьян от крепостной зависимости. Февралем 1873-го помечена запись в тетради: «Сегодня выставлена первая зимняя рама, и в страну ссылки и каторги, тьмы и бесправия совершился прорыв книги, неся с собой свет и знание».

Томичи сразу же оценили новшество. Да и не только томичи. Заказы стали приходить из других городов губернии и даже из сел и деревень. На их исполнение отводились вечера. Отбирал издания, вносил их в счетные ведомости, потом аккуратно нарезал куски холста и зашивал в них книги. Утром собственноручно сдавал книжные посылки на почту. Мечтать о помощнике не мог. Платить было нечем. Радовало только одно: уже в первой половине лета весь книжный товар, привезенный зимой из Москвы, был распродан.

Сомневаться не приходилось — книжному магазину жить. А раз так, можно было без риска расставаться с должностью смотрителя Томского духовного училища, освободив при этом казенную квартиру. Срочно пришлось нанимать дом с таким расчетом, чтобы в нем было место для торговли книгами и публичной библиотеки, а также могли бы разместиться переплетная мастерская и квартира. За дом пришлось внести 300 рублей. Он взял их из тех пяти тысяч, которые для расширения торговли снова занял у Михайлова. Еще десять тысяч удалось собрать под большие проценты у состоятельных томичей — друзей и знакомых.

Потом был пароход до Тюмени, лошади до Ниж-

него Новгорода, железная дорога от Нижнего до Москвы. На этот раз московские книгопродавцы отнесли к нему по-другому. Шутка ли, Макушин сумел реализовать свой книжный товар всего за четыре месяца! В его фортуна поверили. В Москве некоторые деловые люди предложили отпуск книг в шестимесячный кредит, другие — удовольствовались только половиной наличных, а часть товара удалось отправить наложенным платежом.

К книгам на этот раз он прибавил тетради, блокноты, чертежные и рисовальные принадлежности. Он ужаснулся, когда подсчитал, что общая сумма предназначенных для продажи товаров равнялась пятидесяти тысячам рублей. А сможет ли он сбыть закупленное? Если нет — крах.

Еще в дороге подумал, какие стоит принять предупредительные меры. Во все средние учебные заведения, во все начальные школы, а также во все церкви и волостные управления надо отправить листовки с извещением об открытии магазина. Потом по этим же адресам разослать каталоги имеющихся в продаже книг. В окнах магазина обязательно установить витрины-выставки новых книг. Положить себе за правило несколько часов в день самому проводить за книжным прилавком, чтобы изучить покупателя, его вкусы и требования.

Уже по приезде домой придумал еще одно новшество. На базарной площади выстроил книжный киоск. В базарные дни, по пятницам, с восьми утра до двенадцати дня сам стоял за прилавком. Малограмотным подбирал «занятные» книжки с картинками и короткими подписями к ним. Грамотеев направлял в новый магазин с книгами.

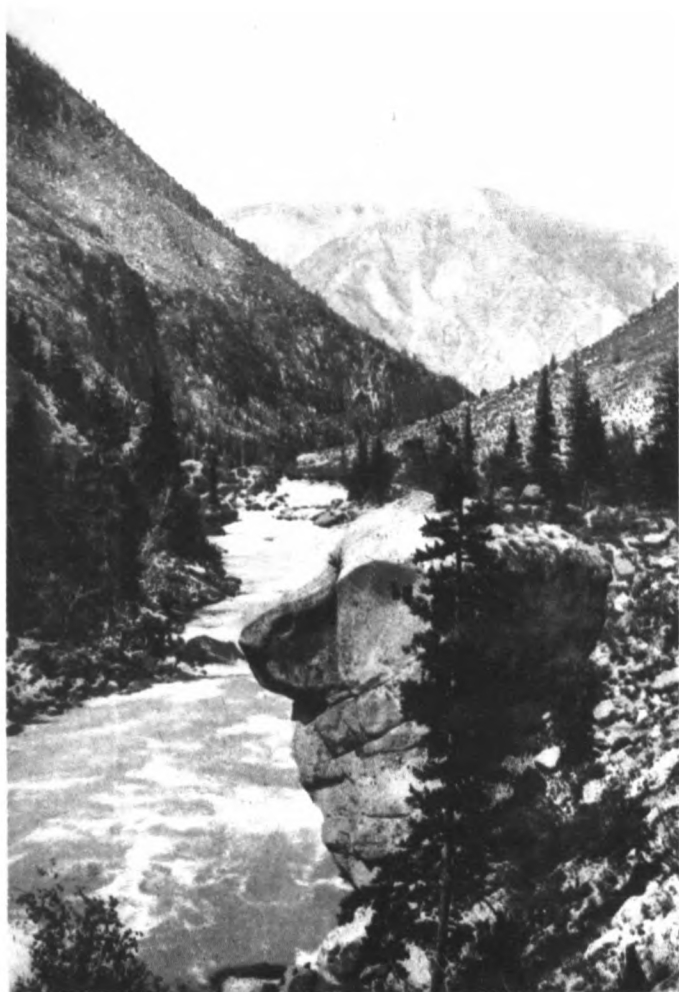
Другой мерой приближения книг к деревне явилась развозная торговля. Была куплена пара

лошадей, нанят кучер. Загрузив повозку книгами, служащий магазина отправлялся в поездку по губернии. Но предлагаемые книги хорошо шли только в Барнауле и Мариинске. В деревнях же спрашивали главным образом сонники, оракулы, песенники. Уже первые поездки по селам и деревням предсказывали убыточность этой затеи. Но он упорно, в течение двух лет снаряжал повозку с книгами, пока дефицит не достиг внушительных сумм.

Бывали случаи, когда торговлю книгами приходилось прекращать не по собственной воле. Вспомнился эпизод, связанный со строительством Обь-Енисейского канала.

До проведения Сибирской железной дороги купечество Томска, Тобольска, Тюмени и других городов Зауралья возлагало большие надежды на водный путь от Тюмени до Байкала. Не единожды составлялись проекты, в основе которых лежало соединение Оби с Енисеем с помощью реки Кеть. На частные средства была даже отправлена экспедиция по обследованию водораздела между реками Кеть и Кас. Через десять лет уже под государственной эгидой начинается строительство канала. Специалисты считают дело экономически выгодным.

На расчистку русел таежных рек, на траншейные работы и строительство шлюзов отпускается в 1891 году 600 тысяч рублей. Реальные деньги привлекают рабочую силу. Российский люд повалил в Сибирь. И как водится, на месте стройки были открыты мелкие лавки, где рабочие покупали необходимые товары. Вот в эти торговые точки и направляются из «Сибирского книжного магазина» новинки художественной и научно-популярной литературы.

Горный Алтай. Сюда прибыл Петр Иванович Макушин
для работы в алтайской миссии.

Алтай. Селение Чемал (фото из архива П. И. Макушина).

Река Катунь. Сливаясь с Бией, она дает начало великой сибирской реке Обь.

П. И. Макушин.
Конец 1860-х годов. Томск.

П. И. Макушин.
Начало 1870-х годов. Томск.

Фасад Сибирского книжного магазина в Томске. 1916 г.

Торговый зал книжного магазина П. И. Макушина в Томске. 1916 г.

Публичная библиотека при книжном магазине П. И. Макушина.

КАТАЛОГЪ КНИГЪ

ПУБЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ

П. И. МАКУШИНА

въ Томскѣ.

Библиотека существуетъ съ 1871 года.

ТОМСКЪ

Типографія Митяилова и Макушина.

1890.

Обложка каталога публичной библиотеки П. И. Макушина.
1890 г.

Петр Иванович Макушин. 1885 г.

Здание публичной бесплатной библиотеки. 1916 г.

Главный фасад Дома науки.
Проект гражданского инженера Андрея Дмитриевича Крячкова.

Автор проекта Дома науки А. Д. Крячков.

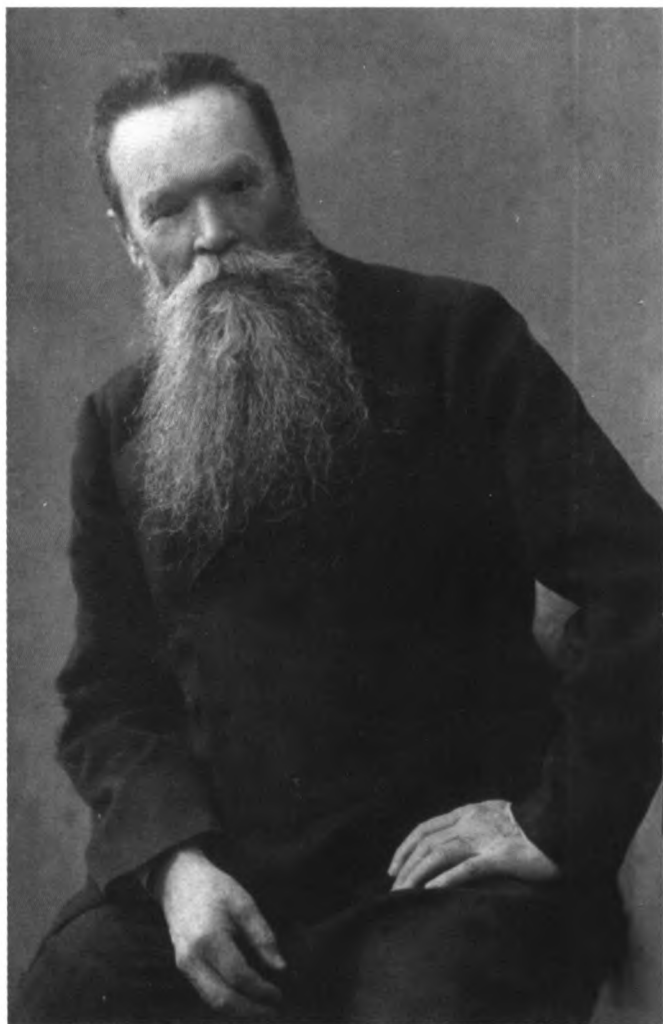
Алексей Иванович Макушин —
председатель Комитета по постройке
Народного Университета и пожизненный член его Совета.

Одна из аудиторий Народного Университета на 100 человек.

Один из залов Музея прикладных знаний.

Петр Иванович Макушин 1914 г.

Книжная торговля пошла хорошо. В бараках в воскресенье и в праздничные дни стали собираться рабочие для «громких читок». Читали книги по отечественной истории, природоведению, естествознанию. Вскоре в Петербург был отправлен донос. Ему «дали ход». Имя владельца книжного товара только прибавило страху в Министерстве внутренних дел. Фамилию Макушина связывали с социалистами. Немедленно поступило распоряжение: «Продажу книг ликвидировать».

Вслед за этим решением он отметил в своей тетради: «Высшее начальство нашло, что рабочим в числе более пятисот человек, очутившимся в тундре, удаленной на сотни верст от жилых мест, заниматься чтением книг вредно».

Недаром он вспомнил об истории своей книжной торговли именно сегодня, в этот морозный февральский день 1898 года. Завтра исполняется ровно 25 лет со дня открытия «Сибирского книжного магазина». Вот почему письменный стол завален поздравительными телеграммами и письмами. Только что принесли еще одно — от Николая Рубакина⁶ из Петербурга: «...Честь и слава Вам за то, что Вы избрали себе деятельностью распространение «книги» в Сибири, едва ли не лучшего и вернейшего средства для уврачевания существующих зол нравственной, умственной, материальной и общественной жизни, «книги», к которой можно применить девиз: «Сим победиши», и потребность в которой все еще так мало сознается не только нашим народом, но и нашим образованным обществом. Распространение сознания неисчислимой пользы от «книги» и совершающееся на наших глазах, хотя и медленное, поднятие умственного уровня родного нам народа зависит в значительной степени от деятельности таких людей, как Вы, Петр Иванович,

фанатически обративший распространение книги в задачу всей своей жизни... Вы являетесь у нас, на Руси, редким и ободряющим образцом личной инициативы и энергии».

Личная инициатива... Если разбираться по справедливости, она всегда была пасынком у правительства. Всегда ее боялись, ей не доверяли, ставили всяческие препятствия, стремясь лишить действенной силы.

И все-таки она жила в Макушине эта личная инициатива. Она вносила в его жизнь много красоты, света, давала простор творчеству. Без преувеличения он может назвать свою общественную деятельность главным и любимым делом жизни.

Он взял со стола ручку, обмакнул в черные чернила и аккуратно вывел на листке: «Бывали периоды, когда я совершенно забывал свое торгово-промышленное дело и погружался в заботы об устройстве чтений, лекций, выставок. На все, на каждый шаг надо было испросить разрешения начальства; тратил время на составление программ, уставов разных обществ, на ходатайства об их утверждении, на устройство общих собраний, заседаний, советов; состоял председателем этих обществ. Приходилось выслушивать от служащих в моем торгово-промышленном деле упреки, что я забываю «свое» дело и занимаюсь посторонними, а между тем это «постороннее» было тем делом, ради развития которого я вел свое «собственное».

Правда, многие считали: «собственное дело» — главная забота Макушина. Его не раз обвиняли в погоне за наживой. Летом 1884 года ревизионная комиссия Городской думы выдвинула против него официальное обвинение. Один из пунктов этого обвинения был таков:

«Как председатель училищной комиссии, Ма-

кушин не имеет права быть продавцом книг для городских училищ». Муссировалась цифра 35778 рублей, полученных из Городской управы на книги и учебные пособия, книжным магазином Макушина в течение четырех лет. Недруги хотели лишить его возможности торговать в городе учебниками. Но с уничтожением этой торговли прекратилось бы четкое и своевременное поступление учебников и учебных пособий в школы и училища города. Другой пункт обвинения состоял в том, что Макушин заставляет покупать учителей для школ совершенно ненужные предметы: настенные часы, жестяные ведра. «Да, заставлял, — отвечивал Макушин. — Учитель и ученики должны знать время, а ведра предназначены для хранения питьевой воды комнатной температуры».

В тот раз враги не взяли над ним верх; тридцать гласных Городской думы против шести постановили:

«Признать доклад ревизионной комиссии не заслуживающим внимания». Но через несколько лет городской голова Евграф Королев нанес-таки ему ощутимый удар. Пожертвовав три тысячи рублей на городские школы, он поставил условия: «Учебники и канцелярские принадлежности закупаются помимо магазина Макушина».

Купеческий практицизм — с одной стороны, и слава книжного магазина и библиотеки как «очага революции и клуба социалистов» — с другой. Прибавить к этому независимость поведения, чуждого какого-либо заискивания перед сильными мира сего, и будет понятно, как нелегко ему жилось. Стоит только вспомнить один эпизод.

В 1891 году в Томске ждали цесаревича Николая, возвращавшегося из кругосветного путешествия. За полгода начали готовиться к встрече.

Строили, белили, красили. Одновременно вдвое усилили состав полиции. Из добровольцев был организован многочисленный отряд охранников. Таким образом, каждый политически неблагонадежный имел за собой особый глаз. В такой обстановке всеобщего сыска самое благоразумное было покинуть город.

Макушин выбрал село Берское на Оби и объявил, что уезжает вместе с семьей для поправки здоровья. Губернатор отговаривал, обещал представить наследнику престола как выдающегося деятеля по народному образованию в Томской губернии, но он благоразумно отклонил эту «честь».

За неделю до приезда цесаревича в жандармское управление, прямо к его шефу Александрову явился молодой человек, попавший в Сибирь за какие-то мошенничества в столице. Ссылный заявил, что видел, как поздно вечером неизвестный человек закапывал под мостом через речку Ушайку какой-то предмет. Именно по этому мосту и должен был въехать Николай. Немедленно мост и вся прилегающая к нему территория были оцеплены. Без труда под мостом была найдена жестяная банка, начиненная какой-то смесью. Из смеси торчали две медные проволочки. Со всеми предосторожностями «бомба» была вынута из земли и под усиленной охраной полиции отправлена в университет для исследования. С быстротой молнии по городу разнесся слух: у книжного магазина Макушина, в доме Банникова открыли подкоп с «адской машиной».

Уже к вечеру начались аресты. Было посажено в тюрьму двадцать восемь человек, преимущественно городская интеллигенция. В числе арестованных был и двоюродный брат Макушина, В. М. Посохин, остававшийся в книжном магазине

за хозяина. Обыватели всполошились. Имя Макушина звучало во всех концах города. Говорят, у страха глаза велики. Так вот, находились даже такие, кто «сами видели», как Макушина вели по улицам Томска вооруженные жандармы.

Между тем, профессор-химик Залесский произвел в лаборатории анализ содержимого жестяной банки. Помяв в руках серо-бурую массу, попробовав ее на язык, Залесский объявил: «Страхи напрасны, начинка жестяной банки состоит из глины и соли. Говорят, свиньи находят это блюдо вкусным».

Жандармы взялись за «спасителя». После долгих запирательств доносчик сознался: придумал закопать банку под мостом, чтобы в качестве «спасителя» заслужить помилование и получить разрешение вернуться в столицу.

Несмотря на то, что все счастливо разрешилось, двадцать восемь томских граждан все же просидели в тюрьме двое суток, пока наследник не покинул город. Кстати, в целях предосторожности, экипаж его проследовал через «старый мост», находившийся в ста саженьях от книжного магазина.

Прошел не один год, но вытравить среди обывателей слух, что Макушин совершил из своего магазина «подкоп» и намеревался взорвать бомбой наследника, было невозможно.

Ему неоднократно намекали об этом, когда он начал свои хлопоты по учреждению сельских книжных лавок. Не заняться этим делом он не мог. Сама жизнь звала к действию. К концу 90-х годов в Сибири наметился активный поворот к овладению знаниями. Этому способствовал и рост городов, и развитие промышленности, и проведение Транссибирской магистрали. Все хотели учиться. Школы были переполнены, поэтому про-

цветало домашнее образование; на лекции и различные чтения народ ломился. На селе стали появляться тайные школы, которые открывали ссыльные. Сельский житель требовал книг.

Правительство не желало взять эту миссию на себя. А раз так — на передний план снова выступила личная инициатива. Но необходимо было как-то затушевать частную деятельность. Макушин метался от архиерея к губернатору, от губернатора — к архиерею. Первого надо было уверить, что губернатор сочувствует открытию лавок, второго — что архиерей дает на это свое благословение.

В конце концов у архиерея Макария создалось впечатление, что лавки открываются по предложению губернатора Ломачевского. Окончательно духовную и светскую власть примирила надпись золотыми буквами на каждом шкафу-лавке: «Книжная лавка открывается с разрешения губернатора и благословения архиерея». Всего таких шкафов-лавок было заказано 125. В каждом шкафу находился запас литературы и школьных принадлежностей на сто рублей. Как истинный коммерсант, в каждый шкаф он вкладывал полный каталог своего книжного магазина.

Какие же книги предлагались сельскому покупателю? На счастье, сохранилась полная опись содержимого одного из шкафов-лавок. Список открывают Часослов, Евангелие, Новый Завет. Потом шел ряд книг по практическим вопросам: «О беременности и родах», «Первая помощь при несчастных случаях», книги по уходу за детьми, книги по сельскому хозяйству, по огородничеству и, наконец, художественная литература: «Полтава» А. С. Пушкина, «Поликушка» Л. Н. Толстого, «Бедность не порок» и «Не так живи, как хочется» А. Н. Островского, рассказы В. Г. Короленко,

Ч. Диккенса, В. М. Гаршина, П. В. Засодимского, популярные книжки Н. Рубакина. Всего в шкафу-лавке было 87 названий.

19 февраля 1898 года намечалось торжество по случаю открытия сельских книжных лавок. Читальный зал библиотеки и склад магазина уже готовы принять гостей. Ожидалось более двухсот приглашенных. Среди них высшие местные церковные чины, губернатор, попечитель учебного округа, председатель окружного суда, губернский прокурор, крестьянские начальники, директор народных училищ, учителя всех учебных заведений города, городской голова, гласные Думы. После молебна предлагался завтрак с шампанским. Впервые за свою жизнь Макушин «выставил» угощение. Но иначе нельзя: отвести подозрение в «злостности замысла», как говаривали в старину, — вот главная его задача.

Действительно, торжество удалось на славу. Особенно блеснул своей речью председатель томского окружного суда. Он припомнил завет знаменитого Фихте-старшего молодым студентам, решившимся в годину разразившегося над их родиной бедствия — наполеоновского нашествия — посвятить свои силы народной школе: «Боритесь с тьмой и невежеством, и да исчезнет мрак невежества перед липом всесокрушающего света знаний. Здесь, в этой обстановке, невольно чувствуется, что и для Сибири начинается исполнение этого великого завета», — закончил председатель окружного суда.

Но эта речь не сгладила впечатления от хитроумно построенного выступления архиепископа томского и барнаульского Макария. Воздав должное Макушину за труды, он высказал предупреждение, в котором была скрыта и угроза. Шкафы-

лавки Макарий уподобил аптеке, в которой можно получить и целебное средство и яд. О лекарствах Макарий ничего не сказал, а вот яду посвятил в речи много места. Он говорил: «Попадет запретная книга в руки незрелого юноши — обольщаемый тем медом, которым бывает помазан яд этой книги, он с жадностью кидается на него, поедает и гибнет. Кто виноват? Книгопродавец». И Макарий предлагает свои меры: «Для того, чтобы кто-либо, получивший из аптеки ядовитое вещество, не мог употребить его во вред себе и другим, для аптек существует особый контроль... Нельзя не пожелать такого контроля... для книжных складов».

Несмотря на подозрительное отношение церковников к лавкам-шкафам, в первые два года торговля шла довольно оживленно. Товар раскупался так быстро, что запасы шкафов приходилось пополнять через каждые три месяца. Волостные писари своевременно и правильно отчитывались за проданные книги. Они знали, что губернатор лично интересуется судьбой книжной торговли на селе.

Но когда Ломачевского перевели в другую губернию, все изменилось. Отчетность постепенно перестала поступать, выручка переключалась в карманы писарей, которые стали относиться к лавкам-шкафам как к своей собственности. Через четыре года торговля совершенно замерла. Макушин распорядился передать шкафы местным школам для хранения учебников, а оставшиеся книги — в училищные библиотеки. Убытки исчислялись десятками тысячами. Единственным утешением было то, что через книжные лавки все-таки около полумиллиона книжек проникли в деревни. Недаром он часто повторял: «Книга выбрана мною, как дальнбойное орудие, действующее на сотни и тысячи верст в борьбе с невежеством».

Возможно, это убеждение помогло ему пережить и другой провал, связанный с организацией книжных киосков на железной дороге от Челябинска до Иркутска. В течение первых трех лет после открытия этого участка Транссибирской магистрали, Макушин был единственным там книгопродавцем. Как всегда, тщательно оборудовал киоски, завез книги, подобрал служащих. Но торговля шла вяло. Путешествующий по Сибири люд был еще не приучен к книге. Кроме того, многие из тех, кому на местах доверили торговлю, присвоив себе выручку от проданных книг, исчезали неизвестно куда.

Однако в коммерческой судьбе Макушина наступило такое время, когда ни крушение с сельскими лавками-шкафами, ни неудача с торговлей книгами на железной дороге уже не могли подорвать финансовой устойчивости.

Как же случилось, что, начав в 1873 году торговать книгами с нуля, к концу века Макушин так прочно стоял на ногах, мог безболезненно пережить тысячные убытки? Логика подсказывает один ответ: книжная торговля приносила большие доходы. Но вот свидетельство самого Макушина, оставленное им в своих «Записках»: «Трактую книги не как товар для наживы, а как источник света и знания, и задавшись целью сделать их возможно доступными для всех желающих, я с первых же дней принял твердое решение: продавать книги в Томске по цене номинально-петербургской с прибавлением только стоимости почтовой пересылки в размере 10 — 20-процентной стоимости книги. С развитием оборотов книги стали продаваться по цене столичной без надбавки пересылочных».

Из чего же складывались торговые обороты Макушина? Главным образом из книгопродавчес-

кой уступки за оптовую покупку книг у издателей и книгопродавцев. Уступка эта нередко достигала 30 процентов. Скажем, закупил Макушин на 40 тысяч рублей учебников в Петербурге и Москве — из этих книг 12 тысяч рублей шло на книгопродавческую уступку. Деньги немалые.

Но из этих сумм оплачивалась доставка книг из столиц. Большие партии шли через багажные конторы, срочные заказы отправлялись почтой по высокому тарифу. Кроме того, на эти же деньги содержался магазин и выплачивалась зарплата служащим, каждые 3 — 4 года печатались каталоги книжных магазинов и рассылались бесплатно во все уголки Сибири. Существовала и такая статья расходов, как неоправданные кредиты. Бедные студенты, неимущие родители учеников городских школ брали в магазине учебники в кредит. Но вернуть деньги за эту литературу часто были не в состоянии. Таким образом, на погашение убытков ежегодно списывалось по 300 — 400 рублей. А к моменту национализации книжного магазина (1919 г.) цифра неоправданного кредита достигла 15 тысяч рублей.

Со времени основания книжной торговли существовал неписанный закон: если в магазине находился последний экземпляр учебника и его спрашивал «недостаточный покупатель», ему вручался этот учебник, хотя без труда можно было продать этот экземпляр не только по номинальной цене, но и за двойную цену. «Но это сводило бы книготорговлю к эксплуатации жаждущих знаний и в корне профанировало бы ту идею, под влиянием которой учрежден был мною «Сибирский книжный магазин», — отмечает сам Макушин в своих «Записках».

И еще книгопродавческая уступка тратилась на

покрытие убытков от образующейся неизбежно залежи устаревших книг. Правда, по сравнению с другими книгопродавцами эти суммы были минимальными. Спасала хорошо поставленная служба информации.

Так, чтобы избежать затоваривания учебниками, в конце каждого учебного года во все школы Томска и губернии «Сибирский книжный магазин» отправлял печатные бланки с перечислением рекомендованных Министерством народного просвещения учебников по предметам и классам. Заведующий школой отмечал на бланке число учащихся в каждом классе и название учебников, Потом бланки переправлялись в магазин. На основании этих сведений и делались заказы в Москве и Петербурге.

К концу лета из столиц поступали затребованные магазином книги и рассылались по школам. Если же в течение учебного года учителю или ученику требовался дополнительный учебник, он обращался непосредственно в магазин и получал нужную книгу из пачки дубликатов. В случае распродажи дубликатов к издателю немедленно летела телеграмма с заказом на учебник. Позднее Макушин нанял в Петербурге комиссионера, которому выплачивал жалованье до 1000 рублей в год. Этот человек обязывался исполнять заказы «Сибирского книжного магазина» в течение трех дней со дня получения.

Но книжный магазин торговал не только учебниками. Поэтому возможны были убытки и от плохого знания книжного рынка. Вот в этом Макушина нельзя было упрекнуть. Имея в своем деле помощников, изучение книжного рынка он не доверял никому. Львиную долю своего времени тратил на чтение объявлений о вновь выходящих

книгах в журналах и газетах, делал выписки из рецензий и заметок о новинках.

Ежегодно в конце зимы в первые двадцать лет своей книжной торговли отправлялся за книгами из Томска в Петербург и Москву. Железной дороги, соединяющей Сибирь с Европейской частью России, еще не было. Путешествие проходило до Нижнего на лошадях. Оно занимало недели две, в том случае, если скакать и днем и ночью. Конечно, не обходилось без дорожных приключений.

Особенно опасной была дорога по волжскому льду, уже ненадежному, как это бывает в конце зимы. Не однажды случалось, что в ночную темень кошева проваливалась в полынью. Промокнув до нитки, Макушин терпеливо ждал, пока тройка вынесет кошеву на крепкий лед. А блуждания в степи во время последних зимних буранов! Такое происходило почти в каждую поездку.

Правда, смертельная опасность грозила только однажды. Случилось это в августе 1890 года на пароходе «Григорий», плывшем по Волге. Внезапный пожар объял судно. В какие-то полчаса пароход превратился в горящий факел. Макушину, последнему из пассажиров, посчастливилось спуститься по якорной цепи в подплывшую лодку. Опоздай он на пять минут, и сгорел бы.

И все-таки все дорожные происшествия не могут сравниться с тем, какого напряжения ума и воли требовала работа по прибытии в Петербург или Москву.

Целые дни он проводил в книжных магазинах, перелистывая новые издания, прислушиваясь к разговорам покупателей, их мнениям и суждениям о книгах. Кроме того, издатели отправляли к нему в гостиницу «для ознакомления» целые короба и связки книг. Обычно на просмотр этой литературы оставалась только ночь.

«Эта утомительная работа сокращала ночной сон до 4 — 5 часов, но доставляла мне истинное удовольствие», — отмечает он в своих «Записках». И продолжает: «Не думаю, чтобы «Скупой рыцарь» Пушкина испытывал большее удовольствие, любуясь на золото, чем я, сидя в номере гостиницы, за разбором и просмотром книг с приятной мыслью о том, какое богатство я привезу в Сибирь».

Духовная пища, отобранная в столичных издательствах и книжных складах, шла в Сибирь целыми обозами. Но не она делала Макушина богатым человеком. А между тем, он богател. При национализации в 1919 году книжный магазин с отделениями канцелярских товаров и музыкальным имел нереализованных товаров на 400 тысяч рублей. Публичная библиотека в 40 тысяч томов была оценена экспроприаторами в 100 тысяч рублей. К этому надо прибавить список крупных пожертвований на нужды просвещения, который составил 600 тысяч рублей.

Каким же образом год от года Макушину удавалось наращивать свои капиталы? Видимо, он поступал, как и всякий умный коммерсант: помещал деньги в государственные и частные банки, получая крупные проценты. Не гнушался давать в долг также под большие проценты. В его личной записной книжке за 1915 год значится целый список таких должников.

Кроме того, Макушин в самом начале своей коммерческой деятельности умело использовал «Положение о пошлинах», соединив торговлю книгами и канцелярскими товарами, что давало законную возможность «к торговым действиям, дозволенным без платежа установленных пошлин».

Главным доходным делом явилось отделение

«бумаги и канцелярских принадлежностей», открытое при книжном магазине уже в первые годы существования «Сибирского книжного магазина». В самом деле, губерния испытывала большой недостаток в бумаге, тетрадах, чернилах, стальных перьях, карандашах, чертежных и рисовальных принадлежностях. Того, что завозилось мелкими торговцами из Европейской части России, явно не хватало, а самое главное — продавалось по очень высоким ценам...

Чтобы сбить цены, в первую очередь на бумагу, надо было установить контакты с сибирскими бумажными фабриками. Поездки в Тюмень и Екатеринбург помогли получить комиссионерство по продаже продукции бумажных фабрик на территории Сибири. Но бумага должна быть не только дешевой, а и отличного качества. Такой славой пользовалась варшавская фабрика «Сочевка». Пришлось отправиться в Варшаву для заключения соглашения на право продажи изделий этой фабрики.

Потом подошла очередь заняться изучением предлагаемых канцелярских товаров на богатых московских складах. Закупка этих товаров большими партиями предполагала крупные торговые уступки. Из них и складывался капитал.

Но, наводнив губернию канцелярскими товарами, надо было позаботиться и о привлечении покупателей. Умеренные цены, образцовое качество — вот главный козырь макушинской торговли. Кроме того, помогало имя. Макушина как общественного деятеля знали во всех уголках губернии. Волостные правления и уездные присутственные учреждения, изволившие тонны бумаги на отписки и отчеты, покупали только у Макушина.

Не менее успешно пошли дела и в «Музыкальном магазине», открытом Макушиным в 1880 году. С первых дней существования магазина покупателям предлагались рояли, пианино, скрипки, виолончели, балалайки, мандолины, духовые инструменты отечественных и зарубежных фабрик.

Как прирожденный коммерсант Макушин тонко чувствовал конъюнктуру. Достаточно сказать, что «Музыкальный магазин» был открыт буквально через год после возникновения в Томске отделения «Русского музыкального общества». Спрос на музыкальные инструменты и ноты еще более возрос, когда в городе были созданы «музыкальные классы». Недаром 90 процентов проданных роялей и пианино, по статистике самого Макушина, оседало в Томске. А за двадцать лет существования магазина их было продано более пятисот.

Внимательно изучая заявки на книги и канцелярские товары, Макушин пришел к выводу, что Восточная Сибирь все еще обделена духовной пищей. Мысль продвинуть книгу на полторы тысячи верст в глубь Сибири не покидала его. И как только торговые обороты стали позволять, решил организовать книжный магазин в Иркутске. В «дело» вступил двоюродный брат Макушина Владимир Михайлович Посохин, активный и надежный помощник во всех коммерческих затеях.

Вместе выехали в начале февраля 1893 года на лошадях в Иркутск. Через десять дней кошева с томскими гостями остановилась у дома управляющего Сибирским банком Шостаковича. А 19 февраля, в день двадцатилетия открытия книжного магазина в Томске, все иркутские книгочеи собрались на квартире директора гимназии. Вечер был особенный: отмечали «разрешение» иркутского

губернатора на открытие книжного магазина в городе.

Интересно, что после того как томичи покинули Иркутск, к Шостаковичу явился частный пристав, разыскивавший Макушина. Вслед за приставом приехал и сам полицмейстер. Оказывается, в Иркутск с большим опозданием прибыла бумага из томского жандармского управления. В ней предлагалось «строго следить за выехавшим в Иркутск Макушиным, книгопродавцем и промышленником».

Промышленник? Да, Макушина можно с полным правом называть промышленником. Начало его промышленной деятельности относится к 1873 году, когда при публичной библиотеке была открыта переплетная мастерская. Она предназначалась главным образом для переплета библиотечных книг. Но уже в первый год существования стали поступать и заказы от томичей.

Стало ясно: «дело» надо расширять. Из Германии были выписаны специальные станки и машины. Из Риги приглашены опытные мастера.

Цены предлагались довольно высокие — 75 копеек, 1 рубль за изящный переплет с золотым обрезом. Но качество работы было столь замечательным, что заказчики не скупились. После открытия Томского университета был принят громадный заказ на переплет книг университетской библиотеки. Кроме того, большой доход давала работа по переплету учебников. За переплет к цене учебника прибавлялось от 6 до 15 копеек.

С переплетной мастерской соседствовала линовальная. Две линовальные машины выпускали в год до полутора миллионов ученических тетрадей для сибирских школ. Такой объем работ требовал большого числа рабочих. Действительно,

бывали годы, когда Макушин набирал более пятидесяти человек.

Другим доходным начинанием Макушина была типография. Создание ее подсказала сама жизнь. Книжный магазин нуждался в рекламе. Каждые три года печатались и рассылались по всей Сибири каталоги «Сибирского книжного магазина», а также и каталоги публичной библиотеки. Заказы на эти издания выполняла одна типография в Вятке. Качество работ оставляло желать лучшего, да и часто бывали срывы по срокам. Единственная в городе губернская типография работала еще хуже.

И на этот раз новое дело поддержал все тот же купец Михайлов. На условиях компании он выделил Макушину 6700 рублей. Оборудование было привезено из Петербурга, в Москве нашлись четыре опытных наборщика и машинист, которые пожелали на хороших условиях работать в Томске.

Об открытии типографии в октябре 1876 года сообщала листовка, разосланная всем правительственным и общественным учреждениям Сибири, а также всем известным торговым фирмам. Так появились первые заказы.

Через пять лет типография уже печатала «Сибирскую газету», а с 1894 года — газету «Сибирская жизнь». Кроме того, с открытием университета стали поступать заказы на печатание трудов профессоров и периодического издания «Университетские известия».

Объем работы требовал расширения производства. Число типографских машин с паровым двигателем было увеличено до пяти, устроена литография, а затем и первая в Сибири цинкография.

Работы типографии на Уральской научно-промышленной выставке 1887 года были признаны по исполнению безупречными. А из сибирских

типографий только типография Макушина была удостоена золотой медали «За отличные типографские работы». Но надо отметить, что нелегко доставалась рабочим типографии эта золотая медаль. Требовательный в работе, Макушин не терпел медлительности, небрежности, разгильдяйства, пустословия и, конечно, сурово относился к рабочим. Кроме того, повторяя, что он «только казначей народных денег», платил рабочим по минимальным расценкам. Но справедливости ради надо отметить, что Макушин вносит 5000 рублей в кассу взаимопомощи рабочих типографии и переплетной, входит как почетный член в «Товарищество печатников».

Членом этого товарищества Макушин состоял до 1902 года, когда, после увольнения из своей типографии нескольких рабочих, он был исключен постановлением общего собрания «Товарищества». Рост самосознания типографских рабочих диктовался общим ходом развития исторических событий.

Еще в 1896 году в Томске возникла первая социал-демократическая группа, в которую входили машинист типографии Макушина Д. Богданов, наборщики той же типографии И. Барашков, Н. Дробышев.

Через четыре года Николай Дробышев вместе со своим братом Анатолием вошел в марксистский кружок, возглавляемый Г. Крамольниковым (Пригориным). Туда же входили рабочие-печатники Иосиф и Егор Кононовы, Григорий Левин и другие. Через много лет Г. Крамольников вспоминал, что «наибольшее число из активных партийцев нам дали печатники из типографий Орловой и Макушина».

К этому времени относится создание первой в

Сибири подпольной типографии. Она располагалась в квартире Н. Л. Колмакова на Никитинской (Никитина), 17. Отсюда отправлялись по всей Сибири листовки и прокламации, призывающие бороться против самодержавия. Здесь же печаталась брошюра Ленина «К деревенской бедноте», «Проект программы РСДРП».

В декабре 1903 года типография была раскрыта, найденная литература конфискована, а хозяйка квартиры брошена в тюрьму. Но печатники не отступились. Уже в январе 1904 года начала действовать новая типография. Она просуществовала до марта и была выслежена охранкой. Среди арестованных находились Николай и Анатолий Дробышевы, Егор Кононов. По делу о тайной типографии проходил и Иосиф Кононов. В семье Кононовых жил С. М. Киров, приехавший в Томск во второй половине 1904 года. Он был активным членом марксистского кружка, в который входили и рабочие типографии Макушина. Сохранился список книг, изучавшихся членами этого кружка. Среди них — первый том «Капитала» Маркса и «Экономические этюды» Ильина (Ленина), продававшиеся в книжном магазине Макушина.

Случайно ли попал этот труд Ленина на прилавок «Сибирского книжного магазина»? Ответ на этот вопрос дают книготорговые и библиотечные каталоги, издававшиеся Макушиным в рекламных целях. Так, в библиотечном каталоге на 1890 год в отделе «Политические и социальные науки» значится «Капитал» (т. II, «Процесс обращения капитала», 1885).

А изданный через восемнадцать лет после этого каталога «Каталог книжных магазинов П. И. Макушина» в Томске и торгового дома «П. И. Макушин и Вл. М. Посохин» в Иркутске на 1908 год

обнаруживает большой поток марксистской литературы.

Здесь, в разделе «Сборники законов. Правоведение. Политика и социальные науки. Вопросы современности. Статистика» рекламируются произведения Маркса «Критика некоторых положений политической экономии» (М., 1896), «Революция и контрреволюция в Германии» (СПб., 1906), «Собрание исторических работ» (СПб., 1906), «Капитал» (т. 1, СПб., 1898), «Капитал» (т. 1, кн. 1, СПб., 1899), «Нищета философии» (Киев, 1898), «Классовая борьба во Франции» (СПб., 1906), «Критика политической экономии» (СПб., 1907).

Из произведений Энгельса в каталоге значатся: «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (СПб., 1899), «Положение рабочего класса в Англии» (СПб., 1905); там же предлагаются покупателям книги Ф. Меринга, Н. Зибера, П. Лафарга, Р. Люксембург.

Отечественная марксистская литература представлена в каталоге трудами Г. В. Плеханова «За двадцать лет», сборник статей литературных, экономических и философско-исторических (СПб., 1905), «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», «Критика наших критиков» (СПб., 1906).

Что же касается работ В. И. Ленина, то первое упоминание о них в изданиях Макушина относится к 1899 году. В январском номере газеты «Сибирская жизнь», издателем которой был Макушин, можно найти объявление о поступлении в продажу новых книг. Первой в этом списке названа работа В. Ильина «Экономические этюды и статьи». Как известно, этот ленинский труд вышел из печати в издательстве М. И. Водовозовой в октябре 1898 года, а объявление в газете «Сибирская жизнь» дано 27 января 1899 г. Следовательно, книга

попала в Томск всего через два месяца после выхода в свет.

В эту же зиму 1899 года «Сибирская жизнь» еще раз вернулась к «Экономическим этюдам и статьям» В. Ильина. 17 февраля газета поместила сообщение о подписке на журнал «Вестник Европы». В тексте дается содержание февральского номера журнала. Будущие подписчики извещаются, что в этом номере печатается рецензия на книгу В. Ильина «Экономические этюды и статьи».

В макушинских каталогах имя В. Ильина (Ленина) впервые появляется в 1902 году. Через шесть лет в каталоге за 1908 год упоминаются сразу две работы В. И. Ленина: «Развитие капитализма в России» (СПб., 1897), и «Экономические этюды и статьи» (СПб., 1899). В добавление к каталогу за 1910 год значится еще одна работа В. И. Ленина — «Аграрный вопрос» (ч. 1, СПб., 1908). Находим мы ленинское имя и в каталоге за 1915 год.

Появление марксистской литературы на книжных прилавках макушинских магазинов нельзя связывать с какой-то особой революционной настроенностью Макушина. Он не разделял социал-демократических идей, всегда оставаясь лишь «просветителем». Но как истинный коммерсант, отлично знал спрос на литературу и поставил себе за правило удовлетворять этот спрос немедленно. Вот чем можно объяснить тот факт, что «Экономические этюды и статьи» продавались в Томске уже через два месяца после выхода в свет.

В течение почти двадцати лет, благодаря энергии и чутью книгопродавца, труды Маркса, Энгельса, Ленина, Плеханова, книги Лассалля, Бебеля, Люксембург наводняли Сибирь, подрывая устои существовавшего строя. Чтобы представить масштабы этого «наводнения», достаточно знать: чис-

ло иногородних клиентов только «Сибирского книжного магазина» к началу 1920 года доходило до 15 тысяч. Этим клиентам предлагалось 50 тысяч названий книг.

А ведь кроме «Сибирского книжного магазина», этот второй Ермак, покоровший Сибирь книгой, как любил говорить И. Д. Сытин, имел еще магазин торгового дома «Макушин и Посохин» в Иркутске. Через этот магазин также проходила марксистская литература. Сохранились письма из тюрьмы руководителя социал-демократической организации в Иркутске А. И. Попова-Коновалова: обращенные к брату. 24 марта 1904 года он пишет: «Ну, а когда купишь Ильина?» Меньше чем через месяц снова повторение просьбы: «Ильин, «Развитие капитализма в России». В то время книгу можно было приобрести только в единственном на всю Восточную Сибирь книжном магазине торгового дома «Макушин и Посохин».

Интересно, что сам Макушин, видимо, не связывал продажу марксистской литературы в своих книжных магазинах с какой-то особой гражданской позицией. В брошюре «К пятидесятилетию книготорговли в Сибири» (из воспоминаний П. И. Макушина), изданной в Новониколаевске в 1923 году, нет ни единого слова о торговле марксистскими изданиями.

В самом деле, Макушин мало чем рисковал. Все издания, предлагаемые его магазинами, были легальные. Об этом сообщает в своей книге «Книги и судьбы» известный книговед Виктор Утков. Он просмотрел «Алфавитный указатель книгам и брошюрам», арест на которые утвержден судебными установлениями за 1910 год, и не обнаружил в нем ни одного марксистского издания, представленного в макушинских каталогах.

И все-таки широкий поток марксистских изданий, их молниеносное проникновение в Сибирь, как это было с книгой В. Ильина «Экономические этюды и статьи», дают основание полагать, что за спиной Макушина стояли люди, зорко следившие за новыми марксистскими изданиями и заинтересованные в появлении их в Сибири. С этими людьми свела Макушина его многолетняя газетно-издательская и библиотечная деятельность.

ХОРОШАЯ КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ ДОСТУПНА ВСЕМ

1 июля 1870 года смотритель духовного училища Петр Иванович Макушин принимал гостей. Собралось человек двенадцать. За столом хозяйничала молодая, двадцатичетырехлетняя жена. За год до этого Макушин женился на дочери протоиерея Иосифа Донецкого — Елизавете. Разливая чай, Елизавета Иосифовна, несмотря на середину лета, куталась в кашемировую шаль. Ей нездоровилось. Но муж попросил непременно выйти к гостям: дело предстояло серьезное.

Действительно, после чая Макушин пригласил всех присутствующих в соседнюю комнату, сплошь заставленную книгами, и объявил, что открывает частным порядком библиотеку.

Мечта устроить публичную библиотеку там, где ему придется служить после окончания учения, не давала покоя с юности. Не раз мысли возвращались к Перми, к библиотеке Иконникова, к влиянию книг из этой библиотеки на молодые умы.

А о каком благотворном влиянии книги на томичей могла идти речь, если город с тридцатитысячным населением не имел ни одной публичной

библиотеки? Но что он, Макушин, мог предложить на первых порах любителям чтения? Меньше сотни книг, с которыми когда-то выехал из Петербурга в Улалу. Визит комиссионера известного петербургского книгоиздателя Глазунова решил проблему. Макушин, как мы уже знаем, начал покупать книги в долгосрочный кредит.

За два года он приобрел у Глазунова книг на 400 рублей, расширив свою библиотеку до трехсот названий.

И вот настал час, когда можно было объявить: «Милости просим в библиотеку. Плата за пользование библиотекой — 10 копеек в месяц».

Все двенадцать приглашенных гостей выразили желание стать подписчиками (так называли тогда читателей) и внесли во вновь создаваемую кассу — один рубль двадцать копеек.

К концу августа подписчиков оказалось уже тридцать семь, а перед новым годом Елизавета Иосифовна внесла в регистрационную тетрадь фамилию семьдесят третьего подписчика. Она по-прежнему исполняла должность библиотекаря, несмотря на то, что стала матерью: у нее родился сын — Дмитрий. Бюджет семьи был очень скромным, поэтому нанять специального библиотекаря не представлялось возможным.

Чтобы поддержать библиотеку материально, Макушин решил вдвое повысить месячную плату за чтение. Теперь каждый подписчик платил в месяц двадцать копеек с правом обмена одной книги хотя бы каждый день. За две взималось сорок копеек. Больше двух книг одному подписчику не выдавалось.

К весне 1871 года стало ясно — у библиотеки есть будущее. Надо было приниматься за ее официальное утверждение городскими властями. Прежде чем взяться за составление соответству-

ющего прошения на имя губернатора, Макушин просмотрел правительственные распоряжения по библиотечному делу.

В конце 50-х — начале 60-х годов, когда общество жило в ожидании перемен, связанных с крестьянской реформой, по стране было открыто немало народных библиотек и читален. После 1861 года положение стало меняться в худшую сторону: новых библиотечных учреждений не открывали, а в тех, что действовали, разрешалось иметь книги, «признанные начальством полезными для приходских училищ». Это чрезвычайно сужало круг чтения, но все-таки не лишало энтузиастов возможности открывать библиотеки и читальни. Так было до 1865 года. Тогда, в связи с новым законом о печати, вводился так называемый «разрешительный порядок», требовавший для открытия публичных библиотек подачи прошения на имя министра внутренних дел или губернатора.

С 1867 года надзор за библиотеками был поручен Министерству внутренних дел. Вот почему Макушин не удивился, что разрешение на открытие библиотеки ему пришло из полицейского ведомства. Больше двух месяцев полицейские власти собирали сведения о личности и образе мыслей смотрителя духовного училища. К этому времени в библиотеке уже насчитывалось около шестисот названий книг. В доме, нанятом в 1873 году для книжного магазина и переплетной мастерской, нашлось место для библиотеки и «кабинета для чтения» или читального зала, как говорят теперь. На столах «кабинета для чтения» всегда можно было найти популярные периодические издания: «Вестник Европы»¹, «Русский вестник»², «Русский архив»³, «Русская старина»⁴, «Семья и школа»⁵, «Семейные вечера»⁶.

В начале семидесятых годов в первый читальный зал сходились учителя, врачи, конторские служащие. Здесь обменивались мнениями о прочитанном, обсуждали научные и политические проблемы, мечтали о сибирском университете.

Настал час подумать о том, как открыть доступ к библиотеке тем, для кого она, собственно, затевалась: учащимся и малоимущим горожанам. Выход один — снизить абонементную плату. Вскоре было объявлено, что учащиеся средних учебных заведений, а также люди с небольшими средствами вносят за пользование библиотекой пять копеек в месяц. Правда, при записи в библиотеку требовался залог в один рубль или поручительство известного библиотеке лица.

Но даже и при таких льготных условиях в число читателей не попадали семинаристы, жившие в общежитии под строгим надзором. Общие правила духовно-учебных заведений запрещали пользование публичными библиотеками. Это препятствие не остановило Макушина.

Визит к ректору духовной семинарии был короток. Договорились: семинаристы будут брать в библиотеке книги, рекомендованные каждым из преподавателей по своему предмету. Возвращаясь домой, Макушин усмехнулся: ректор уступил не потому, что был большой любитель чтения, а потому, что к нему обратился Петр Иванович Макушин, недавно обласканный архиереем за образцово поставленное духовное училище. Но так или иначе, лазейка была найдена. Скольким семинаристам, как и ему когда-то через библиотеку Иконникова, откроется новый мир, зовущий к активному действию!

Труднее оказалось с учащимися городских училищ. В то время книг, кроме учебников, в училищах иметь не полагалось. В смете расходов на го-

родские училища даже не было статьи — «школьные библиотеки». Считалось вредным приучать бедноту к чтению.

Уже в первый год существования своей публичной библиотеки Макушин составил особый отдел из 300 книг, доступных для понимания учащимися городских училищ. Здесь была мифология, рассказанная для детей Ламефлери, «История кусочка хлеба» Масае, «История чайной чашки» Кэмпфен, «Вече Древней Руси» Костомарова, «Путешествие Гулливера» Свифта, «Маленькие искатели Калифорнии» Герштекера и другие научно-популярные, исторические, приключенческие издания.

Чтобы лучше изучить вкусы своих самых младших читателей, Петр Иванович два раза в неделю от двух до шести часов сам стоял за библиотечной конторкой, беседовал со школьниками о прочитанном, задавал вопросы, сам отвечал любознательным и пытливым. Слава о школьных средах и пятницах в библиотеке Макушина пошла по городу. Первым всполошился директор уездного училища. Директора уездных училищ были непременно членами попечительских комитетов библиотек. Им вменялось в обязанность надзирать за читателями-учащимися. Кто знает, о чем беседует Макушин с учениками в своей библиотеке, какие книги им подсовывает? Немедленно вышло распоряжение: «Запретить ученикам городских училищ посещение публичной библиотеки».

Макушин не сдался. В адрес губернатора пошла бумага с просьбой разрешить открыть школьно-ученическую библиотеку. Губернатор запросил по этому поводу директора уездного училища. Директор тут же отписался: «...в библиотеке нужды нет, школы достаточно снабжены книгами для чтения».

Эта заведомая ложь возмутила Макушина. О каких книгах для чтения может идти речь, когда в смете даже нет такой статьи. В ответ губернатор только пожал плечами:

— Что же я могу сделать? Школы находятся в ведении Министерства народного просвещения. Очевидно, директор не желает, чтобы существовала ваша ученическая библиотека.

После того разговора с губернатором впервые родилась мысль о народной бесплатной библиотеке. Как нужна она учащимся, выпускникам начальных школ, наконец, всем грамотным горожанам. «Мое глубокое убеждение, что хорошая книга должна быть доступна всем», — отметил Макушин в своей тетради, проставив дату — 11 января 1873 года.

Более десяти лет Макушин выжидал подходящего момента. А момент все не наступал. В 1881 году, после убийства Александра II, было издано положение об усиленной и чрезвычайной охране, сильно увеличившее власть полиции. Полиция стояла на службе Александра III — царя, который задумал полностью восстановить власть помещиков над крестьянами. Новый царь, обращаясь во время коронационных торжеств, сказал волостным старшинам: «Следуйте совету и руководству ваших предводителей дворянства и не верьте вздорным и темным слухам о переделах земли. Эти слухи распространяются вашими врагами. Вся собственность, так же как и ваша, должна быть неприкосновенной».

Такая политика пагубно сказывалась и на просвещении. Царь не скрывал своего отрицательного отношения к просвещению народа. Когда тобольский губернатор сообщил царю, что в Сибири мало грамотных, Александр III написал: «И слава Богу». Когда одна крестьянка возмечтала дать сыну

гимназическое образование и слух об этом дошел до царя, он сказал:

«Это-то и ужасно, мужик, а тоже лезет в гимназию».

На что же можно было надеяться при таком стечении обстоятельств Петру Ивановичу Макушину? Кто из сильных мира сего мог поддержать его мечту о бесплатной народной библиотеке и пойти наперекор общегосударственной политике. Меньше всего Макушин надеялся на просвещенного администратора. Он выжидал, чтобы кресло томского губернатора занял честолюбец. Им оказался губернатор Красовский. Макушин прямо сказал ему, что пройдет время, и Россия отдаст должное тому, кто рискнул в сложное время для просвещения открыть бесплатную народную библиотеку. Ведь ни Петербург, ни Москва такой библиотеки пока не имеют.

В августе 1884 года Макушин подал официальное прошение Красовскому. Положительный ответ пришел через несколько дней.

Эта весть с быстротой молнии облетела весь город. Был устроен торжественный училищный акт. Макушин держал речь:

— Надеюсь и даже уверен, что в недалеком будущем на главной улице города будет красоваться каменное здание с надписью: «Народная бесплатная библиотека». Здание, специально для нее выстроенное, будет гордостью Томска и вечным памятником тому, кто его выстроит.

Даже самые близкие к Макушину люди находили мечты о каменном прекрасном доме фантазией. С первой минуты было ясно, что правительство финансировать эту затею не намерено. А весь капитал частных пожертвований на библиотечное здание определился всего в 78 копеек.

Такая грошовая сумма не остановила Макушина.

Имея в кармане меньше рубля на строительство библиотечного здания, Макушин, в тот же день торжественного училищного акта, заказал архитектору Нарановичу проект примерно на восемь тысяч рублей.

Тем временем для помещения библиотеки был нанят дом купчихи Копыловой на Миллионной улице. Для покупки книг была открыта подписка. Пятьдесят подписных листов пущены по городу. Сибиряки-книгопродавцы, проживавшие в Москве и Петербурге, были приглашены к пожертвованию книг для «народной библиотеки» особыми письмами.

Но, пожалуй, больше всех растрогал десятилетний мальчик, который принес прямо на дом к Макушину несколько потрепанных книжек и просил принять их в народную библиотеку. Мальчик объявил: «Больше я ничего не имею. Эти книги купил мне отец, когда еще был жив. Да вот мама велела передать десять копеек — больше тоже не может...»

Комплектование библиотеки закончилось всего через полтора месяца после разрешения губернатора. Торжественное ее открытие состоялось 30 сентября 1884 года. Ровно на четыре месяца раньше, чем была открыта бесплатная библиотека-читальня в память И. С. Тургенева в Москве.

Макушин хорошо понимал, что новое его детище нуждается в высоком покровительстве, иначе все может рухнуть. Опыт подсказывает, что таким лицом мог бы стать Василий Маркович Флоринский, новый попечитель Западно-Сибирского учебного округа. Макушин недолюбливал Флоринского. Но подавив гордыню, пишет ему менее чем через месяц после открытия библиотеки:

«Ваше превосходительство многоуважаемый Василий Маркович!

Одобренный Вашим сочувствием в устройстве народной библиотеки, я взялся за это дело и 30 сентября библиотека хотя и в очень скромных размерах, получила свое бытие.

В настоящее время книгами из нее пользуются 182 человека. Посылаю ничтожный каталог и воззвание к жителям г. Томска, напечатанное мною в количестве 6000 экз. Нельзя предвидеть окончательных результатов этого обращения, но пока на устройство библиотеки поступило пожертвований уже около 1000 руб. Большие надежды возлагаю я на образовательное значение этого нового учреждения, а потому постараюсь всеми силами, чтобы оно получило и развитие и устойчивость. Особенную энергию придает мне в этом Ваше обещание принять ее под свое покровительство и оказать пособие народными книгами, которые окажутся в университетской библиотеке.

Прошу удостоить Вашего внимания и прилагаемый отчет о начальных школах г. Томска за минувший учебный год. Крепко дорожу я этим вниманием, ибо в большинстве окружающих встречаю, если не противодействие, то полное равнодушие и, что всего досаднее, даже со стороны таких лиц, которые по самому званию должны бы поддерживать меня (так, например, будущий директор г. Бильдинский не удостоил даже своим присутствием открытие библиотеки, высказавшись, что Макушин придумал новый способ развращать народ — Т. С.). Не лишайте меня, глубокоуважаемый мною Василий Маркович, поддержки, какую я пользовался от Вас до сего времени.

Марье Леонидовне свидетельствую глубочайшее почтение.

От души желаю Вам доброго здоровья и скорейшего перемещения Вас в Томск.

Искренно преданный Вам *П. Макушин*».

Не много писем такого рода сохранилось в архиве Макушина, но без них остались бы неосуществленными большинство его проектов.

В день открытия библиотеки присутствующим было роздано следующее объявление: «Желательно, чтобы книгами из бесплатной народной библиотеки пользовалось возможно большее число недостаточных лиц. Денежного залога за ценность отпущенной книги такие лица, разумеется, не могут дать, поэтому взамен денег они обязаны представить чье-либо ручательство».

Далее шло разъяснение: «Поручатель точно обозначает, на какую сумму он ручается (50 коп., 1 руб.). В случае потери или порчи книги, он вносит в библиотеку только ту сумму, за которую поручился, хотя бы утерянная или испорченная книга стоила и много дороже».

Вот на какой основе строились отношения между библиотекой и ее читателями.

Кроме того, в каждую выданную на руки книгу вкладывалась листовка: «Убедительно прошу господ читателей беречь книги и возвращать их аккуратно. Средства библиотеки крайне ограничены: они состоят из пожертвований немногих лиц, сочувствующих просвещению, а потому человек, портящий книгу, препятствует увеличению библиотеки и даже подрывает самое ее существование. Он лишает себя и других пользоваться даровым чтением книг. Фамилия лица, утаившего принадлежащую библиотеке книгу, а равно и лица, которое приобретает от него таковую, будут предаваться гласности. *П. Макушин*».

Безусловно, оба приводимых текста написал сам

Макушин. В них ясно читается характер автора: деятельный, активный, но в то же время не лишенный хозяйственного расчета и коммерческой жилки. Эти качества не раз помогали ему любое задуманное дело доводить до конца. Так случилось и со строительством здания для народной библиотеки.

План действий был таков: найти щедрого жертвователя на здание библиотеки среди местного купечества. Ведь собрать восемь тысяч рублей мелкими взносами не представлялось возможным.

Неутомимо день за днем Петр Иванович посещал местных богатеев. Городской голова Михайлов, крупный торговец мануфактурой, целый месяц держал у себя на столе проект здания библиотеки, наконец объявил: «Торговля идет плохо, надо подождать год или два». А богатые купцы Кухтерин, Пушкив, известные как щедрые жертвователи на монастыри, сразу заявили: «Деньги на такое дело не дадим».

И тогда полетели письма в Москву и Петербург. Однажды о своей переписке со столичными толстосумами Макушин рассказал Семену Степановичу Валгусову, богатому купцу из нарымских хантов. В ответ услышал обнадеживающую фразу: «Петр Иванович, не срамите томских купцов, не клянчите деньги на стороне. Возможно, и у нас в городе найдется жертвователь».

Перед Рождеством Макушин был неожиданно приглашен к Валгусову. Предчувствуя, что речь пойдет о строительстве библиотеки, Петр Иванович захватил с собой тот самый проект здания, который, по его заказу, сделал архитектор Наранович.

Долго сидели в кабинете. Разговор шел вокруг

да около библиотеки. Наконец, Валгусов пригласил гостя в столовую. После третьей рюмки мадеры, торжественно объявил: «Желаю на свой счет построить здание для библиотеки».

В тот же вечер Макушиным от имени Валгусова, который не знал грамоты, было составлено заявление. «Вполне сочувствуя учреждению в Томске народной бесплатной библиотеки и желая, чтобы это учреждение получило прочное существование, я имею намерение построить в течение трех лет на свой счет и передать «Обществу попечения о начальном образовании» для означенной библиотеки каменное здание».

Когда городской голова Михайлов, которого Макушин безуспешно склонял принять на себя строительство библиотеки, узнал об этом, то злобно прошипел: «Безграмотный остяк строит библиотеку! Да он с ума сошел».

От слов Михайлов перешел к делу. Цель — помешать Валгусову в его предприятии. Причина — задетое самолюбие. Воспользовавшись тем, что место для библиотеки в самом центре города, на главной улице было отведено решением Думы без участия городского головы, Михайлов отменил это решение. Оскорбленный Валгусов немедленно от своих обязательств отказался.

Макушин знал, что в случае конфликта городского головы с гласными Думы решать будет Петербург. А значит, дело может затянуться на несколько лет. Надо было во что бы то ни стало уговорить Валгусова строиться на другом, отведенном городским головой, месте. Переговоры тянулись несколько месяцев.

Наконец, Валгусов дал свое согласие. Через год с небольшим, 27 сентября 1887 года, строительство библиотеки было закончено.

В ясный сентябрьский день в новом здании библиотеки собралась вся местная «знать», а также учителя, врачи, чиновники, конторские служащие. Присутствовал и архиерей Исаакий. Он не преминул преподать учредителям библиотеки свое наставление: «Вредных книг в библиотеку не приобретать, иначе ждет слушников пучина морская с жерновом на шее». И это были не пустые слова «отца церкви». С 1884 года стали издаваться «Алфавитные списки произведений печати, которые «не должны быть допускаемы в публичных библиотеках и общественных читальнях». Так, в список 1884 года включались 125 книг по крестьянскому вопросу, рабочему движению, истории революций, социалистических учений в России и за рубежом. В числе запрещенных книг были: I том «Капитала», сочинения Чернышевского, Добролюбова, Щапова, Помяловского, Решетникова, Сеченова. В числе периодических изданий запрещалось выдавать «Современник» (1856 — 1866 гг.), «Отечественные записки»⁷ (1867 — 1884 гг.), «Русское слово» (1857 — 1866 гг.).

Но несмотря на все препятствия, томичи потянулись к книге. Уже в первый год открытия библиотеки 440 горожан пользовались ее книгами, а ко дню переезда в новое здание читателей насчитывалось около 800. Самый большой отряд составляли ремесленники — 200 человек, потом шли мелкие торговцы — 170 человек. Через отцов и матерей получили возможность пользоваться библиотекой дети и подростки. Их оказалось более двух тысяч. Кроме того, 350 подростков от 12 до 18 лет — учащихся начальных и городских училищ — стали активными читателями.

Вот почему из 2400 названий книг, которыми располагала библиотека, 600 приходилось на детские книги.

Особым спросом пользовались произведения Майн Рида, Жюль Верна, Фенимора Купера, Маризетт, Вальтера Скотта, а также сказки Андерсена, братьев Гримм, сборники русских народных сказок в обработке Афанасьева. Серьезно был укомплектован исторический отдел — 400 названий. Самыми популярными среди читателей стали исторические произведения Лажечникова. В первый год существования библиотеки его книги требовали более двухсот раз. Отдел изящной словесности включал в себя лучшие произведения русских и зарубежных писателей. В течение года 280 раз выдавался Тургенев, 260 — Толстой, 200 — Островский, 100 — Гоголь.

Ремесленный и хозяйственный отделы состояли из 250 названий книг, но многие книги всегда находились на руках. Это и не удивительно: Томск — город мастеровых и ремесленников — нуждался в литературе по всем отраслям ремесел и производств.

Новое здание библиотеки, выстроенное на углу Духовской и Хомяковского переулков, состояло из комнаты для выдачи книг, «кабинета для чтения», квартиры библиотекаря, а также большого зала для «народных чтений» на пятьсот мест. Как реалист и практик Макушин рассчитывал на то, что именно этот зал и будет кормить библиотеку: платные лекции и публичные выступления, музыкальные вечера, на рождественских праздниках — елки. Но особые надежды возлагались на театральные спектакли.

Действительно, уже первый спектакль местной любительской труппы собрал полный зал, и в кассу поступило 300 рублей. Успех у публики был так велик, что решено было давать еженедельно по одному спектаклю. Плата назначалась очень

умеренная: от одного рубля до десяти копеек. Из среды томских актеров-любителей, начинавших на сцене народного театра, вышли известная актриса Малого театра В. О. Массалитинова и ее брат Н. О. Массалитинов, актер и режиссер Московского Художественного театра.

Вскоре к бесплатной народной библиотеке и народному театру присоединился «Музей прикладных знаний», открытый в пристроенном к библиотеке помещении. Как же удалось Макушину осуществить и эту свою мечту?

Опять же пришлось сыграть на человеческой слабости... Многие удивлялись, почему Макушин так настаивал на парадном обеде в честь открытия нового здания библиотеки. Сам внес значительную сумму на угощение, да еще объявил подписку среди ста томских богатеев, приглашенных принять участие в этом торжестве.

Обед удался на славу. Валгусов восседал между архиереем и губернатором. Именитые люди города пели ему хвалу; тосты следовали один за другим. В разгар пиршества Макушин поднялся и предложил к официальной вывеске, которая уже была заказана для нового здания библиотеки — «Народная бесплатная библиотека», прибавить: «Здание выстроено потомственным почетным гражданином Семеном Степановичем Валгусовым».

Как и ожидал Макушин, его слова вызвали полное одобрение присутствующих. А вечером того же дня Петр Иванович получил с посыльным пакет от Валгусова. В пакете был официально оформленный документ — все расходы на строительство и оборудование библиотеки — 15 тысяч рублей — Валгусов принимает на себя. В пакете находился и чек на четыре тысячи рублей. Когда-то эту сумму Макушин «выклянчил» у купца и промышленника И. М. Сибирякова⁸ для библиотеки.

Желая быть единственным жертвователем на библиотеку, Валгусов возвращал деньги.

Тогда-то и появилась реальная возможность пристроить к библиотеке помещение для «Музея прикладных знаний». Музей мыслился как живая книга, рассказывающая об истории Сибири, ее природных богатствах, о развитии промышленности и сельского хозяйства края.

Пока велась стройка, был выработан устав музея. Он предполагал создание в музее нескольких отделов: историко-этнографического, заводско-фабричного, сельскохозяйственного и горно-золотопромышленного. В уставе отмечалось, что главная задача музея «показать, как богат и интересен сибирский край».

Музей открыли в 1892 году. Он просуществовал двадцать восемь лет, являя собой прообраз будущего областного краеведческого музея. В 1917 году музей располагал почти шестью тысячами экспонатов. К учрежденным по уставу отделам со временем прибавились отделы минералогии и геологии, ботаники, зоологии, палеонтологии. Ежегодно музей посещало до трех тысяч человек. Его недаром называли «школой природоведения». К сожалению, в 1920 году «Музей прикладных знаний» закрыли, а его коллекции и фонды были вывезены в Новониколаевск.

«Музей прикладных знаний», «Народный театр» и «Бесплатная народная библиотека», оказавшись под одной крышей, получили у томичей название «Народный дом».

Уже при советской власти Народный дом был переоборудован в клуб имени К. Маркса, потом здание отвели под кинотеатр. Старейший кинотеатр города носит имя летчика томича Ивана Черных, героически погибшего под Ленинградом в 1942 году.

Среди гостей, присутствовавших на торжестве по поводу присуждения кинотеатру имени Ивана Черных, была и Елизавета Петровна — старшая дочь Петра Ивановича Макушина. Елизавета Петровна родилась в 1873 году. Меньше чем через год лишилась матери: Елизавета Иосифовна умерла от крупозного воспаления легких. Блестяще закончив женскую гимназию, Елизавета Петровна поступает на Бестужевские курсы в Петербурге, потом уезжает в Бельгию продолжать образование на общественном факультете Нового университета. Двадцати шести лет, в 1899 году, она возвращается на родину, пройдя три курса Нового университета в Брюсселе.

После скромного семейного обеда, устроенного в ее честь, отец позвал в кабинет, заваленный книгами, комплектами журналов, каталогами, приходо-расходными ведомостями. Расчистил краешек дивана, пригласил сесть. Как-то особенно старательно поглаживал бороду, и она поняла: разговор будет серьезным. Как всегда, отец начал не издалека, а прямо: занятия в университете придется прервать; публичная библиотека настолько разрослась за двадцать восемь лет своего существования, что требует опытного заведующего. Большого жалованья он положить ей не может — тридцать рублей в месяц, — вот, пожалуй, и все.

Возражать было бесполезно. Характер своего отца она хорошо знала.

Уже на следующее утро Елизавета Петровна стояла за библиотечной конторкой, аккуратно причесанная, в отглаженной рабочей блузе. В обед заглянул отец, ничего не сказав, положил на конторку пачку писем. Она наугад открыла одно из них: «Жителей у нас в поселке 1414 человек, из них грамотных около восьмисот. Школа существу-

ет с 1870 года, в настоящее время учащихся 98 человек. Нет ни газет, ни книг. Книжки крайне бедной училищной библиотеки все прочитаны и потрепались до того, что некоторые нельзя выдавать ученикам». Письмо заканчивалось так: «Ученикам по выходе из школы приходится отвыкать от книги, потому что достать книгу негде».

Пробежав глазами второе письмо, она с удивлением обнаружила, что оно тоже про книги: «Учительствую в деревне, которая находится в самом отдаленном и глухом месте, куда ни одна книжка, ни один газетный лист не проникает. Деревня большая и заселена бедными грамотными новоселами из Европейской России. Они постоянно, как я приехал к ним, ходят ко мне и просят каких-либо книг, но я сам из бедных крестьян и жалование получаю самое скромное».

Третье письмо можно было бы назвать криком души: «Народ постепенно пробуждается от своего духовного сна, в нем появляется жажда знаний, а вместе с ней растет с каждым днем спрос на книгу. Явление весьма отрадное, но как удовлетворить этот спрос? Наше училище существует тридцать восемь лет. Кажется, должно бы оно за это время сделаться богатым и книгами. К сожалению, в действительности наблюдается как раз обратное. Книг, кроме учебников, почти нет, а имеющиеся пришли в такую ветхость, что бывает трудно и разобрать, что за книга находится в руках. Пополнять библиотеку из ассигнуемых казной денег не представляется возможным, ввиду большого числа учащихся — все деньги исключительно расходуются на приобретение учебников и учебных пособий. А ребята — школьники и весь народ — просят «умную» книгу, но ее нет, и с грустью отходят от книжного шкафа. Горько и жалко, что

даже школа не в состоянии, хотя немного, удовлетворить эту вполне законную жажду знаний».

Дочитав это письмо, она поняла, что не случайно отец принес ей пачку писем из сел и деревень. В его душе зрело какое-то новое дело. Не сегодня-завтра он ринется в бой, но он уже не молод; скоро стукнет шестьдесят. Отцу нужен помощник. И отец выбрал ее — старшую дочь.

Она ждала объяснения с отцом. Но вместо этого он попросил ее просмотреть несколько годовых отчетов дирекции народных училищ. Его интересовали сельские народные училища, находящиеся в ведении Министерства внутренних дел, народного просвещения, Кабинета его величества, казачьего и железнодорожного управлений.

Как-то поздним осенним вечером отец пригласил ее подняться в кабинет. Там они вместе внимательно просмотрели все собранные сведения. Отец взял красный карандаш и вывел: «300 тысяч рублей». Это была общая годовая сумма расходов на содержание всех сельских школ в Томской губернии. На том же листке он написал: «Значительную часть этой суммы составляют народные гроши. Несомненно, эти деньги трудовые, а потому и очень дорогие». Слова «трудовые» и «дорогие» он дважды подчеркнул красной чертой. Потом объявил, что собирается в поездку для обозрения сельских школ вместе с Петром Александровичем Буткеевым, смотрителем народных училищ. Маршрут назначен по Томскому уезду и рассчитан примерно на месяц. Подумалось: «Вернется только к Рождеству. Стужа, пурга». Но отговаривать не смела. С детства было заведено — отцу в доме никто не смел возражать.

Она не раз спрашивала себя: почему у отца такой сложный характер? Ответ отыскивался в трудной судьбе. Духовное училище, семинария,

академия. Отсутствие родительской ласки, доброго родительского слова и бедность, бедность, бедность... Желание не просто утвердиться в жизни, а еще и быть первым. «Я всегда жил стиснув зубы», — вырвалось как-то у отца. Потом ранняя смерть жены. Тридцатилетний вдовец с двумя крохотными детьми на руках. Горе заставило еще глубже уйти в себя, находить утешение только в работе.

Вторая женитьба не сделала улыбчивей и добрей.

Жена Елена Алексеевна, урожденная Путьковская, не была любима, и снова душевную тоску заглушал работой. Со служащих спрашивал сурово. С домашних — еще суровей. Не оттаял даже при рождении младших — Викторины и Петра.

...Отец угадал под Рождество. В передней долго стряхивал снег с валенок, хлопал тяжелыми рукавицами, молча снимал доху. Даже преддверие праздника не переменяло настроения. От разговоров о поездке уклонялся, обронив только: «Надежды мои на то, что обновить деревню сможет грамотное, прошедшее школу поколение, в корне разрушены».

Разговорился, как всегда, неожиданно. Пришел рано утром в библиотеку, сел возле ее конторки и не умолкал до обеда. Выяснилось, что в Томском уезде на каждые 1200 квадратных верст только одно училище, да и то одноклассное. Но даже те, что открыты, влачат жалкое существование; старые, полуразвалившиеся строения, вышедшие из строя печи. В некоторых классных комнатах температура держится +2 — +3°. Где уж тут мечтать о библиотеках, о книгах для внеклассного чтения. Буткеев утверждает, что ассигнуемых на содержание школ денег едва хватает на перья, карандаши, бумагу, азбуки.

А между тем без книг обходиться невозможно. Они убедились в этом с Буткеевым на множестве примеров. Делалось это так. Через старосту Буткеев вызывал в школу тех, кто закончил курс обучения девять-двенадцать лет назад. «Грамотеям» предлагалось что-нибудь прочесть из раскрытой книги. Большинство справиться с этим не могли. Конфузливо отвечали: «Читать разучились». Так часто говорили даже те, кто по окончании школ получал когда-то похвальные листы.

Когда подвели итоги, только руками развели. 85 процентов из окончивших начальную школу к двадцати пяти годам превращаются снова в неграмотных. Единственное, что они в состоянии сделать — подписать бумагу, которую напишет и прочтет сельский или волостной писарь. А все от того, что книг практически в деревне нет, кроме учебников для ребятшек. Буткеев сетовал, что не раз обращался по этому вопросу к попечителю учебного округа и даже к самому губернатору. Но ответ был всегда один: дело училищной инспекции заботиться о грамоте в школе, а что будет после школы — это не касается дирекции.

— Мириться с таким положением — преступление. — Отец встал и взволнованно зашагал по библиотечной комнате. — Я нашел выход: создать «Общество содействия устройству сельских бесплатных библиотек-читален», по образцу тех, что созданы уже в Воронежском, Пермском, Самарском, Екатеринбургском земствах. Вот основные положения его устава. Он протянул ей вдвое сложенный листок.

На листке знакомым отцовским почерком было написано: «Цели общества: 1) советами и указаниями содействовать открытию и устройству во многолюдных селениях Томской губернии народных

бесплатных библиотек-читален; 2) оказывать по мере средств материальную поддержку книгами и деньгами как существующим библиотекам, так и имеющим открыться; 3) устраивать для малонаселенных мест передвижные библиотеки». В конце странички крупно выведено: «Девиз общества — хорошая книга должна быть доступна всем».

Отец рассказал, что для авторитетности «Общества» первым членом-учредителем пригласил быть томского архиепископа Макария-Невского.

— Как же это могло случиться? — удивилась она. — Мракобес из мракобесов и вдруг — «Общество».

— Не забывай, дорогая, Макарий старый знакомый, свидетель моей юности. Кроме того, я ему сказал, что мне как книгопродавцу не раз приходилось видеть такую картину: приходит безграмотный мужик, просит выбрать для его ребенка хорошую книгу. Такую, чтобы в ней было «обо всем написано». Потом он любовно рассматривает предложенную книгу, бережно держит в мозолистых руках и, наконец, прячет за пазуху.

— Но окончательно я сразил Макария, — добавил отец, — утверждением, что мужик хранит купленную книгу на божничке, вместе с иконами.

Между прочим, всегда много говорили о том, что Макушина в его просветительских деяниях поддерживало духовенство. Что же, в этом нет ничего удивительного: высокие духовные лица либо были соучениками Макушина по духовным заведениям, либо его воспитанниками в Томском духовном училище. К тому же, симпатии духовных лиц распространялись на ту часть программы его просветительской деятельности, которая отвечала требованию церковников. Приведение в порядок Томского духовного училища, наблюдение как

члена церковного епархиального совета за церковно-приходскими школами, торговля через «Сибирский книжный магазин» религиозными изданиями, комплектование сельских бесплатных библиотек святоотеческими книгами.

В то же самое время церковники зорко следили за тем, чтобы через книжную торговлю Макушина не шли «вредные книги», чтобы не попадали они в публичную библиотеку и сельские шкафы-лавки. Неоднократно за нарушения Макушин подвергался «отеческим внушениям».

12 февраля 1900 года отец подал через томского губернатора прошение министру внутренних дел о разрешении открыть в Томске «Общество». Уже 18 февраля прошение ушло в Петербург с заключением: «Со стороны губернатора препятствий к учреждению «Общества» не имеется».

Наконец, 19 июня 1901 года устав «Общества» утвердили. На рассмотрение этого документа Министерству внутренних дел понадобилось 16 месяцев.

Как только было получено сообщение об утверждении «Общества», отец принялся за подготовку своей речи на заседании городской Думы. Вот тогда-то и пригодились все те сведения из отчетов дирекции народных училищ, которые она по его просьбе готовила в первый год после возвращения из Бельгии. В течение двух месяцев почти каждый вечер он приглашал ее в кабинет и зачитывал отдельные куски своего выступления. Начинал он, казалось, издавека.

— Томская губерния переживает тяжелый год; некоторые из ее уездов поражены полным неурожаем. Пахарь удобрял свое родное поле, подымал новину и, полив своим потом пашню, он радовался на свои богатые весенние всходы. Все обещало хо-

роший урожай. Но наступили холода, посетила нашу губернию засуха, всходы потеряли возможность расти, и в короткое время от изумрудных зеленеющих полей остались выжженные почерневшие, наводящие тоску и уныние пространства. Надо иметь очень черствую душу, чтоб, глядя даже со стороны на горе земледельца, не ощутить в душе жалости к нему, не пожалеть и о мертвом поле, обещавшем богатую жатву.

Далее отец называл цифру: 50 тысяч учащихся в селах и деревнях Томской губернии на 1 января 1901 года.

— Не весенние ли это, радующие нашу душу всходы? — обращался отец к своей воображаемой аудитории. — Но где гарантия, что эти всходы не высушит царящее в нашей деревне невежество и в виде разных суеверий не заглушит приобретенные в школе начатки знания? Где гарантия, что не подновляемые, не пополняемые элементарные знания не забудутся, не выветрятся?

Именно тогда родилась у отца одна почти афористичная фраза: «Грамотность еще не есть образование, а только дорогостоящий ключ к нему».

Заканчивалась речь обращением к патриотам города Томска:

— Город Томск поставлен вверху горы, он богат и низшими и средними просветительными заведениями и учреждениями. Его прямая обязанность — взять на себя труд освещать деревне путь к образованию, руководить ею на первых шагах по этому пути. Город должен дать бескорыстных и преданных этому делу деятелей из своей среды, он обязан сообщить деревне часть своих знаний и уделить ей часть своих средств, приобретенных и приобретаемых благодаря той же деревне.

Открытие «Общества» состоялось 23 сентября 1901 года. Председателем «Общества» избрали отца, а ее, Елизавету Петровну, секретарем. В члены общества пожелало вступить восемьдесят человек со вступительными взносами три рубля в год. Сам же председатель пожертвовал в капитал «Общества» пятьсот рублей единовременно.

Живо помнится первый разговор с отцом после открытия «Общества». Еще утром она по его просьбе побывала в Губернском правлении и навела справки о сельских библиотеках. На всю губернию нашлась всего одна сельская библиотека в селе Берском. Но самое главное, что в губернском правлении не оказалось ни одного ходатайства об открытии библиотеки в селе.

Отца эта информация не удивила. Он сказал, что для коренного сибиряка сельская библиотека является делом новым, совершенно ему неизвестным. Ни потребности в ней, ни пользы от нее он не сознает и не ценит.

Подумай, откуда народу, разбросанному по огромной губернии, удаленному по глухим углам от городов, достать книгу, приохотиться к ней, полюбить ее? Сельской интеллигенции на местах мало. Кто же народу может дать книгу?

Потом он высказал мысль о том, что первые заявки на библиотеки пойдут от переселенцев из Европейской части России. В значительной степени это народ грамотный, а главное — приученный к библиотекам. В губерниях, где введены земские учреждения, дело народного образования, и в частности устройство сельских библиотек, передано губернским и уездным земским собраниям, и уже есть губернии, имеющие сотни библиотек. У нас же земства нет, а потому должны явиться добровольцы.

Не худо бы тебе приняться за составление брошюры, в которой следует обрисовать необходимость и пользу библиотек, потом указать порядок возбуждения ходатайств об открытии библиотеки, дать формы и образцы таких ходатайств, привести примерный устав народной библиотеки, сообразуясь с официальными «Правилами о народных библиотеках».

Через месяц она положила на стол отцу текст брошюры, которую назвала «Сельским обывателям от Совета общества содействия устройству сельских бесплатных библиотек в Томской губернии». Вскоре брошюра вышла тиражом в пять тысяч экземпляров и была разослана во все волости и селения Томской губернии.

Но ждать, пока читатель сам обратится в Совет, она считала неразумным. Надо было действовать, и немедленно. Предложение Елизаветы — начать открывать библиотеки при сельских училищах — пришлось отцу по душе. Конечно, львиная доля книг в такой библиотеке должна быть адресована детям. Но в этом нет ничего страшного. Приученный в школе к чтению библиотечных книг, такой читатель не расстанется с библиотекой на многие годы.

Отец добавил, что в этом предложении есть и другая, очень важная сторона дела. Созданная при школе, такая библиотека невольно попадала бы под опеку сельского учителя. Он даже сам вызвался написать своего рода «воззвание» к сельским учителям.

И вот уже полетели во все концы губернии аккуратно отпечатанные листовки, адресованные сельскому учительству. «По собственному тяжелому опыту Вам известно, с каким трудом приходится внедрять в темную крестьянскую массу на-

чатки знаний. Несомненно, Вам больно видеть, как эти начатки знаний, по выходе учащихся из школы, постепенно теряются, забываются... И как не скорбеть, когда Ваши тяжелые труды оказываются напрасными, посеянное Вами доброе семя заглушается сорной травой и погибает бесследно...

Можно ли мириться с таким безотрадным положением дела народного просвещения? Выход один — все грамотные по окончании школы должны продолжать свое образование чтением книг. И тот учитель, который не порвет связи со своим учеником, а будет руководить его чтением, поставит его на путь самообразования, будет поистине тем сеятелем, которому «спасибо сердечное скажет русский народ».

Как и предполагалось, сельские учителя живо откликнулись на предложение Совета. В своих письмах в Совет они выражали желание взять на себя безвозмездный труд заведования народными библиотеками. А ведь эта работа предполагала не только выдачу книг. На заведующих библиотеками лежала обязанность вести учет читателей по возрасту и образованию, учет выданных книг по отделам. В конце года — составлять общую сводку, отправлять в Совет.

Елизавета Петровна хорошо помнит, как радовались они с отцом каждой новой заявке на заведение библиотекой, поступавшей от сельских учителей. Этому было две причины: во-первых, библиотека попадала в хорошие, надежные руки грамотного человека; во-вторых, в этих случаях не требовалось добиваться особого разрешения от губернской администрации.

Когда же заведовать библиотекой выражало согласие частное лицо, начиналась долгая бюрократическая канитель. Совет обращался с проше-

нием к губернатору. Губернатор запрашивал исправника, исправник — заседателя, заседатель — урядника. Наконец, урядник давал письменную аттестацию предполагаемому заведующему библиотекой. Бумага шла к заседателю, заседатель доносил исправнику, исправник — губернатору. Такое «хождение» занимало три-четыре месяца.

Наконец, Совет получал положительный или отрицательный ответ на свое прошение. Главным в оценке заведующего была «политическая благонадежность». Немногие лица удостоивались такой чести. Среди тех, кому было отказано заведовать библиотекой, оказался крестьянин Ефрем Агеевич Боровков из села Старая Тарабей.

Боровков занимался извозом, был грамотен, оборотист в делах. Скопив к шестидесяти годам пятьсот рублей, он отправил деньги в Совет с просьбой сделать подборку книг для народной библиотеки села Старая Тарабей. Заведовать библиотекой он изъявил желание сам.

Но тарабеевский урядник аттестовал Боровкова как лицо «политически неблагонадежное», и затея провалилась.

И все-таки, несмотря на все трудности, день открытия первой народной библиотеки-читальни приближался. По первому снегу в село Судженское был отправлен багаж с книгами для библиотеки. Составить этот багаж было крайне трудно.

В 1890 году вышли правила о бесплатных народных читальнях и о порядке надзора за ними. По этим правилам круг книг очень узок. В него входило лишь 3 процента всех разрешенных цензурой книг. Что же касается списка периодических изданий, вышедшего в 1892 году, то в народные читальни допускались только 69 названий. В том числе 38 официальных, технических, специаль-

ных, 8 детских, 7 иллюстрированных, 13 литературно-художественных и 3 для народного чтения. Таким образом, в народные библиотеки-читальни допускалось только 17 процентов издаваемых в России газет и журналов.

Вслед за книгами выехали они с отцом. Дорога предстояла неблизкая — 125 верст. Но время пролетело незаметно: готовили с отцом речь, которую он намеревался произнести на открытии библиотеки.

Скорее это была не речь, а беседа с крестьянами, беседа доверительная и вместе с тем мудрая. Отец говорил, что в Судженское прибыло вместе с книгами шестьсот умных советников и наставников, занимательных рассказчиков и собеседников. «Если вас интересуют рассказы какого-нибудь странника, часто нелепые, то во сколько раз должны быть для вас занимательнее правдивые рассказы людей умных», — обращался он к слушателям.

Отец особенно выделял тот факт, что в селе почти нет семьи, где бы не было грамотного человека. А это дает возможность легко познакомиться с тем, что написано в книгах. «Приглашайте же к себе как можно чаще пришедших сегодня к вам гостей, внимательно слушайте, что они говорят в своих книжках! Полюбите их, и вы узнаете от них много полезного», — призывал он крестьян.

В Судженское, несмотря на пургу и крепкий мороз, 24 ноября 1902 года съехались крестьяне из пяти сел волости, приехали учителя и ученики Сергиевской, Лебедянской, Жарковской, Данковской и Ольгинской школ. Все собрались в здании волостного правления, где под библиотеку была отведена просторная светлая комната.

В ней стоял шкаф, заполненный книгами.

Сначала звучали речи, потом учащиеся судженской школы дали концерт и, наконец, распахнулись дверцы заветного шкафа. Десятки рук потянулись к новеньким книгам. Ведь почти никому из присутствовавших до этого не приходилось держать в руках новую, еще пахнущую типографской краской книгу.

Одна крестьянка подошла к шкафу и поставила рядом с ним, прямо на свежeweымытый пол корзинку с яйцами и горшок с маслом, поклонилась в пояс: «Люди добрые, примите в счет пожертвованной на библиотеку».

Помнится, в этот миг Елизавета Петровна взглянула на отца; он взволнованно теребил бороду, улыбка озаряла его всегда суровое лицо. А вечером он сказал ей: «Народ принял библиотеку, значит делу этому жить».

Действительно, скоро в Совет стали приходиться хорошие вести.

Новоселы-переселенцы Островского поселка ассигновали из своих грошовых средств на устройство библиотеки десять рублей и добровольно обязались «на будущее время вносить на этот предмет по одной копейке с души в год». Читая это заявление, она подумала: а ведь прав был отец — первыми откликнулись переселенцы.

Но вот в Совет явился крестьянин Всеволод Дмитриевич Ложкин из села Итатское, одного из медвежьих углов Томской губернии, и выложил на стол деньги, которые заработал честным трудом. Он просил на эти деньги собрать и отправить в Итатское посылку с книгами.

С такой же просьбой обратились в Совет крестьяне Евдоким Степанович Степанов и Петр Степанович Галузин. Тогда-то в своей заветной тетради отец сделал такую запись: «Крестьянство,

экономное и расчетливое в расходах, потянулось к книге».

В тот год, кроме библиотеки в Судженском, была открыта еще только одна библиотека, в селе Новокусово. Зато следующий, 1903 год стал «урожайным», сразу тринадцать библиотек появилось в больших и малых селах Томской губернии. День открытия библиотеки был праздником для всей деревни. Часто это событие сопровождалось крестным ходом из церкви до школы и колокольным звоном. В других местах устраивался сельский сход, в третьих — школьный праздник, на который приглашались школьники, родители; читали стихи, короткие рассказы. С такого праздника каждый уходил с облюбованной для чтения книгой.

К концу 1903 года в активе «Общества» значилось 15 библиотек. Всего пятнадцать на шесть тысяч населенных пунктов Томской губернии. Кажется, капля в море. Но капля камень точит. Об этом говорила почта «Общества».

«...Потребность в книге стала уже не случайным явлением, а необходимой и настоящей надобностью. Стали мужики делить землю — идут первым делом в библиотеку — «нет ли каких книжек, чтобы нам как поудобнее и научнее землю промеж себя разделить». Заболела в селе корова — опять библиотека нужна; ведь доктора и фельдшера нет, нельзя ли что вычитать из подходящих книжек и горю пособить. И много таких случаев в деревне, где может помочь только библиотека», — писал в «Общество» учитель из Новокусова.

Другой заведующий библиотекой в селе Богородском добавлял: «...Там, где ранее мужики собирались» часто для пустых разговоров, смотришь, теперь собираются для чтения для слушания но-

востей из газет или какой-нибудь занятой книжки. А книжки в библиотеке подобраны так, что могут вполне удовлетворить невзыскательный и неизбалованный вкус крестьянина. Кому что требуется, то и найдем».

Учительница из села Семилужки сообщала: «Постепенно вкусы меняются, и вместо «Учителя Митюхи» или «Димки» начинают просить Чехова и Достоевского. Никогда мне не забыть, как один небогатый крестьянин из солдат, возвращая книгу «Из мира отверженных» Якубовича и пересказывая содержание книги, вдруг почти навзрыд заплакал. Странно было смотреть на слезы 45-летнего мужика, но утешительно, что именно эта книга пробудила в нем такое искреннее сочувствие к несчастным страдальцам тюрьмы и ссылки».

Из села Просококовское пришло такое письмо:

«В первый год всех захватили две книги — «Князь Серебряный» и «Хижина дяди Тома». Да так захватили, что через год эти книги и выдавать нельзя стало, истрепали от усердия. Ведь есть чтецы всякие. Один, например, я знаю, на гумно книги носит и читает их там при свете овинного огня при сушке хлеба, и можно ли ему отказать в книге? Конечно, нет, и я рад, что он читает, хотя и в овине».

С этим письмом отец как-то спустился из своего кабинета в библиотечный зал. К письму была приколота записка: «Приход кассы общества». 1901 год — 1137 руб. 66 коп., 1902 — 223 руб. 17 коп., 1903 — 546 руб. 16 коп., 1904 — 1127 руб. 03 коп.

— Как видишь, суммы пока мизерные, а ведь нам надо думать, как я понимаю, не только об открытии новых библиотек, но и о пополнении существующих. Где взять средства на новенькие экземпляры «Князя Серебряного» или «Хижины дяди Тома»?

Она уверена: отец обязательно что-нибудь придумал бы, чтобы изыскать новые средства для «Общества», но грянул 1905 год. Вскоре всей семьей выехали за границу, где отец лечил пораженные артритом ноги.

В Томск возвращались осенью 1907 года. «До Петербурга отец передвигался самостоятельно, но осенняя сырость опять скрутила ноги; в томский поезд его внесли на руках. Буквально на второй день по приезде в Томск он потребовал бумаги «Общества». Выяснилось, что за два последних года «Общество» захирело. В кассу поступило в 1906 году — 51 рубль и в 1907 году — 49 рублей, число членов «Общества» сократилось до двух десятков человек.

Весь октябрь и первую декаду ноября отец провел за письменным столом. Наконец, вечером 11 ноября пригласил в кабинет: «Садись и слушай».

«Заявление в Томскую городскую думу. Провидя, как сильно с введением обязательного обучения разовьется в Сибири грамотность, и как для грамотного простолюдина будет нужна и полезна хорошая книга, я остановился на мысли дать грамотным сибирякам сотни и тысячи таких книг, а на протяжении сотни лет я хотел бы пустить в даровое обращение между сибирским населением миллион хороших, полезных книг.

Для осуществления этой дорогой и давно лелеяемой мечты я решил за себя и своих наследников, начиная с 1908 года в течение ста лет образовать специальный «капитал для устройства сельских бесплатных библиотек в Сибири». Капитал этот, обращаясь из процентов, имеет через сто лет возрасти до миллиона рублей. На проценты с этого капитала и теперь и в будущем должны устраиваться в селах и деревнях Сибири бесплатные библиотеки и читальни. Причем я желал бы в видах

приближения книги к читателю, чтобы такие библиотеки устраивались в возможно большем числе селений, хотя бы и на первый раз с небольшим числом книг».

«Утешительно думать, что этим путем будет достигнуто то, что хорошая книга будет доступна всем, и на огромном пространстве Сибири, как огоньки в степи, заблестят тысячи библиотек, указывая и освещая нашей Родине путь к светлому будущему» — так закончил отец чтение и, не переводя дух, объяснил: «Мой взнос будет состоять из 5-процентных облигаций займа Томска. Я куплю их на сумму 31 200 рублей. Каждый год в течение десяти лет «Общество» будет получать с процентов от этого капитала 750 рублей. К 1919 году сумма возрастет до 1000 рублей, а через 30 лет ежегодные отчисления «Обществу» будут равняться 1200 рублей».

Отец поднялся из-за стола и, опираясь на палку, взволнованно прошелся по кабинету. Впервые за два последних года глаза его сияли.

Уже в следующем, 1908 году благодаря процентам с облигаций, купленных и переданных Городской управе, «Общество» имело на своем счету 1121 рубль 73 копейки. Причем отец особенно гордился тем, что 188 рублей от этой суммы получено было от крестьян шести сел и деревень «на устройство библиотек».

Этот эпизод с крестьянскими рублями отец включил в свой доклад, который назвал так: «Об обществе сельских библиотек, его задачах и результатах, достигнутых за восемь лет существования «Общества». Доклад предназначался для ежегодного собрания книгопродавцев в Петрограде. Елизавете Петровне посчастливилось присутствовать на этом собрании.

Высокий, быстрый в движениях, с развевающейся седой бородой, отец говорил ясно и четко, почти не заглядывая в свои записи. В конце выступления он обратился к сидящим в зале:

— Я уверен, что большинство моих товарищей по профессии одушевлены желанием, чтобы просвещение на нашей родине развивалось как можно шире и, что они всегда готовы принести на это дело посильные жертвы. Я бы очень просил их эти свои жертвы принести прежде всего на дело просвещения забытой Сибири, населявшейся ранее для спокойствия Европейской России преступным элементом, а теперь для благосостояния той же Европейской России — обездоленными элементами.

Просимая мною помочь могла бы выразиться со стороны господ книгопродавцев и издателей в таком виде и в такой форме: со всех платежей, какие будут следовать им за отпущенные ими для моего книжного магазина в городе Томске книги, позволить мне удерживать в пользу «Общества» — за книги собственных изданий 5 процентов с платежей, за книги, находящиеся у них на складе — 1 процент или хотя бы 0,5 процента.

Все пожертвования, в какой бы сумме они ни выразились, будут приняты «Обществом» с глубокой благодарностью, а сочувствие и отклик на мою настоящую просьбу моих товарищей по профессии послужит мне нравственной поддержкой в деле распространения книг в Сибири, вместе с тем и делу просвещения на далекой окраине нашего общего дорогого Отечества.

Отец закончил, поклонился присутствующим и, опираясь на палку, медленно пошел на свое место. Минуту стояла тишина, а потом, словно опомнившись, зал разразился аплодисментами.

Но самой большой наградой в тот день было

для отца постановление Правления Русского Общества Книгопродавцев и Издателей, которое зачитал председатель собрания:

«Заслушав сообщение П. И. Макушина и выразив Петру Ивановичу за это сообщение свою глубокую благодарность, Правление от всей души приветствовало Петра Ивановича за его великую и бескорыстную деятельность на пользу культурного развития далекой Сибири и заявило, что оно гордится сознанием того, что мысль и осуществление настоящей задачи всецело принадлежит книгопродавцу-издателю, и постановило оказать полное свое содействие к осуществлению просьбы П. И. Макушина о привлечении пожертвований на устройство библиотек-читален путем напечатания в «Книжном вестнике» настоящего его сообщения и открытия в журнале особого отдела для помещения в нем фирм в лиц, кои пожелают откликнуться на призывы Петра Ивановича и со своей стороны всячески пропагандировать идею Макушина».

Потом слово попросил В. П. Вахтеров, известный издатель и педагог. Он высказал мысль о том, чтобы при Русском Обществе Книгопродавцев и Издателей учредить особый комитет содействия открытию сельских библиотек на территории всей империи.

И пусть эта мечта Вахтерова осталась только мечтой, но отец не раз в своих рассказах возвращался к этому факту. Он говорил, что пример сибиряков заразил всю Россию.

Но, пожалуй, самое главное оказалось то, что обращение отца к книгопродавцам и издателям принесло «Обществу» ощутимую поддержку. Только книг было получено от издателей 20 тыс. экземпляров. А сумма отчислений 5 процентов в

пользу народных библиотек за восемь лет составила семь тысяч рублей. К ней надо прибавить три тысячи, которые одновременно пожертвовали И. Д. Сытин⁹, А. Я. Панафидина¹⁰ и В. П. Вахтеров. Единственный книгоиздатель, который не нашел возможным оказать помощь «Обществу» ни книгами, ни деньгами, был В. В. Думнов.

Но отца всегда согревало отношение самих крестьян к устройству библиотек. Обычно после уборки хлебов заведующий библиотекой объезжал в кошеве несколько сел и деревень. Сбор пожертвованных «на библиотеку» принимался зерном, яйцами, маслом и другими продуктами. Собранное сдавалось в мелкую лавку, а вырученные деньги отправлялись на покупку книг.

Последнюю сводку по народным бесплатным сельским библиотекам-читальням Елизавета Петровна подготовила для отца в 1919 году. К тому времени в Томской губернии было учреждено 600 библиотек. Книжный фонд этих библиотек составлял 300 тыс. экземпляров. На их устройство, поддержание и пополнение было израсходовано более ста тысяч рублей. Но самой значительной для отца стала цифра — 50 тыс. . Он дважды подчеркнул ее красным карандашом и подписал: «Подумать только! Пятьдесят тысяч крестьян читают книги! Да только ради этого стоило жить!»

ГАЗЕТА — ПРОКУРОР И ЦЕНЗОР ПРАВОВ

В тот год лето стояло ненастное. Бывали недели, когда дождь не прекращался круглые сутки. Улицы города утопали в грязи, пройти или проехать было трудно. А тут еще одно не очень радостное для томичей событие: в окрестностях Томс-

ка появился медведь. За короткий срок он задрал нескольких крестьянских лошадей. Об этом сообщила газета «Сибирская жизнь». Она призывала местных охотников покончить с нарушителем спокойствия.

Через неделю «Сибирская жизнь» вновь поместила заметку о проделках медведя, который бесстрашно приближался к городу. Газета шутливо предупреждала, что, если не найдется смельчака, то скоро медведь пожалует в город и передушит трусливых охотников.

Вице-губернатор Томска счел заметки весьма опасными. Он сообщил о них министру внутренних дел Плеве, который в это время по служебным делам находился в Томске.

Шел 1903 год. Россия жила в преддверии революционных событий. Не отставали и студенты Томского университета. Ежедневно по городской почте министр получал пачку прокламаций, а также писем, разоблачавших существующие порядки. Догадка вице-губернатора о «медвежьих заметках» показалась Плеве вполне правдоподобной: медведь — министр, охотники — местные революционеры, призыв расправиться с медведем — намек на террористический акт.

Немедленно полицейский был послан за редактором газеты Макушиным с приказом срочно явиться к министру. Плеве был раздражен:

— Через полчаса я оставляю ваш негостеприимный, противный, грязный город. На прощание я хотел бы сказать вам несколько слов. Мне не нравится ваша газета. Указывая на недостатки, вы не замечаете светлых сторон жизни. Зачем вы обнародовали документ из Красноярска, по которому 5 тыс. рублей, ассигнованные Думой на народное образование, переадресованы на содержание по-

лиции? Впрочем, я задаю бесполезный вопрос. И дураку ясно: этим сообщением вы хотите сказать — вот какое у нас мракобесное правительство.

Макушин возражал:

— Вы навязываете редакции то, чего в газете нет. Там отмечен только факт без всяких объяснений.

Но с министром спорить было трудно. С каждой минутой его тон принимал все более угрожающий оттенок.

— Вы приучили читателя читать между строк. Если мы терпим подобное явление в столичной прессе, то в провинциальной это недопустимо. Кстати, мне известно, что среди ваших сотрудников есть лица, в политическом отношении неблагонадежные... Вы забыли, что ваша первая газета — «Сибирская газета» — была закрыта за вредное направление. Такая же участь постигнет и «Сибирскую жизнь». Не забудьте, что с вами говорит министр внутренних дел, который держит слово.

Поток красноречия Плеве прервал только доклад чиновника о том, что лошади к отъезду поданы...

Петр Иванович вышел на улицу. Дождь поутих. Но было не по-летнему зябко. Он невольно прибавил шагу, радуясь, что дорога домой неблизкая; в пути ему всегда хорошо думается. А подумать было о чем. Вот, помянул сегодня Плеве «Сибирскую газету», и как будто на большую мозоль наступил.

Решение издавать газету пришло в восьмидесятом году. Памятный это был год. После взрыва в Зимнем дворце, во главе внутренней политики страны встал Лорис-Меликов, бывший харьковский генерал-губернатор. Армянин по национальности, он обладал той природной восточной гибкостью, которая помогла ему, действуя энергично, в

то же самое время властью своей пользоваться умеренно. Общество ждало перемен. И они следовали. В университеты стали возвращаться студенты, исключенные по ничтожным поводам или вовсе без повода. Было демонстративно упразднено пресловутое «Третье отделение». Правда, многие поговаривали, что это учреждение лишь переименовало вывеску. И наконец, освобождение политических ссыльных, упрятанных в Сибирь. Сколько вокруг этого было шума, сколько разговоров. На поверку из 176 политических в Россию вернули всего семерых. И все-таки создание Верховной распорядительной комиссии посеяло некоторые иллюзии в отношении возможности скорой конституции.

В такой ситуации остро чувствовалось отсутствие печатного органа, который явился бы рупором общественного мнения в самом Томске и губернии. Масла в огонь подлил А. В. Адрианов, сотрудник иркутской газеты «Сибирь»². Он прибыл в Томск летом восьмидесятого года с особой миссией: подготовить почву для перевода в Томск из Иркутска единственной на всю Сибирь частной газеты «Сибирь». Уже не один год газета находилась в затруднительном положении: не было материальных средств, донимала цензура.

В задней комнатке «Сибирского книжного магазина» по случаю приезда Адрианова собралась целая компания. Пришли А. И. Ефимов, преподаватель реального училища, И. Г. Муромов, бухгалтер Томского отделения госбанка, чиновник А. В. Войцеховский, из политических ссыльных. Предложение Адрианова о переводе газеты «Сибирь» в Томск принято не было. Говорили о том, что у этой газеты в глазах официальных властей плохая слава. Цензура не оставит издание в покое и на новом месте. Разумнее попытаться открыть новую газету.

Разумеется, для сотрудничества в ней будут привлечены лучшие «перья» иркутской «Сибири». Были названы в первую очередь имена Г. Н. Потанина, Н. М. Ядринцева, И. В. Оммулевского.

Да, на этих людей можно полагаться! Сорокапятилетний Потанин, путешественник, географ, этнограф, известен всей России. Еще в начале шестидесятых годов он вместе с К. В. Струве совершил обследование района озера Зайсан, сделал блестящее научное описание этого путешествия. А его экспедиция в Монголию! Публикации на эту тему привлекали всю читающую Россию. Иметь такое «перо» — честь для любой газеты.

То же самое и Н. М. Ядринцев, писатель с именем. Впервые пострадал за Сибирь двадцатитрехлетним. Был осужден по делу о так называемом «сибирском сепаратизме». Три года отсидел в тюрьме, потом шесть лет ссылки. Итогом выстраданного стала книга «Русская община в тюрьме и ссылке». Его публикации в периодической печати — всегда событие. Ядринцева почитают, к нему прислушиваются. Так же как и к поэту И. В. Оммулевскому, вечному страдальцу за народные беды. Муза Оммулевского сродни некрасовской.

В работе редакции предполагаемой газеты просили принять участие и Адрианова, журналиста с большим опытом. Учитывая его материальное положение, предложили оклад — 25 рублей в месяц, при условии, что он возьмет на себя заведование Сибирским отделом, секретарство и корректуру.

Ответственным редактором согласился быть А.И. Ефимов, человек, с точки зрения властей, политически благонадежный. В редакцию вошли И.Г. Муромов, А. В. Войцеховский, А. В. Адрианов.

Наметили периодичность выхода газеты — один раз в неделю. Подписная цена — 6 рублей в год.

Тогда же газете дали название — «Сибирская газета». Было составлено на имя губернатора прошение о разрешении издавать газету, с приложением ее будущей программы.

Губернатор Мерцалов прошение поддержал. Он, видимо, давно мечтал иметь в губернии послушный орган печати.

Через полгода, после подачи прошения, в феврале 1881 года пришло, наконец, разрешение из Петербурга.

1 марта 1881 года вышел первый номер газеты. Свое кредо редакция так сформулировала в передовой статье: «Непрерывно наблюдать движение местной жизни, возбуждать к ее нуждам внимание и интерес местного общества, указывать в ней такие стороны, над которыми с любовью могли бы работать молодые силы. Способствовать проявлению на месте самостоятельной умственной жизни». Газета обещала своим читателям заботиться о народном просвещении, освещать на страницах положение сибирского крестьянства и инородцев, прикладывать силы для скорейшей перестройки старого, дореформенного порядка.

Выход первого номера «Сибирской газеты» совпал с убийством в Петербурге царя Александра II. По этому случаю жандармский полковник Александров дал распоряжение произвести секретное расследование: не было ли в редакции уговора ознаменовать цареубийство выпуском первого номера.

Второй номер вышел в траурном обрамлении по случаю смерти императора. Кроме публикации официальных материалов, «Сибирская газета» не прибавила ни слова от редакции.

В пятом номере была опубликована телеграмма из Петербурга о суде над первомайцами. Официально обнародовано: «Сегодня, в седьмом

часу утра, суд объявил следующую резолюцию: «Желябова, Михайлова, Рысакова, Кибальчича, Гельфман, Перовскую предать смертной казни через повешение». В номере одиннадцатом предполагалось поместить материалы об этом политическом процессе. Но цензор почти наполовину вырезал и исправил даже правительственные материалы. Редакция в знак протеста против произвола цензора выпустила номер с пробелами зачеркнутого цензором текста. Все 1200 экземпляров власти распорядились конфисковать.

Но редакция «Сибирской газеты» не сдавалась. Объявления о конфискации номера были отпечатаны в типографии и расклеены по городу. Кроме того, следующий номер вышел в увеличенном объеме. Более половины его занимали материалы о суде над первомартовцами. Газеты либерального направления «Голос»³, «Порядок»⁴, «Новое время»⁵, «Страна»⁶ напечатали текст жалобы, которую издатели «Сибирской газеты» направили лично министру внутренних дел в Петербург. В своей публикации о конфликте томской газеты с властями «Страна» отмечала, что, «несмотря на преследования, «Сибирская газета» устояла и осталась на должной высоте».

Откликнулся и официальный Петербург. В ответ на жалобу издателей последовало разъяснение: «Выпуск газеты с пробелами означает неподчинение цензору и не может быть терпим».

«Сибирская газета» продолжает упорствовать. Как известно, казнь Гельфман была отложена из-за предполагаемого рождения ребенка. Судьба молодой матери волновала общественность. 26 июля 1881 года «Сибирская газета» напечатала информацию о свидании какого-то журналиста с Гельфман в Петропавловской крепости.

Уже в первые годы после открытия «Сибирской газеты» один царский чиновник в письме к другому значительному государственному лицу выносит приговор газете. И. Д. Делянов⁷, министр народного просвещения — Д. А. Толстому, министру внутренних дел: «Редакция состоит исключительно из политических ссыльных, и официальный издатель и редактор ее — не более, как необходимые для внешнего существования издания ширмы. Действительные редакторы этого даже не скрывают, печатно явив список сотрудников газеты, в числе которых явно названы политические ссыльные».

«Со времени издания газеты я очутился под негласным надзором полиции. Моя квартира, где первые два года помещалась редакция, прослыла «очагом революции», — вспоминал впоследствии Макушин.

В самом деле, не нужно было быть особенно прозорливым, чтобы, прочитав несколько номеров «Сибирской газеты», понять, чьими руками она делается. Публикуемые материалы говорили сами за себя. Вот, например, заметка «Стачка приисковых рабочих»: «Вверх по Ушайке, в верстах 400 от Томска находится вновь открытый прииск Чеснокова, на котором имеется около 30 рабочих, 3 лошади и 2 бутарки. 5 августа на этом прииске произошла стачка рабочих, вызванная нынешним управляющим Кондратьевым, который стал задавать рабочим уроки вдвое больше, чем прежний управляющий, заключать с рабочими выгодные для себя контракты, наконец, бесчеловечно обращался с ними... В начале стачки возник сам собой вопрос, «устойт ли артель», т. е. не сробеет ли перед начальством, которое, конечно, придет на прииск, и будет ли дружно требовать удаления управляющего с его двойными уроками».

Из Балаганска на страницы «Сибирской газеты» попала такая история: «Канун Троицы ознаменовался в нашей тюрьме не совсем обыкновенным событием. Вновь прибывший недавно смотритель острога задался целью воспитать в своих питомцах чувство отвращения к беспорядочной жизни, приводящей к тюрьме. Достигнуть этого он решился посредством некоторых изменений в тюремной жизни. Голод, холод, сырость, ужасная грязь — в глазах смотрителя суть средства, способные вывести арестантов на путь истинный... Накануне Троицына дня арестанты кинулись на смотрителя и избili его. Тогда смотритель прибегает к помощи исправника, и этот последний вместе с секретарем управы решает огласки делу не давать, а с бунтовщиками расправиться по свойски: устроить жестокую порку без разбора. И прекрасно вышло».

Из Красноярска пришло коротенькое сообщение: «При нашей городской больнице открыто родовспомогательное заведение и при нем школа с двухгодичным курсом для сельских повивальных бабок, а также воспитываются здесь дети, которых не пожелали взять с собой матери по выходе из заведения. В 1882 году в заведении было 68 детей, из них 25 взяли матери с собой, а 43 оставлены, из этих 43 умерло 39, а в живых четверо».

Но газета занималась не только специальными общесибирскими вопросами. Она смело обращала внимание на ненормальное положение наряду с метрополией Сибири, которая наполняется, с одной стороны, штрафным населением, отбросами общества со всей России, а с другой — добровольно приезжающими сюда «благодетелями» из немцев, чиновниками и т. д., лицами, привлеченными какими-либо корыстными видами... Наша обиль-

ная и богатая страна с древнейших времен сделалась предметом усердного расхищения и несет на себе следы этого растлевающего влияния», — смело заявляла «Сибирская газета».

Не удивительно, что чиновник Главного управления по делам печати отмечал в те годы: «Сибирская газета» проявила стремление действовать раздражительно на общественное мнение».

Макушина предупредили, чтобы он поменял направление своего издания. Осенью 1883 года он передает право на издание газеты А. В. Адрианову.

Была в газете постоянная рубрика «Известия из России». Обычно издатели не комментировали сообщения. Но предлагаемые читателям тексты говорили сами за себя. Так, в сообщении из г. Рыбинска значилось:

«На днях в окрестностях Рыбинска сожгли прекрасную усадебную постройку генерала П., недавно тут поселившегося. Уже ранее было несколько попыток сжечь имение, но они проходили бесследно. Злоумышленники воспользовались на этот раз отсутствием старичка-хозяина из имения. Поджог объясняют мезтью крестьян, которым приходилось платить частые штрафы за поправы скотом травы и посевов владельца и вообще с ним не ладивших. Сгоревшие постройки стоили около 30 тыс. рублей».

В перепечатке из «Саратовского листка» сообщалось о том, что рязанское губернское земство учреждает 12 стипендий по 300 руб. каждая для содержания в университетах и других высших учебных заведениях своих стипендиатов. Далее из приведенной информации редакция «Сибирской газеты» выделяет следующее: «Крестьяне являются главнейшими вкладчиками земского собора, как и главнейшими вкладчиками в государственный доход, поэтому надо надеяться, что земские

стипендии не обойдут юношества из крестьян, так как по преимуществу на их деньги содержатся все высшие и средние учебные заведения, а образованием в них тоже по преимуществу пользуются дети привилегированных сословий. Сделать что-нибудь уравнительное — не более, как поступить справедливо».

Из «Русского курьера» перепечатано следующее:

«Высочайшим повелением 5 июля 1884 года изъяты из обращения в библиотеках и общественных читальнях 125 сочинений разных авторов русских и иностранных, а также следующие журналы: «Современник», «Русское слово», «Знание»⁸, «Слово»⁹, «Русская мысль»¹⁰, «Отечественные записки», «Дело»¹¹, «Устой». Сочинения Добролюбова, Писарева, Михайлова, Златовратского — также изъяты из употребления».

В начале 1884 года умер талантливый поэт И. В. Федоров (Омулевский). По всей Сибири была объявлена подписка в пользу оставшейся без средств семьи Омулевского. В марте на страницах «Сибирской газеты» появилась заметка: «Польская газета «Край» собрала в пользу семьи нашего поэта до 12 февраля 1884 года 545 рублей, Иркутск, еще до объявления подписки — несколько сот. А черствый, помешанный на наживе Томск, несмотря на давно открытую подписку, дал, стыдно сказать, — 36 рублей 30 копеек. Здесь грош дорог, здесь за грош продадут что угодно — честь, совесть, человека. Здесь-то и благотворительность проявляется в том случае, если за отданный рубль имеется в виду сорвать четыре. Сибирь может гордиться, что не имеет более городов, подобных Томску, этому бездушному мешку с деньгами, сердце которого жалеет медный пятак».

В следующем номере газеты редакция оповещала своих читателей: «В пятницу Дума постановила возбудить против нашей газеты судебное преследование; на этот раз за оскорбление всего города Томска, выражением, что у горожан вместо сердца — медные пятаки... Из 35 гласных 28 высказались за преследование, 7 — против». Далее газета писала о Думе: «Ее война с единственным местным органом печати, ее слепая и безотчетная ненависть к свободному печатному слову слишком характерны и назидательны. Дума — опекательница «общественных интересов» считает своим долгом зажимать рот газете, с лихорадочной энергией и торопливостью направляет все свои усилия к подавлению печатного слова. Это ли не многозначительный факт?»

В этой резкой отповеди Думе опытный читатель газеты сразу узнал руку Ф. В. Волховского. Политический ссыльный Волховский был известен среди народников как организатор сборника «Из-за решетки», который вышел в Женеве в 1877 году. Он также был одним из авторов «Завещания товарищам по убеждению». Его знали и как своеобразного поэта-песенника: он успешно переделывал в революционном духе известные народные песни.

Большой удачей для «Сибирской газеты» было то обстоятельство, что в августе 1882 года местом ссылки Волховскому власти определили Томск. Почти два года он был единственным политическим ссыльным, имеющим опыт журналистской работы. Он писал по проблемам экономического развития Сибири, поднимал вопросы культуры края, освещал проблемы политической каторги и ссылки остро и смело, несмотря на страшное время.

В первые годы царствования Александра III стали исчезать последние следы свободы печати.

Были закрыты издания: «Порядок», «Молва»¹², «Голос». В 1884 году по докладу начальника Управления по делам печати Феохтистова правительственным постановлением был закрыт журнал «Отечественные записки». И все-таки «Сибирская газета» твердо придерживалась того принципа, «чтобы в пределах цензурных возможностей разоблачать действия местной администрации: злоупотребления, хищнические проделки, и при этом ни коим образом не расхваливать редких и приличных администраторов, дабы афишированием исключений не вводить в заблуждение читателей и не сбивать с правильной точки зрения». Эти слова принадлежат С. Л. Чудновскому¹³, одному из активных сотрудников «Сибирской газеты», начиная с 1884 года. К моменту высылки в Томск у Чудновского за плечами уже было четыре года одиночки и семь лет каторги. Он проходил по нескольким политическим процессам.

Почти в одно время с Чудновским в Томске оказались А. И. Иванчин-Писарев¹⁴, П. А. Голубев, К. М. Станюкович. Все они в свое время являлись сотрудниками «Отечественных записок», «Дела» и других прогрессивных изданий. В эти годы «Сибирская газета» являлась для них одной из главных легальных трибун.

Но официальные власти не дремали. Томские жандармы в феврале 1884 года доносили в Петербург, что газета «стремится доказать несостоятельность существующего строя». В декабре того же года: «Сибирская газета» вновь начинает обнаруживать вредное направление».

Еще раньше «вредное» направление газеты стало раздражать губернатора Мерцалова. Того самого Мерцалова, который подписал прошение об открытии газеты в 1880 году.

В своем ежегодном отчете императору Мерцалов аттестовал «Сибирскую газету» как орган крайне вредный по своему антиправительственному направлению. Этот отчет для брошюровки был отдан в переплетную Макушина. Познакомившись с отзывом губернатора, Макушин забил тревогу. В Петербург полетело личное письмо к крупному чиновнику Деспот-Зеновичу¹⁵ с просьбой заступиться за газету. Велико же было изумление Макушина, когда в ответ на эту просьбу он получил телеграмму от секретаря Деспот-Зеновича: «Успокойтесь, не читает».

Казалось, гроза прошла. Но губернатор не унимался. Чтобы как-то уменьшить число читателей «Сибирской газеты», Мерцалов придумал издавать «Неофициальное приложение к Губернским ведомостям». Это издание тоже включилось в травлю «Сибирской газеты». К местной печати присоединились и «Московские ведомости».

Консервативно-монархическая газета проводила взгляды наиболее реакционных слоев помещиков и духовенства. Ее редактор Катков считал своим долгом наблюдать за врагами России и разоблачать их козни.

Война двух печатных изданий — «Сибирской газеты» и «Московских ведомостей»¹⁶ шла не один год.

«Сибирская газета» попала в руки поляков, сосланных в 1863 году, и анархистов, ссылавшихся в Сибирь в течение семидесятых годов. Можно представить, какова должна быть ее политическая программа», — восклицает Катков со страниц «Московских ведомостей» — и далее продолжает свой политический донос:

«Перед нами лежит коллекция номеров «Сибирской газеты» за последние месяцы. Нет ни од-

ного номера, в котором так или иначе с большей или меньшей откровенностью не сквозила бы эта программа. И все это написано тем самым стилем, каким писалась у нас газетная и журнальная дребедень шестидесятых годов. Вот отрывок:

«Реформы Александра II не только уместны и возможны в Сибири, не только разовьют идеи общественно-экономической солидарности и альтруистические чувства, живые еще в сибирском крестьянине, но даже в эти учреждения, которые в Сибири неизбежно должны сделаться мужицкими, сибирский мужик сумеет влить многое из своей общинной альтруистической жизни и сделать их живыми и светлыми осуществлениями истых человеческих идеалов».

Дело в том, что «честные люди», как сибирская пресса величает свою клику, должны прежде всего бороться против «капитализма» и вообще против всякого рода эксплуататоров, к которым причисляются не только купцы и заводчики, но и лица правительственной администрации, называемые здесь запросто «помпадурами», и лица духовного звания, изображаемые в лице отца Иоанна «Вкарманокладенного». Даже сами цензоры, одоббившие эту милую искру ссыльного остроумия, поднимаются на смех в игривых стихках («Дивлюсь я только цензорам, что так свободно пропускают!»).

«Сибирская газета» не остается в долгу. В одном из номеров под рубрикой «Известия из России» она помещает такой текст: «Московские ведомости» рисуют мрачную картину, которую представляет собой русская торговля и промышленность. Склады фабрикантов переполнены товарами и, несмотря на повсеместное теперь сокращение производства, не скоро предвидится возможность опростать эти склады, пустить в про-

дажу заготовленные товары, т. к. низкие цены на хлеб, едва окупающие стоимость производства, не подают надежды, чтобы у главного потребителя наших товаров — сельского люда, — оказалось достаточно средств на покупку в значительном количестве предметов заводской и фабричной промышленности. Жалко только, что «Московские ведомости» поздно принялись за рисовку мрачной картины застоя торговли и промышленного кризиса; не «тяжкие дни», а тяжкие годы тянется в России промышленно-торговый кризис, и конца-края не видно ему в грядущем. Вот, если бы «Московские ведомости» разъяснили причины этих домашних бедствий и предложили бы пути для выхода из них, было бы весьма недурно».

«Московские ведомости» не унимаются. Каждый номер «Сибирской газеты» внимательно изучался в течение всего 1885 года. Наконец, пришел час.

В конце января 1886 года в уютном небольшом домике на Юрточной горе, в Затеевском переулке, собрались сотрудники «Сибирской газеты» Ф. В. Волховский, Л. С. Чудновский, А. И. Иванчин-Писарев, ссыльный публицист. Гостей принимал хозяин дома, известный писатель Константин Михайлович Станюкович, редактор столичного журнала «Дело»; вместе с женой и двумя дочерьми он прибыл в Томск отбывать административную ссылку. Вскоре Станюкович становится своим человеком в редакции «Сибирской газеты». К нему идут за советом, его мнением дорожат, к нему прислушиваются.

Вот и сегодня в руках Станюковича очередной номер «Московских ведомостей». Одна из статей отчеркнута красным карандашом.

— Что ж, господа, послушаем, как Москва аттестует «Сибирскую газету».

Станюкович подвигает поближе к себе настольную лампу и, щуря близорукие глаза, читает: «Оказалось, что под маской местного патриотизма прячутся наши старые знакомые — нигилисты и социалисты». Слова Станюковича тонут в одобрительном гуле. Возвышая голос, он продолжает: «И пошли разговоры о вреде капиталистического производства, которое именуется позорным, о необходимости для капиталистов уступить предприятия своим рабочим, так как капитализм создается трудом их».

— Серьезное обвинение, господа, — пряча улыбку, говорит Станюкович. — Но есть и похлеще: «И вот эти сотрудники Каракозова, жида, провозившие прокламации, героини фиктивных браков, поляки и прочий сброд, отличившийся в политических смутах, совершенно свободно начинает свою проповедь».

— А это уж, видимо, персонально к вам, Соломон Лазаревич, — обратился Станюкович к Чудновскому. — «Передавали, что преступники, сосланные за хождение в народ и рассылку возмутительных прокламаций, разъезжали здесь, по губернии, на обывательских лошадях и собирали статистические сведения по деревням и что этим преступникам очень влиятельные лица в городе старались доставить казенные места. Можно представить, как хохотали эти господа над простодушием наших администраторов и какую статистику они проповедовали по деревням».

— Ну, шельмец, все про нас знает, — сдержанно улыбнулся Чудновский, а Станюкович читал дальше:

«Сильную поддержку находят они в городском управлении, в котором главное действующее лицо — поляк, сосланный за бунт 1863 года. Ловкий и

льстивый, он сумел войти в доверие к богатому купцу, у которого состоит приказчиком, и когда тот сделался заправителем городских дел, польский патриот немедленно стал у кормила городского самоуправления. Последствия этого не замедлили проявиться. Польский патриот и сибирский торговый либерал нашли, что не нужно отпускать полиции тех прибавочных денег, которые Дума назначила шесть лет назад, и оставили полицию на сухарях, то есть на жалованье, установленном тридцать лет назад...»

— Нет, нет, вы только послушайте, как лихо заканчивается этот абзац, просто завидки берут: «Казалось бы, необходимо вполне обеспечить содержание полиции без спроса о том бывших бунтарей и либеральных мясников», — закончил Станюкович и отложил газету.

— И все-таки огонь по отдельным личностям — пустяки по сравнению вот с этим, — сказал Станюкович, снова возвращаясь к газетной странице: — «Кружок политических ссыльных постоянно старается вербовать молодежь. Революционные кадры уже готовы. Ожидается только прибытие новобранцев в виде томских студентов, а может быть, и профессоров».

— Да, — согласился весь вечер молчавший Чудновский, — это утверждение накануне открытия университета может стоить нам газеты.

— Положим, до открытия университета еще года два, а может, и три, — вмешался Иванчин-Писарев. — Вот и воспользуемся этим обстоятельством, пока, как говорится — «цензора свободно пропускают». Как это у Волховского в стихах?»

Волховский встрепенулся: «Да вот-с, «Сибирская газета».

Газеты в мире нет вредней,
Все обличенья только в ней.
Не защитят ни чин, ни лета.
Сепаратизм какой-то там;
Чернят исправников безбожно,
Ну, словом, направленье ложно,
Дивлюсь я только цензорам,
Что так свободно пропускают!

— Стихи — стихами, а не приняться ли нам за роман? Разумеется, сатирический. Из местной жизни. У меня, признаться, уже есть кое-какие заготовки, — весело сказал Станюкович. — Особенно живописен губернатор. И фамилия на редкость удачная: Ржевский-Пряник.

— Вот порадовал, Константин Михайлович, — живо отозвался Чудновский. — Полгода в Томске, в местах не столь отдаленных, а уже сердцем принял наши заботы.

— Как, как вы сказали? — взволнованно произнес Станюкович, — «В местах не столь отдаленных»... А что, вот и заголовок моего романа — «Не столь отдаленные места».

Первая глава романа Станюковича «Не столь отдаленные места» была напечатана 7 сентября 1886 года в 36-м номере «Сибирской газеты». Она была подписана вымышленной фамилией — Н. Томский. Ссылный писатель по цензурным соображениям вынужден был скрывать свое авторство.

С небольшими перерывами роман шел на страницах «Сибирской газеты» 1886, 1887 и часть 1888 года. Яркая, правдивая картина общественной жизни сибирского города развертывалась перед читателями. Во многих действующих лицах узнавались реально существовавшие томичи. Так, под именем недалекого губернатора Ржевского-Пря-

ника угадывался губернатор Красовский. Ссылный делец Сикорский напоминал сосланного за уголовные преступления адвоката Корша. В редакторе местной грязенькой газетенки, скандалисте и пьянице Пеклеванном читатели видели присяжного поверенного Картамышева, издателя «Сибирского вестника».

Между прочим, «Сибирский вестник» стал выходить с 1885 года по подсказке губернатора Красовского. Цель этого издания, как когда-то «Неофициального приложения к Губернским ведомостям», — нейтрализовать действия «Сибирской газеты».

С публикацией романа читателей у «Сибирской газеты» только прибавилось. Правда, многие отмечали не очень высокое художественное качество нового произведения Станюковича. Этому было свое оправдание. «Станюкович увлекся работой над морскими рассказами, а роман «Не столь отдаленные места» ушел на второй план. Не удивительно, что работа второпях приводила иногда к комическим инцидентам: рыжеволосый персонаж в одной главе оказывался брюнетом — в другой, или появлялся под другим именем. Правда, чаще всего такие «блохи» вылавливались еще в рукописи, и автор усаживался за переделку. Возможно, следы поспешности, которую в первую очередь чувствовал сам Станюкович, заставили редакцию «Сибирской газеты» в марте 1888 года снять рубрику «роман» и поставить «фельетон».

Но томские читатели так и не увидели конца романа на страницах «Сибирской газеты». В начале июля 1888 года попечитель Западно-Сибирского учебного округа Флоринский¹⁷ отправил в Петербург секретную телеграмму. Смысл ее заключался в том, что влияние «Сибирской газеты» чрезвычайно велико и есть уверенность, что с открытием

высшего учебного заведения молодежь подвергнется опасности воспринимать оппозиционные, граничащие с революционностью взгляды редакции этого органа. Поэтому он, Флоринский, не может ручаться за спокойное течение академической жизни, если «Сибирская газета» не будет закрыта.

В день открытия университета, 22 июля 1888 года, выяснилось, что среди местных обществ и организаций только одна редакция «Сибирской газеты» не получила приглашения на открытие университета. Это известие произвело удручающее впечатление на всех членов редакции. Но более всего был поражен писатель Глеб Успенский, находившийся в это время в Томске. Свидетели этого происшествия вспоминают: «Сначала он отказывался верить сообщению, и, волнуясь, говорил:

«Нет, это невозможно, тут какое-то недоразумение! Это нужно разъяснить... Я не допускаю такого отношения к органу печати со стороны представителя ведомства просвещения».

Успенского едва отговорили от поездки к Флоринскому, чтобы хлопотать за редакцию. Разумеется, о секретной телеграмме никто ничего не знал, но все догадывались, что Флоринский затеял что-то очень серьезное.

Ответ из Петербурга на телеграмму Флоринского по счастливой случайности задержался, и номер «Сибирской газеты» за 22 июля еще успел выйти. Он был целиком посвящен открытию университета. Но все-таки украшением этого номера был очерк писателя Н. Наумова «Сцены из жизни темного люда (выдержка из дневника)», посвященный теме ограбления народа кулаками. Здесь же, в рубрике «Замечательные сибиряки», была напечатана статья Г. Успенского о сибирском писателе А. П. Щапове.

Телеграфное постановление Министерства внутренних дел пришло из столицы в Томск через три дня после открытия университета. В нем говорилось, что издание «Сибирской газеты» приостанавливается на четыре месяца. Один из активных сотрудников газеты П. А. Голубев впоследствии вспоминал, что, пожалуй, больше всех этим известием был обескуражен Успенский.

Через четыре месяца Флоринский снова телеграфировал в Петербург о том, что «при существовании «Сибирской газеты» он не ручается за спокойствие студентов в Томском университете». Газета была закрыта.

Досадно, но в окончательном решении о закрытии газеты был повинен и Глеб Успенский.

Двухнедельное пребывание Успенского в Томске было связано с изучением положения переселенцев. В те годы, стремясь освободиться от все увеличивающейся массы обезземеленного и голодного крестьянства, царское правительство широко рекламировало и поощряло переселение крестьян в Сибирь. В Томской губернии положение переселенцев было особенно безотрадным. «Переселенец терпит и от местного плутоватого обывателя, терпит от незнания местных условий жизни и всевозможных местных особенностей хозяйства», — писал Успенский в своих «Письмах с дороги».

Для своих «Писем с дороги» писатель частично пользовался материалами «Сибирской газеты», периодически печатавшей корреспонденции и очерки по переселенческому движению. В одном из своих очерков Успенский указывал на неточность и путаницу в сообщениях газеты по этому вопросу. Реакционная печать тотчас же ухватилась за эти слова Успенского. В «Гражданине»¹⁸ появилась статья, в которой со ссылкой на заме-

чания Успенского, делалась попытка дискредитировать всю сибирскую печать, якобы искажавшую факты в угоду «местным сибирским интересам, в ущерб интересам общероссийским».

Непримиримый враг «Сибирской газеты» — «Сибирский вестник» открыл целую кампанию против «Сибирской газеты», воспользовавшись именем Глеба Успенского.

Было ясно, что нападки реакционной прессы на «Сибирскую газету» направлены на то, чтобы окончательно снять вопрос о возобновлении газеты, приостановленной на четыре месяца. И все-таки «Сибирская газета» не сдавалась. Не имея возможности ответить на обвинения на своих страницах, она поместила опровержение в «Восточном обозрении»¹⁹ 13 ноября 1888 года. Статья была написана секретарем редакции Иванчиным-Писаревым за подписью «Читатель» и называлась «По поводу писем о Сибири» Г. И. Успенского (письмо из Томска)».

Интересно, что, готовя «Письма с дороги» для собрания своих сочинений, Успенский учел возражения «Читателя» по поводу письма из Томска.

В начале 1889 года Макушина принял попечитель Западно-Сибирского учебного округа Флоринский. Закончив деловой разговор, он с иронией обратился к Макушину:

— Что ваша «Сибирская газета»? Я все-таки вбил ей осиновый кол. Теперь не воскреснет... — К этому он самодовольно прибавил: — Город Томск должен поставить мне памятник не за то, что я открыл университет, а за то, что я избавил его от социалистов, этой моровой чумы.

Макушин сдержанно ответил:

— По нашим верованиям и добрые, и худые живут надеждой на воскрешение.

«Фельетоны газеты были персидским порошком для сибирских помпадуров и Тит Титычей. Преступное направление газеты колебало «устой» сибирской жизни. Слышался предутренный голос проснувшегося петуха... Нетопыри и совы, не выносившие дневного света, забили тревогу и задушили газету», — напишет впоследствии Макушин в своей статье «Газетно-издательская деятельность во время царизма» — и добавит: «надежда на издание новой газеты не покидала меня ни на один день».

Помог случай. В 1893 году Томск посетил князь Г. С. Голицын²⁰. В одной из бесед с губернатором Г. А. Тобизеном он выразил желание познакомиться с Макушиным, о просветительской деятельности которого был наслышан давно. Знакомство состоялось. На прощание Голицын сказал: «Если у вас будет какое-нибудь дело в Петербурге, обращайтесь ко мне, я к вашим услугам».

Слова породили надежду. В тот вечер Макушин принялся за новую программу «Сибирской газеты». В марте следующего года с листами программы был уже в Петербурге. Первый визит — в Совет по делам печати. Чиновник, принявший его, заявил твердо: разрешение на издание «Сибирской газеты» не будет дано. Вот тогда-то и настал час воспользоваться приглашением князя Голицына.

Голицын встретил радушно. Расспрашивал о томских делах обстоятельно, неторопливо. При сообщении о планах на издание «Сибирской газеты» покачал головой: «А вы все за свое, Петр Иванович». Но записку к новому начальнику Главного управления по делам печати Е. М. Феоктистову все-таки написал.

В тот же день Макушину передали распоряжение Феоктистова на издание..., но не газеты с обыч-

ной программой, а всего лишь «Справочного листка». Пришлось снова беспокоить Голицына.

«После короткого раздумья он поручил мне пригласить к нему губернатора Тобизена, находившегося по делам в Петербурге, и снова зайти к нему через два дня, — сообщал в письме домой Макушин. — Поручение я исполнил. Губернатор по желанию князя навел справки обо мне в отделе тайной полиции и, когда я через два дня явился к Голицыну, то он рассказал мне, что я аттестован как человек, ведущий близкое знакомство со всеми политическими ссыльными, находящимися на территории Томска и в ближайших к Томской губернии местностях. После такой справки, затрудняясь писать что-либо Феоктистову, князь посоветовал мне примириться и взять разрешение на издание «Справочного листка», прибавив к этому в утешение: «лихо загнать клин», программу со временем мы можем расширить, а название газеты изменить. Эти ходатайства ваши будут рассматриваться уже без справок о вашей благонадежности; если не будет возражений со стороны в губернатора, через которого и направляйте ваши бумаги».

Не теряя времени, Макушин подал прошение в Главное управление по делам печати о разрешении издавать в Томске ежедневную газету «Томский справочный листок» по программе: 1) месяцеслов и календарные сведения; 2) правительственные распоряжения; 3) телеграммы северного агентства; 4) местная хроника; 5) отчеты о заседаниях городской Думы, ученых, благотворительных и других местных обществ и судебных мест без обсуждения судебных решений; 6) справочный отдел; 7) библиографические известия; 8) объявления.

30 апреля 1894 года разрешение было получе-

но, а 2 июля 1894 года вышел первый номер «Томского справочного листка». Это была первая в Сибири ежедневная газета. Подписная цена — 2 рубля в год.

2 июля помечена в тетради такая запись: «Задачи газеты — служить по мере сил духовным и материальным нуждам пятидесятитысячного населения Томска, знакомить это население с состоянием и ходом собственного городского хозяйства, отмечать и поддерживать печатным словом светлые явления нашей жизни и порицать недостойное, развивать в обществе интерес к городским общественным делам и укреплять в нем принцип самоуправления. Далее следовала приписка: «Эти цели мирят меня с ограниченностью программы и дают веру в полезность «листка», а также надежду на сочувственный прием вновь народившегося печатного органа со стороны местного населения».

Макушин не ошибся в своих предположениях. Уже к концу первого полугодия число подписчиков нового издания дошло до 1000. Принятие газеты читателями звало к действию. Помня совет Голицына — «вбивать постепенно клин», — Макушин через губернатора Тобизена направляет в Главное управление по делам печати в апреле 1895 года ходатайство о дозволении переименовать газету в «Томский листок» и расширении программы новыми отделами: а) статьи и заметки, имеющие предметом прошлое и настоящее Сибири; б) фельетон; в) корреспонденции; г) критический разбор книг и периодических изданий; д) газетные известия; е) ответы редакции.

Через месяц из Петербурга был получен положительный ответ, с условием, чтобы предназначенные к напечатанию в газете статьи не имели характера передовых статей.

Расширение программы прибавило и читателей. К концу 1895 года тираж газеты определился в 2600 экземпляров. Читательский интерес к газете еще более возрос, когда «Томский листок» превратился в иллюстрированное издание. Получить разрешение иллюстрировать газету удалось, используя момент предстоящей коронации Николая II. В ходатайстве по этому поводу Макушин, привыкший за многие годы издательской деятельности к различным уловкам, писал, что иллюстрации покажут читателям картины торжества коронации и представят портреты членов императорской фамилии.

Положительное решение этого вопроса добавило «Томскому листку» еще почти тысячу читателей. Газета прочно стояла на ногах. Пришел час возбудить перед Главным управлением по делам печати ходатайство о разрешении переименовать «Томский листок» в «Сибирскую жизнь».

А когда согласие было получено, Макушин подал прошение о расширении программы, более соответствующей новому названию газеты. Газета предполагала печатать: 1) статьи по разным вопросам общественной жизни русской и заграничной; 2) статьи и известия научного и практического содержания по разным отраслям; 3) исторические, бытовые и этнографические очерки; 4) повести, рассказы, стихотворения; 5) обзоры событий общественной жизни русской и заграничной.

«Редакция «Томского справочного листка» вначале представлялась мною единолично, — отмечает в своих «Записках» Макушин, — с переименованием газеты в «Томский листок» и расширением программы — постепенно увеличивалась. Когда же «Листок» стал «Сибирской жизнью», в редакцию

входили, кроме меня, мой брат А.И. Макушин — соредактор, А.Н. Шипицын, М.Н. Вознесенский, А.М. Тимофеев, С.С. Синегуб, С.Д. Чадов, Г.Б. Байтов, В.И. Федоров, М.Р. Бейлин. Представители прогрессивной политической мысли нашли в газете орган, через который они могли более или менее откровенно делиться своими чаяниями и мечтаниями о новой жизни, вскрывая общественные язвы, бичуя произвол и насилие».

Свое рождение «Сибирская жизнь» отметила судебным делом. Иркутская судебная палата привлекла редактора-издателя Макушина к обвинению в диффамации. «Диффамация» заключалась в следующем. В номере 29 за 1898 год появилась заметка под заглавием «Как помогал г. Захаров недостаточным студентам». В ней рассказывалось о делопроизводителе Томского горного управления Захарове, который взял на себя заготовку и продажу конторских книг на записку добываемого золота и на записку штрафов с рабочих. Чистую прибыль от продажи Захаров присвоил, вместо того чтобы отчислить эти деньги в пользу недостаточных студентов Томского университета. Ведь именно на таких условиях ему было доверено это дело. Сумма присвоенных Захаровым денег равнялась 400 рублям.

Затем в газете было напечатано «опровержение» Захарова. А далее появился фельетон «Осип Осипович Незеваев». Захаров подал в суд, обвинив автора фельетона Яренского и Макушина в оглашении в печати обстоятельств, «позорящих его честь и достоинство».

Макушин виновным себя не признал, но в результате судебного разбирательства был все-таки приговорен к взысканию денежного штрафа в размере 10 рублей.

Еще один конфликт произошел в «Сибирской жизни» в тот год. На этот раз дело касалось внутриредакционной жизни. В одном из номеров газеты за 1898 год была напечатана критическая статья о церковно-приходских школах. Председатель епархиального училищного совета принес в редакцию свои возражения на критику с просьбой опубликовать их на страницах «Сибирской жизни». Члены редакции были против публикации. Властью издателя и редактора Макушин напечатал «возражения». Несогласные с Макушиным сотрудники подготовили текст протеста, обвинив редактора в деспотизме.

Протест полностью был напечатан на страницах газеты, а рядом — объяснения самого Макушина:

«В течение двадцати лет я являюсь членом епархиального училищного совета. Я хорошо видел недостатки церковно-приходских школ, но что может сделать частное лицо, когда правительство санкционировало их существование. Мое отношение к этим школам было такое же, как отношение в голодные годы к питанию голодающих заплесневевшим хлебом с отрубями и желудями. Лучина дымит, раздражает глаза, засоряет легкие, но сидеть при лучине все-таки лучше, чем в полной тьме. И пока не настанет век электризации, бедняку приходится мириться с лучиной... Невольно приходится мириться с существованием и церковных школ и утешать себя тем, что эти школы дают все-таки умение читать книгу».

В те тяжелые для него дни Макушин записывает в своей тетради: «Терпеть что-либо по необходимости или сочувствовать чему-либо — понятия различные».

В результате возникшего конфликта несколько сотрудников покинули редакцию. Среди них особен-

но жаль было расставаться с самыми молодыми и способными — Шипицыным и Вознесенским, главными агитаторами за бойкот «деспота-редактора».

Отрадно было одно: выход некоторых сотрудников из состава редакции не изменил ее направления. Газету, как и в прежние времена «Сибирскую газету», поддерживали А. В. Адрианов, В. С. Арефьев, П. А. Голубев, В. К. Штильке. Но особенно мощной была группа политических ссыльных, живших в селе Казачьем, в 200 верстах от Красноярска. «Оппозиционное настроение объединяло представителей различных оттенков протестующей мысли. И народники уживались с марксистами», — писал Макушин в статье «Газетно-издательская деятельность во время царизма», опубликованной в журнале «Северная Азия» за 1928 год.

Среди группы казачинских ссыльных находились видные ленинцы — Ф. Я. Кон²¹, Ф. В. Ленгник²², П. Н. Лепешинский²³. Вот как вспоминает о союзе ссыльных с «Сибирской жизнью» П. Н. Лепешинский:

«Очень скоро «Сибирская жизнь» стала, можно сказать, органом казачинских литераторов. Ленгник облюбывал область социальных условий труда сибирских рабочих (на приисках), я стал зажаривать периодические обзоры журнальной публицистики, покрывая эзоповской фразеологией «дерзость» своей марксистской мысли... В «Сибирской жизни» мы чувствовали себя почти хозяевами газеты... Наша ссыльная жизнь в Казачьем стала осмысленнее, содержательнее, приятнее и более обеспеченной. Газетная работишка значительно повышала наше финансовое положение... В известной мере мы могли располагать мнением сибирского «общества», как подсобной для нас стихией в нашей борьбе с теми враждебными силами, ко-

торые составляют проклятие для всех мест политической ссылки. Союз с макушинской газетой был очень нам на руку... Литературное орудие чрезвычайно увеличивало наш удельный вес не только в глазах уездного исправника, но и самого губернатора».

В своих воспоминаниях Лепешинский, между прочим, отмечает факт, как при помощи «Сибирской жизни» казачинская колония политических избавилась от притеснявшего их местного полицейского чиновника, так называемого «заседателя». Корреспонденции из Казачьего лишили заседателя сна и аппетита, а басня о «собольих шкурках», присланная оттуда и напечатанная в «Сибирской жизни», оказалась для него роковой. В этой басне были и такие строки:

В лесах сибирских вековых —
Жил волк с большущей пастью,
Который одарен был властью —
Ну, скажем, вроде наших становых,
(известных с давних пор
под кличкой «куроцапы»).

Но, если «куроцапа» лапы
Привыкли к дани, вроде кур,
То наш таежный самодур
Слыл за любителя собольих шкур...

Басня оканчивалась моралью, смысл которой заключался в том, что можно любить собольи шкуры, но следует помнить и о судьбе собственной шкуры.

Финал такой: заседателю пришлось убраться из Казачьего. Случай этот не единственный. Не однажды исправники и заседатели предупреждали редакцию письмами, в которых, как могли, разъясняли мотивы своих поступков, чувствуя, что придет час, и редакция узнает об их незаконных проделках.

«Благодаря газете вскрывалось много язв и беспорядков в административной и общественной жизни... Газета отзывалась, насколько позволяли цензурные условия, на все очередные вопросы жизни и, несомненно, много способствовала росту оппозиционного настроения в сибирском обществе», — отмечает Макушин в уже упоминавшейся статье «Газетно-издательская деятельность во время царизма».

Но более чем свидетельство самого Макушина, «Сибирскую жизнь» характеризует такой документ:

«Господину редактор-издателю газеты «Сибирская жизнь», июнь, 12 дня 1903 г.

Впоследствии поданного Вами в Управление Западно-Сибирского учебного округа прошения от 3 января сего 1903 г. Канцелярия попечителя Западно-Сибирского учебного округа по распоряжению начальства сим честь имеет уведомить Вас, милостивый государь, что Его Превосходительство, попечитель округа по соглашению с Его Сиятельством Томским губернатором и с Его Преосвященством Епископом Томским и Барнаульским редактируемую и издаваемую Вами газету «Сибирская жизнь» признал безусловно непригодной к обращению в народных библиотеках и читальнях».

Остается добавить, что тираж «Сибирской жизни» в 1905 году, перед тем как Макушин расстался с газетой, был 15 тыс. экземпляров.

НИ ОДНОГО НЕГРАМОТНОГО

С середины октября 1905 года в городе проходили массовые митинги и собрания. Часто они заканчивались призывами: «Долой самодержавие!», «Да здравствует вооруженное восстание!» А когда

в Томск пришел текст царского манифеста от 17 октября 1905 года, стало ясно, что вооруженного выступления не избежать.

Власть имущие понимали: предотвратить восстание может только внезапный черносотенный погром. Губернатор Азанчеев-Азанчевский и епископ Макарий дали свое согласие на действия черной сотни.

20 октября, когда в театре Королева проходил митинг, а в управлении Сибирской железной дороги собралось много рабочих и служащих за получением заработной платы, черносотенцы окружили оба здания и начали громить их. Боевая рабочая дружина отбросила погромщиков. Но им на помощь пришли регулярные войска. Пользуясь поддержкой, черносотенцы подожгли театр и железнодорожное управление. Начался грандиозный пожар. Спаслись немногие; тех, кого пощадил огонь, ждали пули казаков и полицейских.

В этот день в кабинете Макушина раздался телефонный звонок. Неизвестный сообщил, что в толпе погромщиков несколько раз с угрозами упоминалось имя Петра Ивановича Макушина. Ему советовали немедленно покинуть город. Макушин сообщил родным, что едет в село Протопопово к знакомому священнику Троицкому.

Троицкий встретил приветливо: накормил, напоил, устроил ночлег. Но проспали недолго. В полночь в ворота дома священника требовательно постучали. Троицкий вышел. Толпа человек в сорок окружила его. Выяснилось: извозчик, нанятый Макушиным от города до села, известил крестьян, что в городе бунт: «Бьют» политиков». Извозчик похвалялся, что одного «политика» он и привез в село. Немедленно был созван сельский сход. Крестьяне боялись мести. Незваному гостю было предложено покинуть село.

Выручил один доброхот; за пять рублей предложил доставить на ближайшую заимку. Часа три ползли по едва припорошенным снегом лесным просекам. Но пристанища на заимке так и не обрели. Жилье хозяина состояло всего из одной комнаты, где, кроме детей и жены, находились корова и свинья. Заломив баснословную цену — пятнадцать рублей, — хозяин заимки согласился везти в тайгу, к знакомому пасечнику.

Еще несколько часов в дровнях по бездорожью. Наконец, лай собак известил о близком жилье. Ямщик долго шептался с пасечником. Тот отговаривался, советовал ехать дальше. Выручила хозяйка. Властно сказала: «В городе бунтуют, а человек должен пропадать в лесу». Пригласила в дом, напоила чаем, предложила для ночлега чистенькую горницу.

В середине дня пожаловал на пасеку отец хозяйки. Стал стращать зятя и дочь, что за укрывательство «политика» сожгут дом и порушат пасеку. Хозяйка, а звали ее Пелагея Наумовна, твердо заявила: «Не нравятся мои порядки — отправляйся домой». Старик замолчал и, напившись чаю, уехал в свою деревню.

Три дня прошли в неизвестности. Особенно тревожно было по ночам. Подвернув фитилек керосиновой лампы, прислушиваясь к лаю собак, ожидая, что каждую минуту на пасеке могли появиться преследователи. Макушин не смыкал глаз.

Наконец, на четвертый день не выдержал — решил возвращаться. Пасечник нагрузил воз дров и ровно через двенадцать часов пути въехал вместе со своим постояльцем в город.

За день до этого погромы утихли. И теперь полиция занималась тем, что отбирала у погромщиков награбленное. Грабители возмущались: «Сами же дозволили, а теперь отбирают».

Вернувшись в город, Макушин нашел свой книжный магазин разоренным, так же как и дом брата, известного врача и городского головы Алексея Ивановича Макушина. Да и сам брат едва уцелел. Более двадцати лет прожили братья Макушины в Томске бок о бок, словно вознаградили себя за вынужденную разлуку в детстве и юности. Ведь по существу «бурса» тому и другому заменила семью и родительский дом. Только для одного путь из «бурсы» был в педагогику, а потом в торговлю книгами, для другого — в медицину.

В Томск Алексей Иванович Макушин приехал в 1883 году. В то время в городе на тридцать тысяч населения был один-единственный правительственный врач. Понятно, что школы, фабрики, мастерские оставались без санитарного надзора. Неимущие также были лишены медицинской помощи. Городу нужна была бесплатная лечебница.

Не один год Макушин-старший бился за эту лечебницу на заседаниях городской Думы. Но в ответ на все свои доводы слышал от гласных: «Хворают больше от пьянства»; «Всех не вылечишь»; «На все божья воля — кому жить, кому умирать». Находились и такие, что от всех болезней, как верное средство, предлагали огуречный рассол...

В 1883 году Макушину-старшему удалось обсудить на заседании городской Думы проект положения о враче и лечебнице. Текст проекта сохранился в архиве Макушина.

«1. Озабочиваясь доставлением современной медицинской помощи беднейшим из жителей города, не имеющим возможности оплачивать советы и визиты вольнопрактикующих врачей, городская Дума учреждает при городском общественном управлении врача для бедных жителей города.

2. При враче состоит фельдшер, фельдшерица и акушерки.

3. При приемном покое устраивается для бесплатного отпуска лекарств аптека за счет города. При этом признается нужным не делать различия между жителями Томска и временно-приезжими ввиду затруднений отличить их, и необходимости при заразительных болезнях принимать меры к предохранению распространения заразы.

4. Всякое лицо, заявившее желание занять должность городского врача и по своему образованию имеющее право на медицинскую практику, выбирается Думой через закрытую баллотировку, сначала на один год, а потом, если будет избран снова, то через каждые три года подвергаться новой перебаллотировке.

5. Фельдшер, фельдшерица и акушерки избираются и определяются на городскую службу врачом с разрешения городского головы.

6. Жалования врачу назначается в год 1500 руб., фельдшеру, фельдшерице и акушерке по 300 руб. За визиты к бедным больным и за медицинские советы, даваемые в приемном покое, врач и служащие не принимают никакого вознаграждения.

7. Обязанности городского врача определяются следующими требованиями:

а) ежедневно, исключая 25 декабря и первых трех дней Пасхи, врач принимает больных, преимущественно из беднейших жителей города, с 9 до 20 часов. Прием производится им или у себя в квартире, или в особом, нанимаемом городом помещении. В первом случае ему выдается на наем квартиры 300 руб., и врач обязан нанять таковую в центре города и отделить две комнаты под приемный покой и одну под аптеку;

б) врач ежедневно с 11 до 2 часов дня посещает по домам трудно больных из бедных жителей;

в) на враче лежит обязанность иметь надзор за приходскими училищами города в гигиеническо-санитарном отношении;

г) врач ведет статистику пользующихся им больных по родам болезни и по местности города;

д) наблюдать за исполнением фельдшером, фельдшерницей и акушеркой их обязанностей по отношению к больным и вообще руководить ими в их действиях по аптеке и уходу за больными;

е) наблюдать за аптекой, какая будет устроена при приемном покое, следя за правильным составлением лекарства, а равно и за правильным расходом медикаментов, своевременно делая сообщения в городскую Управу о заготовлении необходимых материалов;

ж) по истечении каждого года, врач представляет в Думу отчет о своей деятельности, а также и по аптеке;

з) врач обязательно должен участвовать (с правом совещательного голоса) в заседаниях Думы и Управы, когда предметом этих заседаний будут вопросы, касающиеся гигиены и санитарного состояния города;

и) осматривать по поручению Управы, когда она признает это нужным, помещения рабочих на фабриках, заводах и в мастерских.

8. Врач имеет общий надзор за санитарным состоянием города. О замеченных неустройствах он доводит до сведения Управы, указывая и средства к их устранению.

Обязанности фельдшера, фельдшерницы и акушерки определяются врачом, причем на фельдшера должна быть возложена обязанность заготавливать оспенную материю с телят, а также прививать оспу детям и вести статистику оспопрививания.

9. Врачу не воспрещается вольная медицинская практика с вознаграждением от пациентов, но без отвлечения от обязанностей по отношению к больным из недостаточных жителей.

10. Врачу предоставляется право отказаться от занимаемой должности».

После бурного обсуждения Дума приняла проект, предложенной Макушиным-старшим, правда, с некоторыми поправками. Вместе с «Положением о враче и лечебнице» Дума постановила выделить на устройство лечебницы три тысячи рублей.

Был объявлен конкурс желающих занять место врача лечебницы. Откликнулись двое: врач из Барнаула и Алексей Иванович Макушин. Дума большинством голосов (30 против 10) избрала Макушина. За его плечами была хорошо поставленная больница в Еланском, под Ирбитом. Томские коммерсанты, бывая на ирбитских ярмарках, были наслышаны об успехах молодого врача.

Четыре года Макушин-младший возглавлял первую и единственную в Сибири больницу для бедных. 43718 первичных больных побывали в его лечебнице. Только одних рецептов он выписал 134927. Но постоянные трения с Думой из-за мизерных сумм, выделяемых городским самоуправлением на лечебницу, заставили покинуть этот пост и заняться частной практикой.

Частная практика дала возможность Макушину-младшему не только безбедно существовать самому, но и оказывать реальную помощь престарелым родителям. В селе Пышлинском, где Иван Макушин тридцать лет служил дьяконом, на средства Макушина-младшего был выстроен двухэтажный полукаменный дом, крытый железом, со всеми надворными постройками. В 1909 году, после смерти родителей, Алексей Иванович отдал этот

Петр Иванович Макушин в год 50-летия
своей просветительской деятельности в Сибири. 1916 г.

Матеріали къ исторіи народнаго образованія въ Сибири.

Др. Крехихъ.

РЕВНИТЕЛЬ СВѢТА- П. И. МАКУШИНЪ.

50 лѣтъ

просвѣтительной дѣятельности, 1866 ²⁵/_{III} 1916 гг.

ВЪ СИБИРИ.

Изданіе служащихъ и рабочихъ П. И. МАКУШИНА въ Томскѣ.

Цѣна 75 коп.

Весь валовой сборъ отъ продажи книги поступить въ распоряженіе О-ва содѣйствія устройству сельск. безпл. биб.-читалень на предметъ учрежденія въ одномъ изъ сель Томской губерніи бесплатной библиотеки имени „служащихъ и рабочихъ П. И. Макушина въ г. Томскѣ“.

ТОМСКЪ.

Типографіи Пріюта и Дома Трудолюбія.

1916.

Обложка книги, посвященной 50-летию просветительской деятельности П. И. Макушина в Сибири. 1916 г.

П. И. Макушин, Н. Г. Потанин и Н. А. Морозов среди томичей. 1915 г.

П. И. Макушин и Н. А. Морозов. Томск. 1915 г.

Петр Иванович и Алексей Иванович Макушины среди родных.

Иркутск. Книжный магазин П. И. Макушина и Вл. Мих. Посохина.

Портрет Вл. Мих. Посохина.

Старший сын Петра Ивановича Макушина — Дмитрий.

Елена Алексеевна Макушина
с дочерью Викториной и сыном Петром.

Викторина Петровна Макушина в Париже. 1905 г.

ИМПЕРАТОРСКОЕ РУССКОЕ МУЗЫКАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО.
ТОМСКОЕ ОТДѢЛЕНИЕ.

ВЪ ЧЕТВЕРГЪ, 4 АПРѢЛЯ 1891 Г.

ВЪ ЗАЛѢ НАРОДНОЙ БЕСПЛАТНОЙ БИБЛИОТЕКИ

ИМѢЕТЪ БЫТЬ

СИМФОНИЧЕСКІЙ КОНЦЕРТЪ

ПОДЪ УПРАВЛЕНІЕМЪ А. А. СОЛОДОВА.

Всѣхъ сборъ съ концерта имѣетъ поступать въ пользу общества попеченія
о начальномъ образованіи въ г. томскѣ.

ПРОГРАММА:

ОТДѢЛЕНІЕ I.

1. Сinfonia Esdur, соч. Шопенъ.
- a) Adagio, Allegro;
- b) Andante.
- c) Rondeletto, Allegro mod.
- d) Finale, Allegro.
- соч. Оркестра.
2. Маршъ и хоръ пѣтій къ оперѣ
"Тангейзеръ" Вагнеръ.
соч. оркестра и хоръ Музыкальнаго
Общества.

ОТДѢЛЕНІЕ II.

- 3) Гранъ соч. Шуманъ.
соч. струнный оркестра.
- 4) Увертюра къ оперѣ "Князь Игорь" Бердюзіи.
соч. оркестра.
- 5) La Marche, Marche de concert, соч.
для фортепиано, Мендельсонъ, симфонический
оркестра. М. de Франкль.
- 6) Симфоническій хоръ. Слѣдъ
знаменъ божьихъ въ финалѣ оперы
"Русалка и Аидинна" Гамма
соч. хоръ Музыкальнаго Общества
и симфоническаго оркестра.

НАЧАЛО ВЪ 8 ЧАСОВЪ ВЕЧЕРА.

ВХОДЪ: ПЕРВАЯ ЛОЖА 2 руб., 2я 1 руб., 3я 50 коп., 4я 50 коп., 5я 25 коп., 6я 1 руб., 7я 50 коп., 8я 50 коп., 9я 25 коп., 10я 25 коп., 11я 25 коп., 12я 25 коп.

ПРОДАЖА БИЛЕТОВЪ: МУЗЫКАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО, ТОМСКОЕ ОТДѢЛЕНИЕ, МОСКОВСКАЯ УЛ. № 11.

Афиша симфонического концерта, организованного Томским отделением Императорского Русского музыкального общества, активным членом которого был П. И. Макушин. (Из архива исследователя музыкального краеведения Т. Куперт)

Петр Иванович Макушин, Викторина Петровна Макушина, Лидия Сейфуллина,
Валериан Правдухин среди работников Сибкрайиздата.

„Ни одного неграмотного“!

ПЕТР ИВАНОВИЧ МАКУШИН.

К 80-тилетию со дня рождения

(12/VI 1844 г. — 12/VI 1924 г.)

Обложка буклета, выпущенного
к 80-летию П. И. Макушина. 1924 г.

24/26.

Дорогой Владимир Англи
Вот!

Не отменяется выполнение
моей последней просьбы:

1) тело мое должно быть
продано земле граждан-
германским похоронкам

2) тело отапливается в квар-
тире в день смерти
до 4х часов следующего дня,
до похоронения в гроб.

3. По похоронению
в гроб переносятся
в крематорий № 7 там
Вдова Наука и остаются
там до следующего

дня, а потом предания
Землю.

4) Ордер на могилу при
сем прилагается

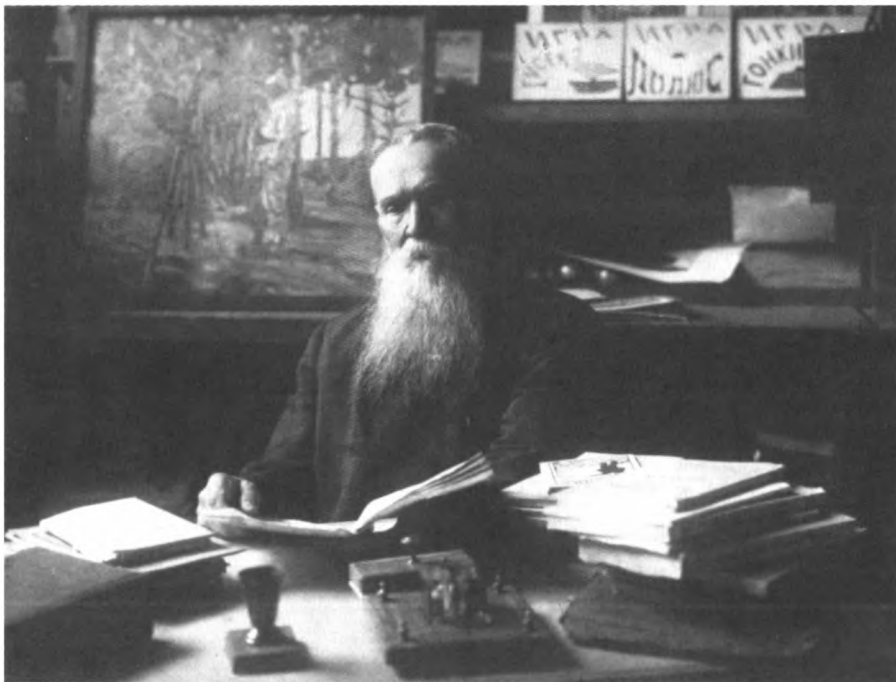
5) Вместо намятника
на могилу поставит
рельсу и сверху крестом
Дмитрий. Филарет

6) Могила должна быть в
правом углу сада.

Берите свои доброты
друзья Владимир, Андрей!
Вранья Крайне любя Вас

Петр Макушин

Предсмертное письмо П. И. Макушина.

Петр Иванович Макушин. Одна из последних фотографий.

дом для библиотеки-читальни, а также для яслей, в которые принимали деревенских детей в страдное летнее время. Нашлось в этом доме и место для богадельни.

Профессиональный и нравственный авторитет Макушина-младшего среди жителей города был так высок, что в 1902 году его избирают городским головой.

Прошла пора, когда полуграмотный городской голова из разбогатевших прасолов мог в ответ на несогласие некоторых гласных с его предложением обругать присутствующих крепкими словами, стукнуть кулаком по столу и объявить заседание закрытым, или, предвидя, что его проект не соберет достаточного числа голосов, прекратить заседание по причине «неприбытия гласных». На протест возбужденных гласных, записанных вдруг в «мертвые души», такой голова приказывал сторожу погасить в зале заседания все свечи.

Нет, не таков Макушин-младший. Его интересы — это интересы горожан. В городе появляется водопровод, улицы осветились фонарями. В планах проведение канализации и трамвайных путей.

После кровавых событий в октябре 1905 года, когда полиция не только не защитила граждан, но и выступила пособницей черносотенцев, Макушин-младший на заседании Думы предложил потребовать от губернатора увольнения полицмейстера Никольского. В случае невыполнения этого требования Дума постановила: «сделать представление министру внутренних дел об устранении губернатора, как допустившего преступные действия».

В Петербург полетел донос начальника Томского гарнизона Ризенкампфа, перепечатанный газетой «Русь». Ризенкампф писал, что во время октябрьских событий в Томске, городской голова и другие

члены Думы требовали устранения всех правительственных органов власти, а также удаления войск из города.

Понятно, что после таких обвинений Макушину-младшему пришлось расстаться с должностью городского головы. Но сограждане по праву оценили его мужественное поведение. Через год А. И. Макушин избирается депутатом I Государственной Думы. Как известно, попытка парламентской борьбы народа с бюрократией завершилась разгоном Думы. После опубликования манифеста о роспуске Думы часть бывших депутатов выехала в Выборг, чтобы подготовить и принять воззвание «Народу от народных представителей».

В бумагах Макушина-старшего сохранилась копия любопытного циркуляра, рассылавшегося министерством внутренних дел губернаторам, начальникам областей и градоначальникам.

«Прокурор С.-Петербургской судебной палаты сообщил министерству внутренних дел, в копии, состоявшееся 22 августа сего года постановление судебного следователя С.-Петербургского окружного суда по важнейшим делам о привлечении к следствию по делу о составлении в городе Выборге получившего распространение воззвания, озаглавленного «Народу от народных представителей» в качестве обвиняемых в преступлении, предусмотренном ст. 51 и п. 3 ч. 1 ст. 129 уголовного уложения 180 бывших членов государственной Думы, переименованных в списке при сем прилагаемом».

В этом списке взбунтовавшихся депутатов значится и имя Алексея Ивановича Макушина. После решения суда по делу о Выборгском воззвании Макушин-младший отсидел четыре месяца в камере-одиночке, прежде чем снова занялся частной практикой в Томске.

Но Фемида потребовала его еще раз к ответу в связи с процессом о погроме 1905 года. Этого судебного разбирательства ждали давно. Но следствие умышленно растягивалось на многие годы. Кто-то заинтересован был замести следы, прикрывшись юридической формулировкой «за дальностью срока». А когда процесс все-таки состоялся, все подивились мягкости приговора. Зачинщики «патриотического шествия» были оправданы, а те, кто грабил раненых и мертвых, получили один-два года арестантских рот.

В связи с процессом вновь всплыло имя и Петра Ивановича Макушина, проявившего также гражданское мужество в те октябрьские дни 1905 года. Издаваемая им «Сибирская жизнь» писала об октябрьских событиях, особо выделяя положение студентов: «Студенты не могут пройти по улицам без страха быть избитыми и истерзанными хулиганами. Ни в одно учреждение студентов в качестве служащих не принимают. Заработка найти положительно негде и многим приходится голодать. Некоторые хозяева гонят студентов с квартир».

Свое участие в судьбах томского студенчества Макушин начал принимать задолго до появления первых студентов в Томске. Памятуя о своей нищенской жизни в семинарской бурсе, Петр Иванович первым подал идею построить специальный дом для студенческого общежития.

27 августа 1880 года на банкете по поводу закладки здания Университета он обратился к присутствующим с предложением построить студенческое общежитие на пожертвованные для этой цели деньги. С подписным листом обошел всех приглашенных. Откликнулись многие, в том числе и сам губернатор. В тот вечер было собрано 2100

рублей. Из этой суммы Макушину особенно дороги были 52 рубля 50 копеек, которые внесли музыканты. Прямо на хорах из нотной тетради был вырван белый лист и открыта подписка.

На следующий день Макушин заказал в своей типографии особую тетрадь и с ней объезжал томское купечество. Сумма пожертвований оказалась немалая: 5 тыс. рублей. Кроме того, 1 тыс. рублей прислали бийские купцы, 1 тыс. рублей — Колывань. Ко дню закладки дома для студенческого общежития строительный комитет располагал суммой в 32 тысячи рублей. Через пять лет после закладки, как раз к торжеству по поводу открытия университета, 27 августа 1888 года, здание каменное, трехэтажное, с подвальным этажом на 100 студенческих квартир было готово.

Правда, в отчете министру народного просвещения инициативу постройки студенческого общежития Флоринский, как попечитель учебного округа, приписал себе: «Когда Томск чествовал торжественным обедом, радостное событие — закладку сибирского университета, — у меня родилась мысль основать рядом и возникающим храмом науки приют для учащихся». Но если в случае с домом для студенческого общежития Флоринский приписал себе заслуги Макушина, то против организации студенческой столовой он просто яростно возражал. Попечитель заявлял, что, оберегая студентов от вредного влияния неблагонадежных людей, он не допустит вмешательства в их жизнь.

И все-таки Макушин перехитрил Флоринского, придумав назвать столовую не «студенческой», а «дешевой». В 1891 году, через три года после открытия университета, распахнула свои двери столовая для студентов. Обед из двух мясных блюд стоил в этой столовой 3 рубля в месяц. От желаю-

щих не было отбою. Ведь 88 процентов первого набора университета происходило из малообеспеченных семей.

Решено было строить для столовой специальное здание, вместо тесного нанятого дома. Макушин снова объявил подписку, и в течение десяти дней собрал 2011 рублей. Среди жертвователей оказались рабочие Александровского прииска. Они прислали 13 рублей. Этот факт, как особо важный, Макушин отметил в своей тетради.

Всего четыре месяца потребовалось на то, чтобы новая столовая вступила в строй. Она была рассчитана на обслуживание 140 — 160 студентов. Только за полгода студентам было отпущено 20138 обедов, цена каждого обеда — 10,1 копейки.

Сочувствие Макушина томскому студенчеству нельзя считать случайным. Главной задачей своей жизни Макушин считал народное образование Сибири. На то имелись свои причины.

Сначала было Центральное миссионерское училище в Улалу. Между прочим, его воспитанники открыли впоследствии 15 первых школ на Алтае. Потом — почти пятилетнее руководство духовным училищем в Томске. Образцово поставленное духовное училище помнили, поэтому, когда в 1875 году Макушина избрали гласным городской Думы, то поручили наблюдение за приходскими училищами города.

До 1869 года в городе существовало только одно начальное училище. В нем обучалось 98 учеников. В 1869 и в 1873 годах открыли еще по одному училищу. Причем одно из них было организовано специально для девочек. До этого девочки ходили на занятия в послеобеденное время в мужское приходское училище.

В тот год, когда Макушин принял дела по

приходским училищам, в Томске функционировало уже четыре начальных учебных заведения, рассчитанных на 450 учеников.

Разумеется, свою деятельность гласного Думы он начал со знакомства с одним из училищ. Вот что написал он тогда в своем отчете в Думу: «Училище помещается в частном доме. В небольшой комнате, сплошь уставленной столами, занимается 80 учеников. По случаю зимних холодов окна закрыты. Через полчаса занятий духота начинает донимать и детей и учителей. На лицах у присутствующих выступает пот. Наконец, спасительный звонок. Дети вырываются из класса. Но двора около дома нет. Пять минут перемены дети беспорядочно толпятся на крыльце и у ворот. Снова звонок. Все отправляются в класс, который напоминает предбанник — влажно, душно, дышать тяжело. К концу второго урока многие дремлют. Получасовой перерыв не приносит облегчения. Естественное — желание детей двигаться заставляет их скакать по столам, залезать под скамейки. Облако пыли поднимается в комнате. Только к концу следующего урока пыль оседает — можно рассмотреть лица присутствующих. Они бледны, серы, безучастны».

Отчет, зачитанный на заседании Думы, не вызвал сочувствия гласных. Ведь больше половины гласных составляли богатые купцы, полуграмотные или вовсе неграмотные. Со всех сторон слышалось: «Школы — это баловство», «живали и без школ, капиталы наживали».

Воспользовавшись тем, что новый генерал-губернатор Западной Сибири Н. Г. Казнаков возбудил вопрос об открытии в Томске университета, он выступил в Думе с речью: «То, что извинительно в сельской школе — теснота помещений и бед-

ность, что извинительно между необразованными и вдобавок недостаточными мужиками, делается неудобным в таком городе, как Томск, и во всяком случае несовместным с достаточностью представителей университетского города». Расчет был прост: задеть самолюбие томских толстосумов. И действительно, к тому времени, когда вышел царский указ об открытии университета, городская Дума санкционировала организацию еще пяти приходских школ. Правда, каждое ассигнование на школу приходилось брать с бою, но все-таки к 1878 году начальные школы посещали уже 650 учащихся, т. е. третья часть от всех детей школьного возраста.

Но сделать реальным лозунг «ни одного неграмотного» невозможно было в одиночку. Родилась идея создать из гласных Думы городскую училищную комиссию. Четыре гласных Думы изъявили желание принять в ней участие. Председателем комиссии был избран сам Макушин.

Теперь представления о делах по народному образованию вносились в городскую Думу не одним «фанатиком просвещения», как его называли недруги-гласные, а целой комиссией. И это имело свои результаты. Уже через год после создания комиссии в начальных школах обучалась почти тысяча человек — половина детей школьного возраста.

Но средства на содержание школ были по-прежнему очень скудны. Пришла мысль пополнять школьные бюджеты за счет добродетей. Так появился институт «почетных попечителей». В попечители были приглашены богатые купцы, состоявшие гласными Думы. Отныне каждый из них радел о «своем» училище, внося в кассу училища не менее ста рублей в год. Тогда, в своей заветной

тетради, которую Макушин продолжал вести, он записал: «В мои планы входит заинтересовать школами, если не всю Думу, то хотя бы большинство гласных, а затем — массу городских жителей».

Рождественская елка 1880 года стала в городе событием. Был снят военный манеж с полным освещением, заказан лучший в городе оркестр. Вокруг красавицы елки несколько часов подряд пели, плясали, читали стихи учащиеся городских начальных школ — дети томской бедноты. Средства на устройство праздника и рождественских подарков для тысячи приглашенных дали «почетные попечители».

Весной провели еще один праздник. В зал городской Думы, убранный зеленью и цветами, пришли все выпускники начальных школ. На торжественном акте присутствовали губернатор, архиерей, городской голова, гласные Думы, местная знать. Звучали торжественные речи, поздравления. Лучшие ученики получили памятные награды.

Училищная комиссия много внимания уделяла непосредственно и личности самого учителя. До этого многие годы учителя были разобщены, жили только заботами своей школы, мало знали друг о друге, о новых методах преподавания. Вот почему училищная комиссия предложила дважды в месяц проводить педагогические советы. Цель этих советов — «обсуждать возникающие в учебной практике вопросы, дать возможность малоопытным учителям воспользоваться рекомендациями более опытных» — так разъясняет учреждение педагогических советов один из документов училищной комиссии.

Другим новшеством было приглашение на вакантные места опытных преподавателей сельских

школ, «людей, уже потрудившихся на учебном поприще и заявивших себя особенно способными». Чтобы добиться разрешения этого вопроса, комиссия направила специальное ходатайство попечителю Западно-Сибирского учебного округа. В нем были такие знаменательные строки: «Всякое частное лицо имеет право выбирать к своим детям лучшего воспитателя и учителя, и комиссия не допускает мысли, чтобы подобного права было лишено городское общество».

«Ледяная кора равнодушного отношения к школам сломана», — появилась по этому поводу запись в тетради. И не напрасно. Осенью 1880 года было заложено первое общественное училищное здание на 240 человек. Его типовой проект учитывал все требования современной школы и оценивался в 8 тыс. рублей. Деньги для этих целей выделила Дума.

Слава о прогрессе начального образования Томска вышла за пределы Сибири. Об этом известила своих читателей газета «Московский телеграф»¹: «Отраднo было убедиться в том, что в отдаленной, неустроенной во всех отношениях Сибири, общественная самодеятельность проявилась в крупном, серьезном деле вполне сознательно и зрело. Томская Дума не могла лучше ответить на полицейские уверения, что в Сибири нет общества, которому были бы по плечу выборные учреждения, что здесь нельзя допустить ни введения земских учреждений, ни гласного выборного мирового суда. Нет, «не грязь счищать с улиц» только способны наши городские представители (как это полагает томский губернатор). Среди них нашлись люди, сумевшие поставить одну из важных задач осмысленного самоуправления — школы — так, как никогда бы не поставила их наша

бездушная, казенная бюрократия. Мы с удовольствием выдвигаем этот факт именно потому, что против него спорить уже нельзя».

Действительно, реально, на деле в томских начальных школах осуществлялись такие проекты, о которых в других уголках России и представления не имели. Так, уже на своем первом заседании училищная комиссия признала необходимым для успешного обучения в школах: устроить для всех приходских училищ один общий педагогический музей, в который входили бы все наглядные пособия для школьного обучения, а также лучшие педагогические руководства и сочинения для учителей; устроить для удобства снабжения учеников книгами для чтения отдельную при каждом училище ученическую библиотеку.

Предложение училищной комиссии не осталось только на бумаге. Дума выделила на организацию музея 300 рублей, а на каждую ученическую библиотеку по 50 рублей. «Если учесть, что каждый год треть городского бюджета расходуется на содержание полиции, станет ясно: выделить деньги на педагогический музей и ученические библиотеки Думе было нелегко», — записано по этому поводу в тетради; и далее: «С радостью могу отметить, что за последние пять лет многие поняли, что потребность в начальной школе не минует, когда и нас не будет. В ней будут нуждаться и наши дети, и наши внуки и правнуки. Значит, затраты на школы не легкомысленное и бесполезное мотовство общественных сумм».

На заседаниях училищной комиссии не раз отмечалось, что число учащихся растет быстрее, чем число школ. Кроме того, многие беднейшие ученики не имели теплой зимней одежды, им трудно было приобретать учебники и письменные принадлежности. А скольким способным, блестяще

заканчивающим начальную школу хотелось дать возможность продолжить образование.

«Меня осенила счастливая мысль: организовать в Томске в помощь общественному управлению «Общество попечения о начальном образовании», сделав его по размеру членского взноса общедоступным», — отметил Макушин в своей тетради в конце 1880 года.

Уже в январе 1881 года был готов проект устава «Общества»: «1) содействовать материальными средствами городскому управлению в улучшении положения городских приходских училищ; 2) помогать беднейшим и способным ученикам приходских школ, а по окончании ими курса, доставлять способы к продолжению учения в томских средних учебных заведениях; 3) оказывать пособие лицам, которые откроют и будут содержать частные первоначальные школы».

Текст проекта устава был обсужден на заседании Думы, одобрен и отправлен в Петербург, в Министерство внутренних дел на утверждение.

После года ожидания ответа, потеряв терпение, Макушин отправляется в Петербург. Благодаря земляку-писателю Н. М. Ядринцеву удалось познакомиться с членом совета Министерства внутренних дел, тайным советником Деспот-Зеновичем. Деспот-Зенович терпеливо выслушал всю «одиссею» с проектом «Общества» и написал записку к товарищу министра Готовцеву.

Записка возымела действие. Готовцев затребовал из канцелярии проект, который уже давно был сдан в архив. «Содействовать лучшей постановке учебной части в школах». Эти слова были вычеркнуты Готовцевым из проекта.

— Учебное дело — не ваше дело, а Министерства народного просвещения, — разъяснил товарищ министра.

Ему не понравилось предложение о том, что членом «Общества» считается всякий, кто вносит в кассу «Общества» 1 рубль в год.

— Нет, нет, это недопустимо. Вы хотите с разрешения министерства устраивать митинги. Членский взнос должен быть если не в 5 рублей, то, по крайней мере, в 3 рубля.

— Ваше превосходительство, в Томске есть несколько «Обществ» с указанными вами взносами, но они почти не имеют членов. Мертворожденное общество мне не нужно, — твердо заявил Макушин.

Генерал внимательно посмотрел на Макушина, подумал и оставил параграф без изменений.

Потом карандаш Готовцева остановился на строках, где было сказано: «Общество имеет печать со словами «Учение — свет».

— Тенденциозно, — и Готовцев вымарал написанное.

В тот же день Макушин выехал в Томск, всю дорогу обдумывая, какие надо будет принять меры, чтобы привлечь в «Общество» как можно большее число членов. Решил дать объявление в «Сибирской газете», заказать плакаты и открытки, издать устав «Общества» карманным форматом тысячи три экземпляров и разослать по городу. Открытие «Общества» провести как можно более торжественно, с приглашением местных жителей, богатого купечества, гласных Думы.

Все эти организационные хлопоты оттянули открытие «Общества» на конец июля 1882 года. В день открытия в «Общество» записалось сто человек. В тот же день было избрано Правление «Общества» из семи человек. Честь быть председателем «Общества» предоставили Макушину.

В тот день в тетради появилась короткая за-

пись: «Для жизненности «Общества» и развития его деятельности необходимо сочувствие не единиц, но целых масс». Началась кропотливая, каждодневная работа по привлечению в «Общество» возможно большего числа людей. «Сибирский книжный магазин», а также публичная библиотека с «кабинетом для чтения» помогали привлекать сторонников народного просвещения. Не оставались в стороне и приезжие: артисты, ученые, путешественники. Концерты, спектакли, публичные лекции в пользу «Общества» стали в городе традицией. Многие из гостей Томска выражали желание стать членами «Общества». Досужие люди сложили по этому поводу поговорку: «Ни одна птица не пролетит через Томск, у которой Макушин не вытащил бы пера для «Общества».

Усилия оказались не бесплодными: за первые полгода своего существования «Общество» выросло до 600 членов. Но рублевые членские взносы не могли дать возможности осуществить намеченную программу. Надо было всерьез позаботиться об источниках пожертвований.

Здесь на помощь пришла «Сибирская газета», расхваливавшаяся по самым глухим уголкам Сибири. Читатели газеты живо откликнулись на нужды «Общества». Из Забайкалья от помещика Попадайкина пришло такое письмо: «Услышал и из «Сибирской газеты» вычитал, что «Общество попечения о начальном образовании» делает много добра бедным детям и помогает им учиться, а поэтому я считаю своей обязанностью внести в это «Общество» посильную лепту (100 руб.)». Из Киренска кружок почитателей Тараса Шевченко в память 25-летия со дня его кончины прислал денежный перевод на нужды «Общества». В память Н. А. Некрасова в Ялуторовске делается сбор в несколько

десятков рублей и отправляется в адрес «Общества». Бывший учитель томской гимназии Н. Я. Воскресенский послал в кассу «Общества» все свои трудовые сбережения — 1000 рублей.

Многие из членов «Общества» имели при себе «подписные листы», чтобы при случае склонить своих родственников, друзей, знакомых к пожертвованию в пользу «Общества». Было заказано и роздано по магазинам, учреждениям и даже частным домам 100 кружек-копилок. Особенно хорошо пополнялись кружки-копилки в домах, где случались собрания с карточными играми. Счастливчик приглашался 25 процентов выигрыша положить в кружку-копилку. Любопытно, что с согласия членов «общественного собрания» был официально установлен сбор в 10 копеек с каждой игры в карты.

Неожиданные пожертвования поступали и от разных лиц. Так, художник Кошаров² жертвует в пользу «Общества» сбор с выставки своих картин. Путешественник Пясецкий³ дарит «Обществу» 100 экземпляров своей книги «Путешествие по Китаю». Бедная мещанка приносит в «Сибирский книжный магазин» два старомодных канделябра и просит принять их в дар «Обществу».

Значительные сборы в кассу «Общества» поступали от спектаклей, танцевальных вечеров, концертов и лекций. К концу первого отчетного года общий бюджет «Общества» равнялся 3676 рублей. Через три года он уже составлял 12456 рублей. Как же расходовались эти средства?

В первую очередь они были направлены на помощь недостаточным учащимся начальных школ. Учителя внимательно обследовали беднейшие семьи, выясняли, какая одежда особенно нужна ученику: валенки, шапка, платок, теплое пальто. Толь-

ко на эти нужды в первые пять лет существования «Общества» было затрачено 3 тысячи рублей.

Уже в первый год своего существования «Общество» открывает на свой счет женскую рукодельную школу для девочек, окончивших курс в городских начальных училищах. Эта школа была первой и единственной профессиональной женской школой в городе. В школе обучали бесплатно шитью, кройке, плетению и вязанию 35 учениц.

На второй год набор был увеличен до 50 человек. В последующие годы в школе обучалось до 150 молодых девушек. На содержание школы «Общество» ежегодно тратило около 1700 рублей.

Как только в кассе «Общества» скопилась определенная сумма, было решено в помощь городскому самоуправлению открыть три новых школы. Каждая такая школа обошлась «Обществу» в 6 тысяч рублей. Но с организацией этих школ в городе почти не осталось детей, не охваченных начальным образованием.

По статистике, в 1883 году в Петербурге один учащийся приходился на 74 человека, в Москве — на 72 жителя, в Казани — на 35 горожан, в Томске — на 25. Таким образом, Томск по процентному отношению числа учащихся в начальных школах к общему числу жителей занимает первое место из всех городов Российской империи.

Вслед за начальными школами «Общество» приступило к созданию школ повышенного типа, рассчитанных на бывших выпускников начальных школ, желающих продолжить свое образование. Чтобы обмануть бдительность чиновников от просвещения, эти школы носили безобидное название — «повторительные классы». Сначала «повторительные классы» функционировал только по воскресным дням, но желающих продолжить учение было

так много, что возникла необходимость открыть бесплатные вечерние «повторительные классы». Именно там «пасынки» государственной школы — ремесленники, приказчики, мелкие служащие имели возможность приобщиться к знаниям.

В этом начинании «Общества» власти усмотрели реальную угрозу существующим порядкам. Не удивительно, что попечители Западно-Сибирского учебного округа Флоринский и Лаврентьев без конца чинили препятствия «повторительным классам». Чтобы как-то сократить поток желающих учиться, Флоринский распорядился проводить занятия не более трех раз в неделю с 7 до 10 часов вечера. Лаврентьев настаивал: «К преподаванию могут быть допущены только лица, состоящие на службе Министерства народного просвещения. Лица женского пола к преподаванию допущены быть не могут».

Не менее драматически складывалась и судьба «воскресных народных чтений», официально разрешенных правительством еще в 1876 году. Первое «воскресное чтение» в Томске состоялось 6 февраля 1883 года. На нем присутствовало 150 человек. В следующее воскресенье пришлось закрыть за полчаса вход в зал, не вместивший всех желающих получить хотя бы крупицы знаний. Правда, список литературы, «высочайше дозволенный для народных чтений», был очень ограничен, но в нем все-таки попадались интересные, полезные издания по истории, естествознанию, географии.

Флоринский поставил за правило накануне воскресных собраний представлять ему программу брошюр, предназначенных для чтений, и даже в «высочайше дозволенном» ухитрялся находить крамолу. Так, из списка была вычеркнута брошю-

ра «О смутном времени на Руси» с замечанием «пусть народ никогда не знает, что когда-то на Руси было такое время».

Строго преследовались попечителем учебного округа изменения текста брошюры или изложение ее своими словами. Один из уполномоченных Флоринским чиновников садился рядом с чтецом и по другому экземпляру брошюры поправлял чтеца, если тот делал отступления от печатного текста.

Чтобы выйти из создавшегося положения, приходилось действовать «обманным» путем. Стены зала, где проходили чтения, под предлогом «украшения» были увешаны картинками по истории, физической географии, геологии, анатомии. В зале среди публики всегда находились активисты «Общества» — преподаватели гимназий, школьные учителя. Вместе с посетителями «чтений» они двигались вдоль зала, рассматривали картинки, давали к ним пояснения. Начало чтений иногда оттягивалось на час, который употреблялся на «наглядное обучение».

«Таким образом удастся сообщить контрабандой любознательным из слушателей сведения из истории и естествознания, недопустимые министерским мировоззрением и несогласные с официальной наукой», — записал по этому поводу Макушин в своей тетради.

Не удивительно, что местная администрация подозрительно относилась к деятельности «Общества», возглавляемого «другом социалистов» — Макушиным. После почти шестилетнего существования «Общества», губернатор Булюбаш в 1889 году представил доклад в Министерство внутренних дел о закрытии «Общества», как «организации антиправительственных элементов».

Но заранее предупрежденный об этом знакомым чиновником, Макушин принял контрмеры. Он явился к губернатору и заявил, что по состоянию здоровья должен сложить с себя полномочия председателя «Общества», предложить в преемники вполне благонадежного чиновника Архангельского, к тому же имевшего чин действительного статского советника.

Булюбаш с удовольствием принял «отставку», и донос о закрытии «Общества» остался в портфеле «секретных» бумаг губернатора.

Весть о «приостановлении» «Общества» в феврале 1906 года достигла Макушина во Франции, куда он вместе с семьей отправился для лечения прогрессирующего артрита. «Известие повергло меня в глубокую скорбь и причинило мне большое огорчение», — кратко записал он в своей тетради.

Только человек железной воли мог так сдержанно написать о крахе своего любимого детища, которому отдано было много сил и энергии. Но Макушин не только человек железной воли. У него в характере редкая непреклонная настойчивость и упорство. Сразу после возвращения в Томск, в октябре 1907 года, больной, на костылях, Макушин является к генерал-губернатору, барону Нолькену, волей которого было «приостановлено» «Общество», с просьбой о разрешении возобновить его работу.

Барон объявил, что просьба не может быть исполнена по случаю «военного положения» в городе. «Преждевременным выходом из дома я уложил себя снова в постель, но утешаюсь мыслью, что «Общество» закрыто временно и с отменой военного положения в Томске воскреснет», — отметил Петр Иванович в своей тетради.

Через год Макушин предпринял новую попыт-

ку возобновить деятельность «Общества». Из канцелярии генерал-губернатора ему ответили, что «Общество» закрыто навсегда.

«Погибло мое любимое детище, которому было отдано мною столько времени, забот и трудов... При малом развитии грамотности, при ничтожном числе школ в городе, девиз «Общества» — «ни одного неграмотного» казался тогда многим дерзким до смешного, неосуществимым, недостижимым... Но я верил, верил в сочувствие сознательных граждан города святому делу просвещения народа. Надежды оправдались. Малое дерево оказалось на хорошей почве, год от года оно росло и крепло, шире и шире раскидывая свою благодатную тень... Волна сочувствия к народному образованию поднималась все выше и выше. Дело «Общества» сделалось делом всего сознательного населения города. Общая сумма всех поступлений в кассу общества выразилась в сумме свыше 250 тысяч рублей. Четверть миллиона пошло на дело народного образования в городе. Дерзкий девиз «Общества» был в Томске близок к осуществлению... Но пронесся шквал черносотенства, и такое полезное учреждение умерло. Кто из имеющих живую душу может мириться с этим и принять без протеста такой дикий приговор...»

Конечно же, Макушин не смирился. Занявшись изучением переписки в местном «Присутствии по делам обществ и союзов», он без труда обнаружил, что при закрытии «Общества» «Присутствием» были допущены существенные нарушения закона.

Тотчас в Первый департамент правительственного Сената была составлена жалоба. Жалобу поддержали томская городская Дума и новый губернатор Гондатти, сменивший Нолькена. Член

Государственной думы Скороходов вызвался хлопотать по этому делу в Сенате. Вскоре он сообщил в Томск, что сенатор Добровольский, ознакомившись с жалобой, уверил: «Дело должно быть решено в положительном смысле». Но через несколько месяцев пришел из Петербурга официальный ответ: «Апелляция оставлена без последствий».

«Чтобы не колебать власть, Сенат явно незаконный поступок самодура генерал-губернатора признал законным», — отмечает Макушин в тетради.

И все-таки Макушин не сдался. Он садится за проект «Общества попечения о народном образовании», однородного с закрытым. Потом собирает 150 человек членов-учредителей и вносит новый документ на регистрацию в губернское «Присутствие по делам обществ и союзов». А когда положительное решение, наконец, получено, добивается у городской Думы согласия на передачу всего имущества закрытого «Общества» новому.

Среди этого имущества особый предмет волнений представляет «Народный дом» с его библиотекой, народным театром, музеем прикладных знаний. Несколько лет в нем хозяйничал пресловутый «Союз русского народа». Первое, что сделали новые владельцы, — выбросили на свалку прекрасный портрет Льва Толстого, украшавший большой зал «для народных чтений». Стоя перед варварски изуродованным полотном, впервые за много лет Макушин заплакал.

Вернувшись домой, открыл тетрадь и вывел: «Свидание с Л. Н. Толстым».

«В одну из поездок в Москву (года не помню) Л. Н. Толстой, через Ив. Д. Сытина передал мне о своем желании повидаться со мной⁴. Лестное для меня внимание было с удовольствием исполнено

мною. В один из вечеров И. Д. повез меня к нему в дом, находившийся в Хамовниках. Время было чаепития. Л. Н. занимал одну из задних комнат, где был его кабинет. Проходить к нему надо было мимо других комнат — столовой, изящно убранной и сервированной к чайному столу, к чаепитию. То была половина графини. Л. Н. занимал одну из задних комнат, где был его кабинет, очень скромно обставленный. Встречен я был очень любезно. Одетый в темную блузу, подпоясанный ремнем, Л. Н. встретил меня и И. Д. словами: «Вы привезли ко мне Вашего сибиряка! Очень рад познакомиться, очень рад познакомиться». Усадив нас на стулья, а сам поместившись в кресло перед письменным столом, Л. Н. начал с объяснения, что желание видеть меня явилось у него вследствие рассказов И. Д. о моей просветительной деятельности в Сибири.

Пришлось поделиться с ним и тем, что сделано, и планами на будущее. Слушая меня, он несколько раз выражал свое одобрение словами: «Это хорошо, это разумно»... Беседа продолжалась около часа. Было предложено угощение чаем с сухарями.

При прощании Л. Н. сердечно пожелал мне успеха в моих начинаниях и планах на близкое будущее. Свидание было единственным. В 1891 году, ко дню моего двадцатипятилетнего юбилея пребывания в Сибири, он послал мне свою фотографию».

ПОТОМКАМ В НАСЛЕДСТВО

Последний день ноября 1889 года клонился к вечеру. Шел мокрый тяжелый снег. Жители российской столицы спешили укрыться в домах. Невский проспект был почти пуст. Среди одиноких

прохожих выделялась фигура в длинном добротном пальто и мягкой черной шляпе. Человек лет сорока пяти шагал широко и свободно, слегка размахивая небольшим кожаным саквояжем.

Вот уже не один час кружил он по Невскому, не чувствуя усталости, не замечая непогоды. Потребность двигаться приходила к нему чаще всего в минуты сильных душевных потрясений. До сих пор в ушах еще звучит торжественный голос председателя собрания. «Общее собрание Императорского Вольного Экономического общества, согласно постановлению комитета грамотности, единогласно присуждает Петру Ивановичу Макушину, за его выдающиеся и многолетние труды на пользу народного образования в Сибири Большую золотую медаль».

Тогда, на Невском, он вдруг неожиданно задал себе вопрос: сколько народных денег потрачено на его собственное образование?

Без труда подсчитал: в Пермском духовном училище, куда он был принят на полуказенное содержание, то есть одевать и обувать должны были родители, ему полагалось 20 рублей в год. За три года обучения — 60 рублей. Пермской духовной семинарии он уже обходился в 30 рублей, все на том же полуказенном содержании. Пять лет обучения — 150 рублей. Еще 150 рублей были выданы ему на поездку в Петербургскую духовную академию. В академии пробыл три года на полном казенном обеспечении. Это обошлось в 375 рублей. Итак, выходило с точностью до одной копейки — 735 рублей.

«Сумма небольшая, — сделал он пометку в дорожной тетради уже в номере гостиницы, — но в моей жизни она имела огромное значение. Она создала те возможности, которые скрасили мою

жизнь и дали ей смысл и цену. Ведь тот, кто вооружен знанием и опытом, кто получил большее образование, кто развитее умственно, тот имеет возможность применить свои силы и свои средства и более экономно и более продуктивно».

Только успел поставить точку, дверь широко распахнулась. Весь облепленный хлопьями мокрого снега, на пороге стоял брат Алексей. Нет, признаться, такого подарка судьбы он не ожидал. Чтобы именно сегодня, в этот знаменательный день: шутка ли — Большая золотая медаль, и рядом брат родной, единомышленник, союзник во всех делах.

— Неужели угадал? — довольно рокошет Алексей, стряхивая снег со шляпы одной рукой, а другой — заключая брата в могучие объятия.

И вот уже выкладываются на стол банки с домашним вареньем на патоке, пакетики сушеной малины, мешочек сдобных лепешек и «колобков» из творога. Алексей Иванович, щуря свои светлые, как у брата, глаза, и поглаживая коротко стриженую бородку, басит: «Ну что, угодил.. Специально крюк сделал, чтобы побывать в селе Пышлинском, родительских гостинцев тебе привезти. Время и самовар заказывать».

Вскоре появился и коридорный с самоваром и закусками. Едва уселись, Алексей начал тормозить брата:

— Рассказывай, рассказывай, как там сегодня в этодз самом Комитете грамотности?

— А что рассказывать? Вот, посмотри доклад Комитета. Вместе с медалью вручили на память.

Приблизив глаза к плотному листу бумаги, Алексей Иванович прочел: «П. И. Макушин уже более двадцати лет неутомимо служит делу начального образования на одной из отдаленных и

наиболее нуждающихся в образовании окраин России — в Сибири, и трудится не в силу своих служебных обязанностей, не из желания извлечь из того для себя какие-либо материальные выгоды, а добровольно и бескорыстно из глубокого сознания необходимости и важности распространять путем школы и книги свет знания среди темного люда».

— Добровольно и бескорыстно — слышали бы это наши томские деятели. У них одно на уме: у Макушина своя выгода — из рубля делать четыре и все в свой карман.

— Меня это мало волнует, — отозвался Петр Иванович. — Другое заботит: долг надо отдавать. Я, выросший и получивший образование на трудовые копейки мужика, я у этого мужика вечный должник. Кстати, знаешь, сколько стоит мое образование? Я сегодня подсчитал — 735 рублей. Кажется, немного. А ведь у бедняка по копейке, по грошику вытянуто...

— Тебе себя корить нечего, — подал голос Алексей. — Твоя деятельность в деле распространения грамотности в Томске дала блестящие результаты. Девиз «Ни одного неграмотного» если не осуществлен, то близок к осуществлению.

— Ты прав. Начальная школа у нас стоит твердо. Но ведь из тех, кто поступает в гимназии, реальные училища, семинарии, кончает курс только половина. А другая половина в силу разных обстоятельств расплывается из учебных заведений на длинной, часто тернистой дороге от первого курса до последнего... Я уверен, что значительная часть этой второй половины неудачников может и желает учиться.

— Ну, а воскресные школы, народные чтения, наконец, бесплатная библиотека, разве это не выход из создавшегося положения? — возражал Алексей Иванович.

— К сожалению, это не речки, даже не ручейки, — отвечивал Макушин-старший. И продолжал: — Наш знаменитый сибиряк, Дмитрий Иванович Менделеев выразил свои мечты об этом так: пусть будет начальная школа в каждой деревне, младшие классы средней школы в каждом селе, старшие — в каждом городе, а то или иное высшее учебное заведение в каждом губернском городе.

— Ну, до этого еще очень далеко, — подал голос Алексей Иванович. — На всю Россию с населением в 160 миллионов около полутора тысяч средних школ и ста тысяч начальных. Кто-кто, а ты эту статистику лучше меня знаешь.

— Из всякого положения можно найти выход, — не унимался Макушин-старший. — Учиться можно и должно всю жизнь, от юности до старости. В русском языке существует хорошее слово — самообразование. Человек сам, по своей охоте и воле набирается знаний через книги, беседы, научно-популярные лекции. Но на практике часто такой энтузиаст оказывается, что называется, «без руля и без ветрил». Ведь по существу он сам собой руководит. Нет у него советчика, помощника.

— Но если даже такой руководитель и отыщется среди друзей и знакомых, он не сможет одинаково хорошо просвещать своего подопечного по математике и литературе, биологии и истории. Тут нужна целая группа специалистов.

— Уж не второй ли ты университет затеял открыть в Томске? — чуть насмешливо спросил Алексей Иванович брата.

— Ты угадал, именно университет, — серьезно ответил Петр Иванович. — Но только без всяких сословных и имущественных ограничений.

— Значит, для всех «званных и незванных»...

— Да, да, для всех, кто захочет систематически пополнять свое образование.

— Надеюсь, ты прекрасно понимаешь, что твои все — очень разные. У одних за плечами только начальная школа, у других — незаконченное среднее образование, а третьи — мечтают получить высшее образование.

— Я все это учел. В университете, кроме академического отделения, преследующего цели систематического высшего образования, будет научно-популярное отделение, своего рода подготовительная школа для лиц, желающих получить образование на академическом отделении, но не обладающих достаточной подготовкой.

— Да, пожалуй, я тебя понял, — посерьезнел Алексей Иванович. — Для одних твой университет будет совершенной новостью, для других — пополнением пробелов ранее полученного образования, а для третьих — возможность углубиться в какую-нибудь специальную область знаний. Но ведь вся эта система потребует просвещенных специалистов, хорошо оборудованных учебными пособиями научных кабинетов, библиотеки. Этакая махина тысяч на сто потянет.

— Сто тысяч мало. Нужно в три раза больше, — сказал Макушин-старший.

Вернувшись из Петербурга в Томск, Петр Иванович объявил домашним, что отказывается от собственного выезда. Потом последовало распоряжение: парадные обеды отменяются навсегда. Его больше не видели за карточным столом. Но самое главное — Макушин лишил себя путешествий, так благотворно влиявших на него в былые времена!

Окружающие поговаривали о некой «душевной болезни». И никому и в голову не приходило, что

его бережливость, близкая к скупости, объясняется мечтой об университете для народа. Верный жизненному принципу — не бросать слов на ветер, он не может открыть свои планы даже жене, довольствуясь только намеками. Так, в одном из писем к Елене Алексеевне, которая в это время находилась в Париже, есть такие строки: «В последние годы я черпаю энергию и примирение с тяжелой подчас работой, когда мне удастся что-либо сделать на пользу народного просвещения, и чем шире объект моего дела, тем больше я испытываю удовольствия и тем больше является во мне охоты и энергии к новому собиранию средств, чтобы получить возможность вложить их в какое-нибудь новое общепольное дело».

Но, видимо, такое объяснение не удовлетворило жену, и Макушин снова в тот же год возвращается к больному вопросу: «Ты, дорогая моя, часто упрекаешь меня за мою экономию в тратах на себя и на семью. Поверь мне, эта экономия не от пристрастия моего к деньгам, а от крепко вкоренившегося в мою душу сознания, что я обязан все лишнее, в форме возможно прочной и разумной, отдать на дело просвещения народных масс. Если бы не эта постоянно гложащая мою душу мысль, я давным-давно бросил бы торговлю, неизбежно сопряженную с волнениями и беспокойством». Следы нравственного спора с родными содержатся и на полях духовного завещания.

«Наклонность к излишествам и роскоши, недостаток бережливости проистекают от незнания цены деньгам и игнорирования того, что деньги — эквивалент труда».

Далее следует такая приписка: «Претензии и требования привилегированных условий для своего существования ничем не заслуженных и не

необходимых происходят от оценки своей личности выше ее действительной стоимости и от забвения того, что многим из окружающих нас «очень холодно».

Есть там и еще одна знаменательная запись: «Для жизни, поставившей себе целью служение какому-либо общественному идеалу, материальных средств требуется немного. И только такая жизнь имеет цену. Жизнь праздная, хотя бы в роскоши и довольстве, родит пустоту, скуку и недовольство».

Эту запись заключают такие слова: «Для счастья человека необходим постоянный труд, и не только для себя, но полезный и для других».

Сам того не подозревая, на полях юридического документа Макушин оставил свод нравственных правил, которым следовал всю жизнь. Именно эти правила и помогали ему медленно, но верно двигаться к осуществлению своей мечты об университете для народа.

Первой ступенькой в этом направлении было открытие в августе 1902 года «вечерних общеобразовательных классов для взрослых обоего пола». Несмотря на то, что попечитель учебного округа Лаврентьев потребовал обязательного представления каждым слушателем свидетельства о благонадежности, более двухсот пятидесяти человек было зачислено в вечерние классы.

Когда затея со свидетельствами о благонадежности провалилась, Лаврентьев отказал «классам» в аудиториях Технологического института. «Классы» вынуждены были ютиться в помещении «дешевой столовой».

«В крайней духоте и при температуре, иногда доходившей до +25°, курсисты занимаются ежедневно от 6 до 10 часов вечера. При таких условиях, задыхаясь и обливаясь потом, преподаватели

должны читать лекции, а курсисты — слушать их и иногда записывать, причем часть из них сидит вполуоборот, а часть стоит целые лекции на ногах...»

Эти строки взяты из заявления Макушина, внесенного им в городскую Думу.

Тогда-то, весной 1902 года, в связи с хлопотами об общеобразовательных вечерних классах в бумагах Макушина впервые появляется словосочетание — «Народный университет». Жертвуя 500 рублей на приобретение пособий для «классов», он выражает надежду, что «классы» «выльются» в конце концов в учреждение в Томске всем доступного «Народного университета».

В начале 1905 года родился на свет документ, по которому он сам и его наследники — жена Елена Алексеевна, сын Петр, дочери Елизавета и Викторина — обязывались «ежегодно отчислять из своих средств три тысячи рублей, пока капитал, увеличиваясь процентами, не возрастет до ста тысяч, чтобы затем на проценты с этого капитала открыть и содержать в Томске «Народный университет».

Вольный ветер надвигающейся революции всколыхнул даже городскую Думу. Иначе чем объяснить тот факт, что Дума не только поддержала предложение Макушина об открытии в Томске «Народного университета», но и постановила «ассигновать для этой цели из городских средств ежегодно по 3 тысячи рублей, вплоть до открытия университета».

Другое веяние времени выразилось в том, что идею о Народном университете приняло крестьянство. Первым откликнулся Тальменский волостной сход. Уже в июне 1905 года в Томск прибыли деньги и постановление схода: «Вполне сознавая

всю важность нарождающегося храма науки, открывающего свои двери и для нас, крестьян, и всей душой сочувствуя его осуществлению, мы единогласно постановили пожертвовать на Народный университет 50 рублей».

Кроме тальменских крестьян еще пять волостных сходов Томской губернии выделили деньги на «храм науки».

Активными жертвователями на нужды университета были чиновники и служащие различных учреждений.

Желание иметь свой университет так крепко утверждалось среди имущих и малоимущих томичей, что даже страшные годы реакции не приостановили сбор добровольных средств. К концу 1909 года будущий Народный университет располагал суммой почти в 50 тысяч рублей.

За год до этого правительством был разрешен первый Народный университет, открытый в Москве, на деньги и стараниями А. Л. Шанявского. В первый набор была зачислена почти тысяча слушателей. Половина из них — женщины. В своих анкетах слушатели Народного университета писали, что желают «расширить кругозор», «подготовиться к общественной деятельности», «развить свое мировоззрение, дабы правильно разбираться во всех общественных явлениях».

Эти документы были обнародованы на I Всероссийском съезде деятелей обществ Народных университетов, который прошел в том же 1908 году. Сам факт созыва такого съезда подсказывал Макушину, что с открытием Народного университета в Томске надо торопиться. Ведь университет будет в Сибири первым.

В канун Рождества Петр Иванович пригласил младшего брата для беседы. После роковых событий 1905 года Алексей Иванович переменялся:

потерял интерес к Томску, остыл к общественным делам.

Макушин-старший хорошо понимал: вернуть брата обществу может только дело. Дело крупное, масштабное.

Усадив брата за письменный стол, пододвинул ему бумагу: «пиши».

«Я, Петр Иванович Макушин, имею честь заявить городской Думе о своем желании пожертвовать в ее распоряжение на строительство здания Народного университета сто тысяч рублей».

— Сто тысяч! Ты с ума сошел! Откуда у тебя такие деньги? — изумился Алексей Иванович.

— Ты прав. Ста тысяч не имею... Пока имею двадцать пять, буду вносить частями года четыре, а может, и пять лет, там видно будет... А ты пиши, пиши:

«Сто тысяч рублей на следующих условиях: первое — городская Дума должна отвести под проектируемое здание достаточно обширный участок земли...»

— Вот это дальновидно. Ведь в будущем всегда может появиться потребность расширить Народный университет постройкой новых добавочных зданий, — удовлетворенно произнес Алексей Иванович.

— «Второе, — продолжал диктовать Макушин, — выстроенное здание, составляя собственность Томского городского общественного управления, должно на вечные времена служить: а) для Народного университета и всех его отделений и научных кабинетов, какие со временем могут при нем образоваться; б) для Совета общества содействия устройству сельских бесплатных библиотек в Томской губернии; в) для Советов и правлений всех других местных ученых и просветительных обществ».

— Мне кажется, надо особо выделить народных наших учителей. Ты же знаешь, как они мыкаются с помещениями, когда проводят свои съезды, — снова подал голос Алексей Иванович.

— Ты прав, — согласился Макушин. — Обязательно запиши это условие и еще добавь, что учителя имеют право бесплатного посещения всех лекций в Народном университете и всех его кабинетов.

— А знаешь, хорошо бы в летнее время устраивать в университете бесплатные курсы для учителей, — оживился Макушин-младший.

— Замечательная идея! Ты пиши, пиши... Записал? Теперь далее: «Городская Дума должна образовать из граждан города особый строительный комитет для выработки плана и сметы проектируемого здания, а затем для наблюдения за постройкой оною. Председателем строительного комитета предлагаю выбрать моего брата Алексея Ивановича Макушина».

Стоя в своем излюбленном месте, у кафельной печки, Петр Иванович видел, как при последних словах дрогнуло перо в руках Алексея. И вот он уже отбросил перо, развернулся всем корпусом, вскочил со стула и бросился через весь кабинет к брату.

— Спасибо!

Через несколько дней Дума, приняв все условия Макушина, постановила отвести для постройки Народного университета участок земли в районе Воскресенской горы, на Соляной площади.

Из семи проектов, представленных на конкурс, первой премии удостоился проект под девизом «Свет». Его автор — гражданский инженер Андрей Дмитриевич Крячков. За его плечами были уже премированные проекты коммерческого собрания в Москве, Военно-исторического музея в Пе-

тербурге, театра в Ярославле, мужской гимназии в Ростове.

Опытная рука Крячкова умело расположила 8 аудиторий на тысячу человек, 7 кабинетов, библиотеку, столовую, комнаты для дирекции и служащих.

Торжественная закладка здания состоялась 1 мая 1911 года, а через 17 месяцев здание было уже готово.

Его открыли 7 октября 1912 года. На следующий день газета «Сибирская жизнь», давая отчет о прошедших торжествах по случаю открытия «Дома науки», — так решено было называть Народный университет, пока не будет официально принят его устав, — писала: «Еще весьма недавно, около двух лет тому назад, на том месте, где теперь высится здание «Дома науки», стояла харчевка.

Площадь, на которой она была расположена, напоминала грязный, небольшой сельский базар. Здесь не было сутолоки, но было все остальное, свойственное базару: скверный запах отбросов и навоза, бойкая брань мелких торговцев и обитателей ночлежных домов, явившихся сюда — кто «пообедать, кто продать, кто просто «объегорить».

С начала прошлого, 1911 года место это уже было загромождено строительными материалами.

В конце марта уже рыли фундамент будущего народного храма Знания, а первого мая был положен первый кирпич памятнику гражданственности и гражданину-борцу с народным невежеством — Петру Ивановичу Макушину.

Уже к концу строительного сезона 1912 года, когда были убраны леса и остатки строительных материалов, — на площади высилось здание, строго выдержанным, стильным своим фасадом напоми-

нающее, что «Дом науки» — плод гражданской самодеятельности — станет местом, «куда не зарастет народная тропа».

Стеклянным куполом своим «Дом науки» смотрит в небо и зовет к звездам тех, кому нет места среди сытых и счастливых, но кто трудом своим в нужде, тьме и грязи строит человеческое будущее».

Далее «Сибирская жизнь» сообщала, что к 12 часам дня на Соляную площадь прибыли: представители городского духовенства во главе с архиепископом томским и алтайским, представители губернской администрации во главе с томским вице-губернатором, чины министерства народного просвещения, военного министерства, представители культурно-просветительных и общественных организаций, представители профессуры университета и Технологического института, представители преподавательского состава средних и низших учебных заведений, представители ведомства земледелия и землеустройства, представители магистратуры и адвокатуры, общественные деятели, представители местной и столичной печати, томского городского самоуправления во главе с городским головой, гласные Думы и многие другие.

Всего, как информировала своих читателей «Сибирская жизнь», число собравшихся достигло тысячи человек.

К удивлению присутствующих, свою речь Макушин-старший начал со статистики: «В то время как десятина земли в среднем дает в Бельгии 176 пудов пшеницы, в Англии — 158, в Германии — 137, в России дает только 54 пуда. Та же статистика показывает, что среднее потребление хлеба на каждого человека в год равняется: в Бельгии — 20

пудам, во Франции — 16 пудам и 9 фунтам, в земледельческой России — 13 пудам 16 фунтам. Потребление некоторых из обычных повседневных предметов роскоши, показывающее достаток населения, выражается в таких размерах: сахара расходуется в год на человека в Бельгии — 37 фунтов, в Англии — 15 пудов 6 фунтов, в Северо-Американских штатах — 2 пуда 6 фунтов, во Франции — 37 фунтов, в России — 17 фунтов. Потребление чая и кофе: в Бельгии на одного человека — 10,5 фунта, в Англии — 7,5 фунта, в Нидерландах — 22 фунта, в Северо-Американских штатах — 12 фунтов, в России — 67 золотников. Такая же неутешительная статистика дается и по нашей промышленности, — отметил Макушин и продолжал: — Мы, несомненно, бедны. Причина этого печального положения нашей родины — ее невежество: 80 процентов ее населения совершенно неграмотно; 8,5 миллиона детей школьного возраста остаются даже без начальной школы, в средних школах находится один из 413, а в высших — один из 3500 жителей. Для полноты прибавим, что полный курс средних и высших учебных заведений проходит только половина из этих счастливыхцев.

Кроме материального богатства и благосостояния, обуславливающих степень народного образования, есть еще более ценное благосостояние — моральное, состоящее в широком развитии среди всех классов общества гуманности, живого и бодрого стремления к возможному достижению высоких идеалов законности, всеобщего братства и равенства. Но и это благосостояние достижимо только при культурном развитии по возможности всех членов общества.

И для поднятия нашего материального благосостояния, и для завоевания и широкого развития

морального необходимо, чтобы образование широкой волной прокатилось по нашей родине, достигло самых глухих углов и напоило всех жаждущих знания.

По мысли учредителей, Народный университет и должен служить этой цели. Народный университет не имеет в виду отбивать людей от профессионального их дела, от службы, от ремесла, чтобы всех превращать в своего рода бакалавров. Важно, что люди промышленного и всякого иного труда или административного дела, как граждане, имеют такое же право и запросы на благо науки, гуманности, словесности, как и люди так называемых либеральных профессий.

Экономическое или административное дело ничем не хуже дела судьи, доктора, учителя и, оставаясь верными своему делу, они должны иметь возможность, так же как и их собратья, образовывать свою «святая святых», отдыхать душой и искать крепости в житейской борьбе в том высоком и благородном, что дают наука и литература.

Поистине счастливы те, в ком сохраняется эта жажда знания. Задача Народного университета поддерживать и раздувать этот священный, животворящий огонек» — так закончил свою речь в знаменательный день 7 октября 1912 года Петр Иванович Макушин.

Вечером, перебирая в памяти впечатления этого дня, Петр Иванович ясно видел лица своих единомышленников и друзей, слышал их голоса. Вот от имени младших преподавателей императорского Томского университета говорит первый ботаник Сибири, приват-доцент Порфирий Никитич Крылов:

«Каждый должен пройти университет» — вот завет нашего великого учителя жизни, память ко-

того мы недавно чествовали — Николая Ивановича Пирогова. Сегодня мы присутствуем при начале осуществления этого завета. В настоящее время, время глухой реакции, время разрухи высшей школы, когда лучшие представители ее вынуждены покинуть ее, мы не можем удержаться, чтобы не высказать пожелание: пусть вся наша великая родина покроется свободными школами. В них залог нашей свободы, нашей культуры».

Вот над толпой приглашенных легко вознесся сухощавый, загорелый человек, небольшого роста. Редкие седые волосы развеваются на осеннем ветру. Все взоры обращены к нему: известный русский путешественник Григорий Николаевич Потанин. Он представляет «Томское общество изучения Сибири». «Та шелуха современности, которою осыпается возникновение этого учреждения, скоро отлетит, а останется лишь то разумное, доброе, вечное, что положено в основу этого учреждения и что с любовью и признательностью будут помнить грядущие поколения», — бросает Потанин в толпу пророческие слова.

Потанина сменяет красивый рослый мужчина с едва заметной проседью в густых волосах — писатель и инженер Вячеслав Яковлевич Шишков. Он выступает от лица томского литературно-художественного кружка. Речь его изысканна и картинна, но в ней есть важная мысль:

«Пусть двери «Дома науки», этого посредника между интеллигенцией и народом, будут широко открыты не только демократическим слоям городского населения, но и исконному кормильцу-пахарю, и полудикому инородцу, затерявшемуся в необъятных просторах Сибири».

Директор высших женских курсов профессор В. И. Саввин словно вторит писателю Шишкову:

«Свет знания, засиявший в «Доме науки», далеко разливая свои лучи, смягчит ту резкую грань, которая существует между немногими избранниками судьбы, приобщенными к высшему образованию, и широкой народной массой». Свою речь профессор закончил словами: «С чувством понятной зависти взирая на эти красивые величественные стены, высшие женские курсы льстят себя надеждой, что и для них в обширной Сибири найдется столь же великодушный жертвователь, что он выведет их из бедной лачуги и навсегда свяжет свое имя с построенным для них собственным зданием».

«Профессор прав, — подумал Макушин, — вот уже два года прошло со дня открытия курсов, а они все ютятся на Еланской, в двух деревянных домах». Петр Иванович устало потянулся к блокноту и сделал в нем какую-то запись.

На глаза попалась пачка телеграмм. Утром он лишь бегло просмотрел их, а сейчас пришло время почитать внимательно.

«Радуюсь — при жизни ты увидел свой памятник бессмертный. Светлый образ твоей жизни дал тебе великую радость под старость. Просветителю Макушину слава! Сытин»

«Светлый образ твоей жизни дал тебе великую радость под старость», — как замечательно угадал Иван Дмитриевич Сытин, как по-доброму выразился. А ведь не один он. Вот целая пачка телеграмм. Пятьдесят, а то и больше будет. А что, если увековечить все эти, идущие от сердца слова? Пусть будущие поколения знают. И приветствия напечатать, и речи, и телеграммы. А в конце привести поименно список всех жертвователей на университет. Считали они как-то с братом — 1067 человек набралось. Самый крупный взнос — 2700 рублей поступил от Надежды Иосифовны Борисовой, родной сестры первой жены, покойницы Ели-

заветы Иосифовны, самый малый — 2 копейки от человека, который не пожелал назвать своей фамилии, а укрылся за буквой «З».

Вскоре издание, задуманное Петром Ивановичем Макушиным, вышло. В нем среди речей, приветствий и телеграмм по случаю открытия «Дома науки» был приведен обстоятельный доклад председателя строительного комитета Алексея Ивановича Макушина. Доклад Макушина-младшего заканчивался словами: «Пожелаем, чтобы боль о темноте массы не только была понятна, а чтобы она сильно, резко щемила наше сердце. Чтобы наше любовное внимание к Народному университету всегда успешно защищало его от грубых и неосторожных прикосновений».

Эти «грубые и неосторожные прикосновения» начались буквально через месяц после открытия «Дома науки».

На заседании Думы, посвященном обсуждению проекта устава университета, первым взял слово профессор Базанов. Его возмутило в первую очередь то, что в проекте к чтению лекций в Народном университете допускались лица с высшим образованием, а не с учеными степенями. «Не имеющий ученой степени — не есть ученый авторитет, заведение, имеющее преподавателями лиц с высшим образованием, не может носить звание «университет».

Затем Базанов зачитал строки проекта: «К слушанию лекций и прочим занятиям в университет допускаются лица обоего пола не моложе 16 лет без различия национальности и вероисповедания...» «Где же ценз? — вопрошал Базанов. — Если от слушателя не требуется подготовки, что же под руководством ученого он будет делать? Или вы думаете, что «науку» можно преподавать извозчикам?»

Свою ответную речь Макушин начал как бы издалека: «Богатый человек бывает доволен своим обедом только тогда, когда тот приготовлен и сервирован по всем правилам кулинарного искусства. Человек недостаточный и особенно бедняк будет бесконечно благодарен, если вы дадите ему здоровую, питательную пищу. Так и с университетом, — продолжал Петр Иванович. — Речь идет об открытии не правительственного университета, а народного., который должен быть доступен всем».

Опасаясь, что проект устава будет провален, Макушин согласился на внесение в параграф о преподавателях слов — «в случае недостатка в лицах с учеными степенями допускать лиц с высшим образованием»; в параграфе о слушателях вставить слова — «с цензом не ниже городского училища».

С принятым томской городской Думой проектом устава Макушин выехал в Петроград, чтобы представить проект в Министерство народного просвещения.

Только через год министр просвещения Кассо ответил по этому вопросу томскому губернатору официальным письмом. В нем были такие роковые строки: «...признавая со своей стороны учреждение подобных учебных заведений нецелесообразным и нежелательным, я считаю невозможным дать одобрение настоящему ходатайству».

Именно в те февральские дни 1914 года, когда многие в Томске говорили, что предпринимать какие-то новые действия бесполезно, надо ждать смены или смерти Кассо, в тетради появилась запись: «К счастью или несчастью, природа не наделила меня добродетелью выжидателя, и я твердо решил во что бы то ни стало добиться разрешения на открытие университета».

За словами, как всегда, у Макушина последовало дело. Семидесятилетний «фанатик просвещения», как его называли когда-то томские недруги-гласные, снова отправляется в Петроград. По дороге созревает план действий. Главное место отводится в нем столичной прессе.

Действительно, уже 9 апреля 1914 года в газете «Вечернее время» появляется беседа корреспондента газеты с Макушиным. Публикации дан броский заголовок «Борьба с просвещением». На следующий день газета напечатала мнения депутатов Государственной Дум» по этому вопросу. «Действия Кассо рассматриваются как одно из проявлений вполне определившейся деятельности нынешнего министра народного просвещения», — извещало своих читателей «Вечернее время».

Откликнулись на это событие и другие газеты. Фельетоны, карикатуры следовали друг за другом. Особенно хлестким был фельетон в газете «Современное слово»¹. Назывался он «В некоем ведомстве».

«В некоем царстве, не в нашем государстве было некое ведомство.

Именовалось оно ведомством просвещения.

Все там шло хорошо.

Вдруг тревога.

Вбегает запыхавшийся чиновник.

— Ва-ва-ва-ше-ство.

— Что случилось?

— Бе-бе-да.

— Где?

— В Томске. Там такое затеяли, такое... За человека страшно. Окончательно загубить народ хотят...

— Что же, там дом разврата затевают, «лигу любви», может быть, устроили, совращение ма-

лолетних?.. Игорный дом, притон, огромный трактир на весь город, воровскую школу, академию хулиганства?!

— Нет, ваше-ство. Это все не страшно. В этом ведь нет никакой политики. Нет, ваше-ство, там такое затеяли, такое...

— Да не томите вы, говорите толком, что затеяли?

— На-род-ный университет. Вот что затеяли.

— Вот как! Ну, это дудки. Не дадим им денег и баста. Ни гроша не отпустим, и вся затея лопнет.

— То-то и оно, ваше-ство, что господин Макушин три тысячи пожертвовал.

— Эка невидаль — три тысячи. Что он на три тысячи сделает? Сторожа мундиры сшить впору на три тысячи, а дальше-то как? Попросят субсидии, а мы им скажем: «Когда рак свистнет, тогда и получите».

— То-то и беда, ваше-ство, что пожертвования так и текут. Уже сто тысяч набрали, да вот и город на помощь идет.

— А... Это другое дело. Надо принять меры...

— Какие же меры, ваше-ство?

— Очень просто, запретить...

— Неловко, ваше-ство. Ведь ведомство у нас такое, что как будто обязывает.

— Ну да, обязывает запретить, остановить, прекратить. На то мы и существуем, чтобы блюсти неприкосновенность просвещения, а какая же будет неприкосновенность, если всякое частное лицо получит возможность к нему прикоснуться.

— Слушаюсь, уф, камень с плеч свалился...»

Выступление прессы, как и предполагал Макушин, не могло остаться без последствий. В конце апреля 1914 года министр пригласил Макушина для объяснений. Кассо начал, что называется, сразу, с места в карьер:

— Учреждению народных университетов я не сочувствую и нахожу их ненужными и бесполезными, — сразу поставил все точки над «и» министр и продолжал: — Я был бы очень благодарен вам, если бы вы изменили назначение сделанного вами пожертвования. Откройте гимназию, учительский институт или какое угодно учебное заведение, только не Народный университет.

— Ваше превосходительство, — сдержанно отвечал Макушин. — Гимназия в Томске есть и не одна даже, есть и учительский институт, а заведений, где каждый желающий, а таких в Томске сотни, мог бы приобщиться к высшему знанию, нет. Учреждение Народного университета отвечает запросам не одного только Томска, но и всей Сибири. Ученые силы имеются в наличии — корпорация профессоров правительственного университета и Технологического института. Здание мною выстроено. Остановка за вашим разрешением.

— А где ручательство, что ваш Народный университет не обратится в революционную школу и не создаст кадры революционеров? — отвечивал Кассо.

— Ваше превосходительство, с вашего разрешения существует Народный университет в Москве.

— Москва — не Сибирь, здесь контроль, — отрезал министр.

— В Томске, ваше превосходительство, живет попечитель учебного округа, там же резиденция жандармского начальника Западной и Восточной Сибири, — не теряя терпения, проговорил Макушин.

— Вижу вы, господин Макушин, очень упрямый человек.

Министр встал, давая понять, что аудиенция окончена.

Уже в приемной Петр Иванович заметил в числе ожидающих попечителя Лаврентьева. Понял: скорее всего, дело о Народном университете будет оставлено без движения и сдано в архив.

Так оно и вышло. Только через год, в марте 1915 года «дело» о Народном университете появилось на столе министра. Но уже нового министра — графа Игнатьева, сменившего умершего Кассо.

Граф любезно принял Макушина, снова явившегося в столицу хлопотать об открытии университета. Внимательно выслушав всю историю Народного университета, Игнатьев обещал пересмотреть «дело».

Вскоре в Томск от Игнатьева пришло собственноручное письмо. Министр сообщал, что, ознакомившись с бумагами об университете, «не встретил препятствий к открытию означенного просветительного учреждения». В письме содержалась только просьба переработать устав Университета в соответствии с правилами к закону 1 июля 1914 года о частных учебных заведениях, классах и курсах Министерства народного просвещения.

Дело считалось законченным. В городе заговорили о торжествах по поводу открытия Народного университета. Но вдруг из Министерства прибыла новая бумага. Предлагалось «Народный университет» заменить каким-либо другим названием, т. к. «наименование данного просветительного учреждения университетом не соответствует понятию об университете, как оно сложилось в истории русской жизни». Как раз в это время в Томск приехал Николай Александрович Морозов, революционер, ученый, писатель. Вместе с женой Ксенией Александровной он путешествовал по Сибири, читал лекции, встречался с местной ин-

теллигенцией. Как-то после лекции в зале общественного собрания Григорий Николаевич Потанин представил Морозову Макушина. Сразу же заговорили о судьбе Народного университета. Макушин сообщил, что ему предложено название «Народный университет» заменить каким-либо другим. Морозов возмутился:

— Помилуйте, Народный университет — это вид новой свободной школы, полусредней и полувысшей, отвечающей пробудившейся в народных массах потребности в знании и просвещении.

— Образец прочно поставленного и хорошо оборудованного Народного университета мы имеем в Москве, — вмешался Потанин. Так и пишите в Петербург, на Народный университет им. Шанявского и ссылайтесь. Ведь проектируемое в Томске просветительное учреждение однородно по своим задачам с этим университетом.

Только через четыре месяца после нового разъяснения, составленного Макушиным и посланного в столицу, городская Дума получила из Министерства утвержденный 9 января 1916 года устав «Томского городского народного университета».

Много позже граф Игнатьев вспоминал, что ему стоило больших трудов выбрать подходящий момент и доложить Николаю II, не сочувствовавшему учреждению народных университетов, о ходатайстве томской городской Думы. Скрепя сердце царь дал согласие, обронив: «Надеюсь, впредь этого не будет».

День 26 января 1916 года, когда в руках у Макушина оказался утвержденный устав Народного университета, стал самым светлым днем его жизни. Он так и отметил в своей тетради: «Навсегда самый светлый день» и добавил: «В ознаменова-

ние этого дня для увеличения средств Народного университета подношу Городскому общественному управлению новый дар — недвижимое имущество по Монастырской улице, 2, состоящего из двух деревянных и одного каменного трехэтажного домов, стоимостью 125 тысяч рублей, приносящих валового дохода около 10 тыс. рублей ежегодно».

А утром, спустившись в библиотеку и найдя свою дочь на привычном рабочем месте, он протянул ей газетный листок.

— Прочитай, пожалуйста, только вслух.

Елизавета Петровна развернула номер «Сибирской жизни», нашла отчеркнутую красным карандашом колонку. Спросила:

— Ты имеешь в виду речь беллетриста Шишкова на торжестве по поводу открытия «Дома науки» в 1912 году?

— Да, да, — нетерпеливо сказал Петр Иванович.

— «Пусть двери «Дома науки», этого посредника между интеллигенцией и народом, будут широко открыты не только демократическим слоям городского населения, но и исконному кормильцу-пахарю, но и полудикому инородцу, затерявшемуся в необъятных просторах Сибири».

— Вот, вот, именно это место, — подтвердил Макушин и продолжал: — Четыре года назад, когда я слушал Шишкова, то впервые отчетливо представил себе, какая масса людей, живущих вне Томска, даже с открытием университета будет лишена возможности послушать людей науки, приобщиться к богатствам знаний. Где же выход? А вот где: университет в лице своих профессоров должен сам приблизиться к слушателям. Я решил; как только университет будет открыт, создать при нем постоянное лекционное бюро. Лучшие лекторы университета будут выезжать в самые отдаленные

уголки Сибири, чтобы нести в массы свет и знания. А средства на эти поездки дадут мои дома по Монастырской. Я сегодня же оформлю этот дар.

Дар Макушин оформил. Но лекционное бюро создано не было. Так же как не был открыт и Народный университет. Шла Первая мировая война. Здание «Дома науки» с первых дней войны заняли войска, а другого подходящего помещения для временного размещения Народного университета в городе не нашлось. «Повторяется досадная сказка о киселе и ложке. Была возможность открыть университет, не было разрешения; дано разрешение — нет возможности», — с горечью отметил Макушин в своей тетради.

Мог ли он предполагать, что открытие Народного университета состоится только через девять лет — в октябре 1925 года, уже при Советской власти Ленинградская «Красная газета» даст такое краткое сообщение: «Торжественно открыт первый в Сибири народный университет. Почетным председателем университета избран старейший деятель народного образования в Сибири — Петр Иванович Макушин, 80-летний старик».

КУЛЬТУРА И ПОЛИТИКА НА ЮБИЛЕЕ

«Весь коридор гудел, как растревоженный улей, а из некоторых камер неслись отчаянные вопли... М-лов, человек худощавый, желчный, с обозленными глазами, видимо, смотрел на эти вопли, как на крайнее проявление беспорядка и даже бунта. Приказав открыть одну дверь наискось от меня, он вошел туда, и я слышал отрывками его жестокую речь. Мне было слышно не все, но то, что слышал и что мне потом передавали, поразило меня

крайней степенью бюрократического цинизма. Содержание речи было кратко: «Кто вы такие?.. Арестанты, то есть преступники. На кого хотите жаловаться?.. На чиновников, то есть на царских слуг. Кому же я должен верить — преступникам или царским слугам?.. Поэтому — никаких жалоб...»

Эти строки, переписанные рукой Макушина, с пометкой: «Владимир Галактионович Короленко «История моего современника», были приколоты к одному из листов заветной тетради с разъяснением: «М-лов — губернатор Мерцалов. Но я знавал и худших губернаторов, например, Булюбаш».

До постройки Транссибирской магистрали преступники, ссылаемые в Сибирь на каторгу и поселения, часть пути от Тюмени до Томска преодолевали по воде. Для этого были выделены специальные баржи, на которых размещали 500 — 600 арестантов. Когда очередная партия прибывала в Томск, она доставлялась в специально выстроенную на окраине города «пересыльную тюрьму». Десяток небольших деревянных корпусов служил временным пристанищем тем, кому предстоял дальнейший путь в самые отдаленные места Томской губернии. С раннего лета до поздней осени «пересыльная тюрьма» находилась в движении: одних отправляли, другие прибывали. К зиме все затихало. В холодных, не приспособленных к суровым сибирским морозам бараках, оставались немногие. Но дождливое лето 1889 года изменило этот заведенный порядок. Раскисли, расползлись дороги. Одна за другой задерживались партии, прибывавшие на баржах. Наступил момент, когда в «пересыльной», рассчитанной на 500 человек, скопилось 1500 осужденных. И тотчас вспыхнула эпидемия тифа.

Тюремные врачи Аккерман и Оржешко выде-

лили для тифозных специальный барак. Через два дня он был переполнен. Тогда для больных отвели часть тюремного двора. Одно время их разложили прямо под открытым небом. Наступившие ранние холода вынудили администрацию отказаться от этого решения вопроса. Во двор из больничного барака были вынесены все кровати, чтобы высвободить место для все прибывающих несчастных. Они лежали вповалку на полу, в плохо проконопаченном помещении при температуре -1° , иногда даже -2° .

Вот тогда-то врач Оржешко разыскал Макушина и официально доложил ему как «директору Томского попечительного о тюрьмах комитета» о создавшемся положении.

«Задачи попечительного комитета — заботиться о заключенных, способствуя их исправлению и возрождению к нормальной жизни и деятельности подкупили меня, и я принял на себя звание «директора Томского попечительного о тюрьмах комитета», — напишет впоследствии Макушин и добавит: «Тридцатилетнее мое пребывание в этом звании при подозрительности властей не оправдало моих планов об устройстве для заключенных чтений и бесед. Роль директора ограничилась участием при производстве торгов на разные предметы и продовольственные припасы для арестантов, а также контролем за их доброкачественностью при доставке. Вмешательства в жизнь и времяпровождения арестантов не допускалось. Жизнь арестантов была в полном ведении начальника тюрьмы и губернатора».

Так случилось и на этот раз. Комитет был созван, «о положении больных арестантов в пересыльной тюрьме доложено». Но вот слово взял губернатор Булюбаш и раздраженно заявил: «аре-

станты — преступники и лучшей участи не заслуживают». На возражение Макушина, что в задачи попечительного комитета не входит посягательство на здоровье и жизнь арестантов, губернатор ответил: «если и умрут, то потеря небольшая.., «худая» трава с поля вон». Возражать Булюбашу никто не посмел.

Но не в правилах Макушина складывать оружие. Да и не привыкать ему воевать в одиночку. Выход один — вмешательство столичной прессы. Пусть выступление солидной газеты заставит центральную тюремную администрацию там, в Петербурге, вмешаться в томские дела. Выбор пал на газету «Новое время». С ее издателем Сувориным был знаком по книготорговле.

На следующий день после заседания попечительного комитета знакомый Макушину телеграфист «отстукал» подробную телеграмму в Петербург о создавшемся угрожающем положении в «пересыльной» тюрьме. Причем по цензурным соображениям Макушин воздержался от обвинения местных властей в бездеятельности и невнимании к арестантам, а всю вину сложил на недостаток средств. Кроме того, он сделал еще один мудрый шаг: копию телеграммы распорядился послать томичу Ефимову, находившемуся в то время в Петербурге.

— Получив копию, и не видя ее появления в газете, Ефимов отправился в редакцию узнать причину этого, — вспоминал через много лет Макушин. — Здесь ему сообщили, что всякие заметки по тюремным делам редакция обязана предварительно сообщать Галкину-Врасскому, главному тюремному инспектору. То же было сделано и с моей телеграммой. Ответ Галкина-Врасского был такой: «ни под каким видом не печатать». Единст-

венным результатом моей телеграммы было телеграфное распоряжение Галкина-Врасского томскому губернатору ежедневно сообщать телеграммой о состоянии температуры воздуха в больнице пересыльной тюрьмы. Телеграммы посылались ежедневно в течение недели, а потом были отменены. Все осталось без изменений, «худая трава» обильно заполнила в ту зиму местное кладбище...»

Весной 1890 года новым томским губернатором, после скоропостижной смерти Булюбаша, был назначен Тобизен. Вскоре он посетил пересыльную тюрьму и был поражен состоянием больницы. Поступило распоряжение: немедленно приступить к ремонту. К осени того же года больница была приведена в порядок. Именно в это время с инспекторской проверкой прибыл в Томск Галкин-Врасский.

На другой день был назначен осмотр губернской, а потом и «пересыльной» тюрем. Кроме Тобизена и Галкина-Врасского к осмотру были приглашены и члены попечительного комитета, в том числе и Макушин. Когда вся компания подошла к зданию больницы, губернатор обратился к важному гостю:

— Ваше превосходительство, я сознаюсь в своем преступлении: израсходовал тысячу рублей на ремонт больницы. Приехав в Томск, я нашел больницу в бедственном положении; в щели дуло так, что гасло пламя свечи, холод стоял такой, что требовалось оттаивать микстуру, прежде чем дать ее больному. Ремонт был необходим...

«Все это время я стоял около инспектора и смотрел ему в глаза, — записал Макушин в своей тетради. — Веселость генерала пропала. Он набросился на доктора Оржешко: «Что вы смотрели?

Вас нужно под суд отдать! Вы должны были донести мне об этом. Оржешко спокойно ответил: «Все сказанное здесь господином губернатором справедливо, в делах попечительного комитета вы найдете неоднократные мои донесения об ужасном положении больницы, а писать лично вам, соблюдая субординацию, я не имел никакого права. Я подчинен губернатору».

После осмотра больницы, которым Врасский остался доволен, губернатор представил ему членов попечительного комитета. Когда речь дошла до Макушина, генерал начал вспоминать обстоятельства, по которым в его памяти сохранилась эта фамилия. Наконец, вспомнил и даже в лице переменялся: телеграмма.

— Вы не можете себе представить, — холодно обратился он к Макушину, — какой скандал могла бы произвести ваша телеграмма, появившись в печати, скандал не только в России, но и за границей. На съезде, происходившем в Риме, наши тюрьмы были признаны образцовыми, и вдруг такой скандал. Я совершенно не понимаю, что заставило вас послать такую телеграмму?

Макушин начал было говорить, что телеграмма соответствовала действительности, но генерал перебил его, сославшись на то, что губернатор целым рядом телеграмм доносил ему, что температура в больнице никогда не была ниже +10°.

«Аудиенция окончилась, я скрепя сердце раскланялся и ушел», — отметил Макушин в своей тетради.

Аудиенция закончилась. Но не прошла, не утихла боль за всех страждущих по губернским тюрьмам. Статистика показывает, что с каждым годом число арестантов растет. Причем многие попадают за решетку по второму, по третьему разу. Как

правило, большинство начинают нарушать закон с юных лет, проходят исправительные колонии и приюты, прежде чем стать завсегдаем государственных тюрем. А как сделать так, чтобы раз оступившийся забыл дорогу в «губернский замок»?

Летом 1895 года Макушин, отправляясь в Петербург по торговым делам, вносит в свою записную книжку: «посмотреть исправительную колонию несовершеннолетних». Действительно, в один из погожих летних дней он нанял пролетку и поехал на 12 версту Коломяжской дороги. Там, в бывшем имении Звягинцевых, расположилась земледельческая колония. Ее обитатели, несовершеннолетние преступники, выглядели крепкими, румяными. Свои обязанности по хозяйству исполняли с чувством собственного достоинства, аккуратно и умело. Вспомнил своих первых учеников из «Миссионерской школы», с которыми в течение двух с половиной лет не расставался. Как преданно они смотрели ему в глаза, как ловили каждое слово. А он, в свою очередь, старался не просто научить чтению, арифметике, географии. Своей главной задачей считал поселить в детских душах доброе, терпеливое отношение к себе, окружающим, к миру. Отогретая душа не способна на преступление.

Как выяснилось из разговоров с воспитателями колонии, они разделяли точку зрения Макушина и всеми силами старались отогреть детские души. «Впечатление от знакомства с порядками получилось отрадное, что усиливает мое желание устроить такую же колонию в Томске», — отметил Макушин в своей тетради.

Меньше чем через год возникло в Томске «Общество земледельческих колоний и исправительных приютов». По уставу задачи общества опре-

делялись так: «содействовать улучшению участи несовершеннолетних обоого пола, присужденных отдаче в исправительные заведения, заботясь о правильном физическом и умственном воспитании означенных лип». В программу воспитания входило обучение их практическому земледелию, садоводству, ремеслам с тем, чтобы сделать из них опытных сельских работников и ремесленников.

Как это уже случалось не раз, правительство отказалось финансировать «Общество». И снова Макушин принялся за знакомое «дело»: подписные листы, письма с просьбами о помощи к сибирским богатеям, живущим в Петербурге и Москве. «Расчет на отзывчивость добрых: людей оправдался», — заносит он в тетрадь. Действительно, только в первый год в кассу «Общества» поступило 21 272 рубля. С таким капиталом можно было начинать устройство земледельческой колонии.

300 десятин пахотной и сенокосной земли по речке Киргизке для этой цели выделил министр земледелия и государственных имуществ. Местные власти также не остались безучастны к нуждам колонии: материал для строительства жилых домов и служебных построек был отпущен бесплатно. «Собранные пожертвования дали возможность быстро возвести постройки и дать колонии полное сельскохозяйственное оборудование мертвым и живым инвентарем», — записал Макушин в тетради.

Вскоре колония принимала первых сорок воспитанников. Стриженные, в одинаковой арестантской одежде, они казались все на одно лицо. Кроме того, их объединяла и общая профессия в прошлом: все они принадлежали к разряду мелких воришек. Нахохлившись, насторожившись, они слушали напутственные речи губернского проку-

рора Витте, чиновников Вихмана и Сальмановича, входивших в комитет «Общества». Шитые мундиры, громкие слова доверия не вызывали. Это недоверие автоматически перекинулось на тех, кто составлял администрацию колонии: смотрителя, учителя, столяра и крестьянина, нанятого учить подростков хлебопашеству, огородничеству и пчеловодству. Это были хорошие, честные, работающие люди. Но воспитателем из них не родился никто.

С тяжелым чувством покидал Макушин это торжество. В глубине души он уже проектировал неудачу. Но как человек дисциплинированный, многие годы исполнял свои обязанности. Ему было доверено комитетом «Общества» контролировать учебный процесс в колонии. Он исправно посещал занятия с воспитанниками, на которые отводилось по 2 часа каждый день, помогал учителю советами, составил и передал колонии библиотечку в 160 книг.

Много позже он запишет в своей тетради: «Колония не оправдала моих надежд, не дала удовлетворения. Был смотритель, был учитель, но воспитателя, способного понять психологию исправляемого и любовно воздействовать на его душу, найти не удалось. Нередко случалось, что освобожденный из колонии через некоторое время снова попадал в нее, как требующий снова исправления. Но тесное соприкосновение в течение ряда лет с миром несовершеннолетних правонарушителей не прошло для Макушина даром. Его мысль о том, что серая, беспросветная жизнь сибирской деревни вынуждает подростка обратиться все свои надежды на город, подтвердилась. Но что дает город нищему и бесправному? Нищету, голод, нравственный и физический надлом. Нет, сельский житель должен оставаться по возможности на родной стороне, а то, за чем его так тянет в

город — спектакли, кинематографические сеансы, выступления хоров и оркестров, народные чтения, популярные лекции, — должно прийти в деревню.

По этому случаю Макушин записывает в тетради: «полезно и необходимо приобщить деревню к музыке, облагородить тем самым сельское население, пресечь в корне развивающееся хулиганство. Борьбаться с последним бессильны самые строгие меры, самые свирепые циркуляры, и, наоборот, задача борьбы с хулиганством легче выполняема мерами воспитательными».

Эта запись сделана весной 1913 года, а уже через месяц Макушин передает в Правление сибирского хорового общества текст своего заявления, в котором отмечает, что хотел бы сделать что-либо для эстетического образования сельского населения губернии. «Преследуя эту мысль и признавая умелое, художественное исполнение церковных песнопений и светских песен одним из воспитательных и облагораживающих средств, я желал бы способствовать зарождению и распространению в селениях Томской губернии сельских хоров».

Далее Макушин предлагает привлечь к этому делу сельских учителей и учительниц, «пока почти единственных у нас проводников света и знаний в народную массу. Между ними, несомненно, есть немало лиц, обладающих музыкальными способностями и любящих пение, но незнакомых с теорией музыки и, в частности, с методикой преподавания пения, — пишет он в своем заявлении и добавляет: — Хорошо бы устраивать в летнее время для желающих учителей регентские классы. Со своей стороны я с удовольствием беру на себя обязательство обеспечить проектируемые классы материальными средствами до 300 рублей

в каждое лето на вознаграждение преподавателей и на приобретение необходимых пособий для занятий в предполагаемых курсах и для учащихся в них. Для классов бесплатно предоставляются мной аудитории в «Доме науки», — заканчивает свое заявление Макушин.

Правление хорового общества, как и надо было ожидать, отозвалось на предложение Макушина, и 15 июля 1913 года состоялось открытие первых регентских учительских курсов. Учащиеся были разделены на две группы: первая состояла из лиц, не имевших никакого музыкального образования, хотя некоторые и пытались преподавать в школе пение, руководствуясь исключительно только своим музыкальным слухом. Вторая группа более подготовлена и имела самые элементарные музыкальные сведения. Курсы продолжались полтора месяца. За это время первая группа прошла половину курса элементарной теории и сольфеджио. Вторая группа оканчивала весь курс элементарной теории, сольфеджио в тональностях, прошла начало гармонии, методику школьного пения, игру на скрипке.

«Судя по ясным, осмысленным ответам учащихся, я выношу заключение, что дело на курсах поставлено весьма хорошо; видно серьезное, вдумчивое и любовное отношение педагогов к своему делу и искреннее желание со стороны учащихся пополнить пробелы своего развития», — записала в своем заключении М. Шиловская, приглашенная на выпускной экзамен.

Занятия на курсах продолжались три года подряд. На них было затрачено 1500 рублей. Значительную часть этой суммы Макушину удалось получить от столичных музыкальных торговцев, с которыми он состоял в торговых отношениях. Фир-

ма братьев Дидерихс подарила «Дому науки» для регентских курсов и музыкальных собраний прекрасный концертный рояль за 2 тыс. рублей.

Летом 1916 года занятия на курсах пришлось отменить, потому что помещение «Дома науки» отводилось под госпиталь. Шла кровопролитная империалистическая война.

— Да, война... война... Сколько бед, сколько лишений, — раздумчиво говорил Петр Иванович, сидя в уютном кабинете доктора Пирусского.

Знакомы они были давно, тому уж лет двадцать пять. После окончания Московского университета доктор был направлен окружным врачом в Каинск. В Томске его имя впервые стали упоминать в связи с повсеместной организацией оспопрививания. Сколько шума было среди публики, сколько разноречивых мнений. Но доктор настоял на этой важной медицинской акции не только для Каинска и Томска, но и для всей губернии. Вскоре ему доверили руководить крупной переселенческой станцией. Тысячи бедняков, кинувшихся из центральных районов России в Сибирь за дешевой землей, прошли через руки Пирусского. К чести доктора, станция существовала без эпидемий. Видимо, потому, что санитарная служба работала четко. Больница на 30 коек при станции слыла в губернии образцовой.

Недаром после десяти лет практики профессор Коркунов, заведующий кафедрой факультативной терапии Томского университета пригласил Пирусского к себе ординатором. Вскоре он обратил на себя внимание сибирской общественности интереснейшим докладом: «О кумысе и климато-лечебных местах на Алтае», прочитанном в обществе естествоиспытателей и врачей при Томском университете.

Легкий, подвижный, он без колебаний отправлялся в самые дальние путешествия, а путешествуя, вдумчиво и кропотливо собирал богатейшие для науки материалы. Его кумиром был Пирогов. Он любил повторять слова Пирогова: «...будущее принадлежит медицине предупредительной. Человек будущего будет сведущ не только в теоретических науках, но будет владеть практическими знаниями законов природы».

Из своих современников Пирусский больше всех чтит Лесгафта. В идеях Лесгафта доктора Пирусского привлекала идея социального воспитания. Он вносит в Думу проект об организации «Общества содействия физическому развитию».

Петр Иванович хорошо помнит это бурное обсуждение в Думе. Его итог выразился словами: «На обязанностях общества не лежит забота о всех хилых и слабых». Но Пирусский не сдавался. Тем более что у него был такой стойкий, такой закаленный в боях с Думой союзник, как Макушин. Справиться с Пирусским было трудно не только Думе, но и достопочтенному Макарию. В своих проповедях Макарий часто упоминал имя Пирусского, мстя ему вымыслами о том, что в его летних колониях дети развращаются, нарушается святость церковных правил, что Великим постом дети едят скоромную пищу, а на катке играет оркестр.

Летние колонии, как и летние площадки в городе, а также купальни Пирусский организовывал для ослабленных, физически неполноценных детей. Его система воспитания была направлена на укрепление нервной системы ребенка путем физических упражнений, массажа, движений на воздухе. «Функции всех систем могут совершаться только при существовании регулируемого ап-

парата, каким является нервная система». Эти слова Пирусский особо выделил в одной из своих научных брошюр, подаренных Макушину.

Вот к такому человеку и пришел Макушин ранней весной 1916 года с одним наболевшим делом. Но как уж привычно было в те времена, первые слова при встрече, конечно, о войне...

— Деревенская масса проснулась от военного грома, отрезвела и всколыхнулась под влиянием всех событий, — негромко говорил Пирусский, поглаживая аккуратную бородку.

— Вы правы, доктор. Как никогда, именно сейчас деревня жаждет знаний, живого слова, стремится неудержимо разумно и здорово заполнить свой досуг и вместо прежнего кабака влечется к культурным и разумным развлечениям, — отвечивал Макушин.

— Собственно, Петр Иванович, с деревней происходит то, что мы когда-то наблюдали в городе. Помните, как потянулся народ в «Общество содействия физическому развитию», когда все-таки, несмотря на все препятствия, его удалось открыть. Летние колонии, городские физплощадки, купальни, катки. Манеж открыли. И он никогда не пустовал. Занятия общие. Занятия специальные. Сейчас манеж обслуживает ежедневно 140 — 160 человек.

И это стремление к свету и знанию, и это сильное желание устроить свою темную, беспросветную доселе жизнь на иных, разумных началах, на иных истинно человеческих основаниях, замечается почти на всем необъятном просторе Сибири, в частности в нашей Томской губернии, — сказал Пирусский.

— Но вы же понимаете, что деревня одинока, — проговорил Макушин, — земства отсутствуют.

Значит поддерживать некому. Единичные случаи попыток деревенской интеллигенции утолить эту жажду народную по большей части обречены на неудачу.

— Главная причина, конечно, кроется в общих условиях нашей жизни, Петр Иванович, — подвел итог Пирусский.

— Согласен, — живо поддержал доктора Макушин. — Например, чтобы получить разрешение на устройство спектакля где-нибудь в селе, скажем, Барнаульского уезда, нужно соблюдать ряд формальностей, обращаться за этим в несколько губернских учреждений месяца за два-три до спектакля.

— Знакомо, знакомо, — ухмыльнулся Пирусский. А Макушин продолжал:

— В редком случае благоприятного разрешения в губернских учреждениях на обращенное к ним ходатайство, таковое по нисходящим инстанциям пойдет обратно, медленно и с «вылежкой». И вот, месяца через полтора после назначенного дня спектакля в неудобное, занятое время, замыкательное звено «начальственной» лестницы — сельский урядник объявит «с отобранием подписки», что... спектакль разрешен.

— Ну, Петр Иванович, это еще редкий, счастливый случай. Я по себе знаю, обыкновенно же подобные ходатайства по «формальным» причинам остаются без ответа и удовлетворения. Все это положительно расхолаживает всякие благие порывы сельской интеллигенции, и прекрасные начинания умирают в зародыше.

— Так-то оно так, доктор, но тем не менее сельские учителя Томской и соседних губерний постоянно обращаются в мой книжный магазин, — продолжал Макушин, — и в Совет общества со-

действия устройству сельских библиотек-читален с запросом: как бы им получить разрешение на открытие в данном селе кинематографа, на устройство спектакля, народных чтений с туманными картинами, или где бы им достать подходящие и доступные для постановки, исполнения и понимания пьесы, а также как оборудовать с небольшими средствами сцену, декорации, бутафорию. Вот все это и подвигло меня к учреждению «Общества содействия устройству в селах и деревнях Томской губернии различных развлечений».

— Понимаю, понимаю, — закивал Пирусский. — Это будет Общество, которое, идя навстречу все более и более растущей духовной потребности народа, действовало бы в доступных условиях непосредственно, а также помогало бы советом и делом сельской интеллигенции на местах.

— Как это видно из сказанного мной, помощь эта может быть весьма многообразной и необходимой, — добавил Макушин.

— Все так, Петр Иванович. Ведь гарантией жизнеспособности нового Общества может служить ваше имя как инициатора и учредителя его, из рук которого ничего мертворожденного не выходило.

— Благодарю вас, дорогой друг. Кажется, о полезности и необходимости в данное время подобного «Общества» не может быть двух мнений, но вот проект устава, который я внес на регистрацию в губернское Присутствие об обществах и союзах с ноября 1915 года все еще не может найти официального признания.

— Не будем падать духом, Петр Иванович, давайте вместе тормозить чиновников, гласных, городского голову, до самого губернатора дойдем. Вот вам моя рука, — закончил Пирусский.

Вскоре «Общество», как и предсказывал Пирусский, усилиями общественности было открыто и сразу же начало действовать. Очень скоро крестьянство реально ощутило силу нового учреждения. В Томск стали приходить письма. Макушин дорожил этой корреспонденцией. Аккуратно складывал в особую папку эти бесхитростные, идущие от самого сердца послания.

«...Появление кинематографа среди утопающих в буйном разгуле наших крестьян-лесовиков всколыхнуло их заснувшие души. С неописуемым восторгом, с чувством глубокого удивления просматривалась демонстрация картины зрителями, большинство из которых видели кинематограф первый раз. 11 число февраля — разгульный день масленицы, день пьянства — кинематограф превратил в истинно разумный праздник. Будем надеяться, что такое отрадное явление будет у нас не метеором, а постоянным, животворным лучом света». Это письмо прислал со станции Тайга учитель Тараканов.

Первым его прочла Елизавета Петровна. Не выдержала и тотчас поднялась в кабинет к отцу. Час был поздний; обычно в это время Петр Иванович работал и не любил, чтобы его беспокоили. Елизавета Петровна подошла тихонько к письменному столу, высоко подняла руки над головой, сложила их лодочкой — на стол опустилось письмо.

— Первая юбилейная ласточка, папа, — сказала она, счастливо улыбаясь.

Петр Иванович поймал ее ладонь, прижал к щеке:

— Спасибо, моя вечная помощница. А что касается юбилея, России сейчас не до него. Страшные дела творятся на фронтах. Но, похоже, будет еще хуже...

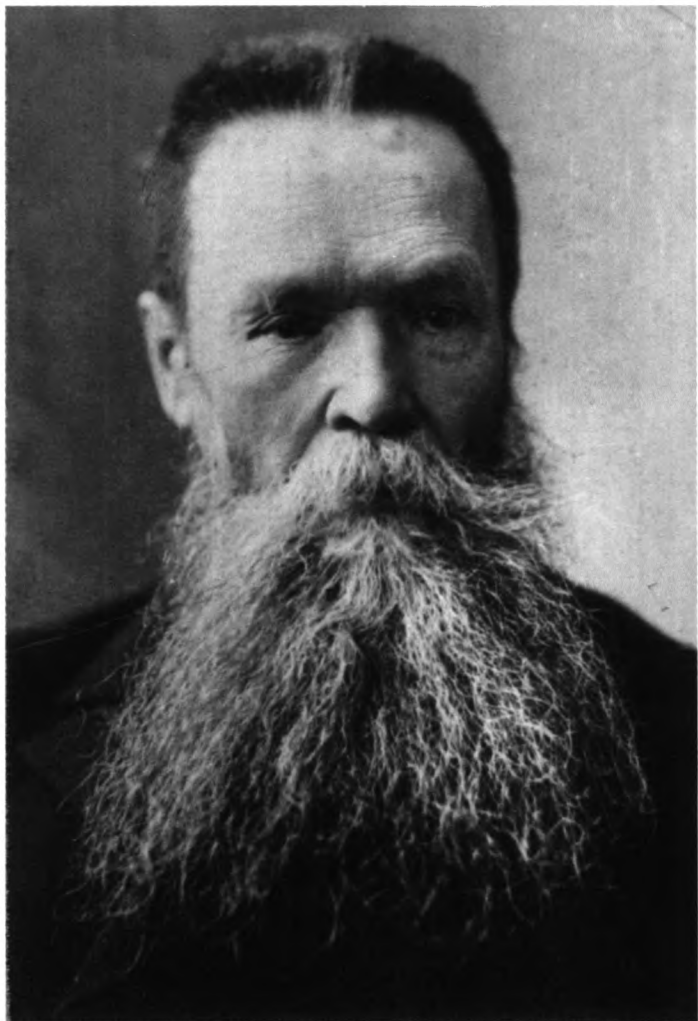
Предчувствия не обманули Макушина. 21 февраля 1916 года завертелась крыльях «верденской мельницы» — началась одна из самых жестоких битв мировой войны. С началом боев за Верден французское командование потребовало от русской ставки немедленно открыть наступление. У русского командования не хватило характера противостоять французскому нажиму. Была поспешно подготовлена наступательная операция в районе Двинска и озера Нарочь, которую проводили русские армии левого фланга Северного фронта и правого фланга Западного фронта. Несмотря на плохие условия погоды и начинающуюся распутицу, которые исключали возможность широкого маневра в этом лесисто-болотистом районе, 18 марта русские войска перешли в наступление.

Завязались тяжелые бои. Русским не удалось прорвать оборону врага. Продвижение войск не превышало двух-трех километров, а потери оказались чудовищными: 80 тысяч убитых. Многие семьи погрузились в траур.

И все-таки Макушин дал согласие на празднование 50-летия его общественного служения Сибири. Пусть враги знают: у России еще есть силы, если она в состоянии праздновать юбилеи, значит жива уверенность в завтрашнем дне.

25 марта 1916 года Томское городское общественное управление организовало торжественное заседание в зале Общественного собрания. Просторный зал был переполнен, не вместившиеся расположились в фойе. На эстраде, убранной тропическими растениями, посадили юбиляра; красовалось белое шелковое знамя с вышитыми золотом словами: «Народное образование».

Торжество открылось пением кантаты, написанной в честь юбиляра и положенной на музыку.

Петр Иванович Макушин. 1921 г.

Дом, где жила семья Макушиных в Томске.

П. И. МАКУШИН.

От томского корреспондента «Огонька».

Томские общественные организации чествовали культурного работника Сибири П. И. Макушина, которому исполнилось 80 лет. Макушин основал первый сибирский народный университет, открыл первую публичную библиотеку в Сибири, основал общество попечения о начальном образовании с девизом «ни одного неграмотного» и около 600 сельских библиотек. Благодаря его энергичной работе, Томск был покрыт сетью начальных городских училищ с бесплатным обучением.

Несмотря на свои 80 лет, П. И. Макушин до сих пор работает, как член правления Сибирского краевого издательства, товарищ председателя Сибирского отделения общества «Долой неграмотность» и член правления общества «Друзья детей».

Елизавета Петровна Макушина. 1950-е гг.

Викторина Петровна Макушина.

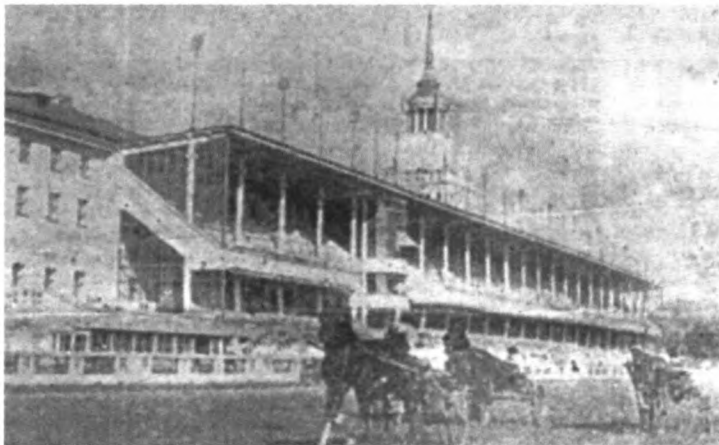
Андрей Иванович Скокан — внук П. И. Макушина.

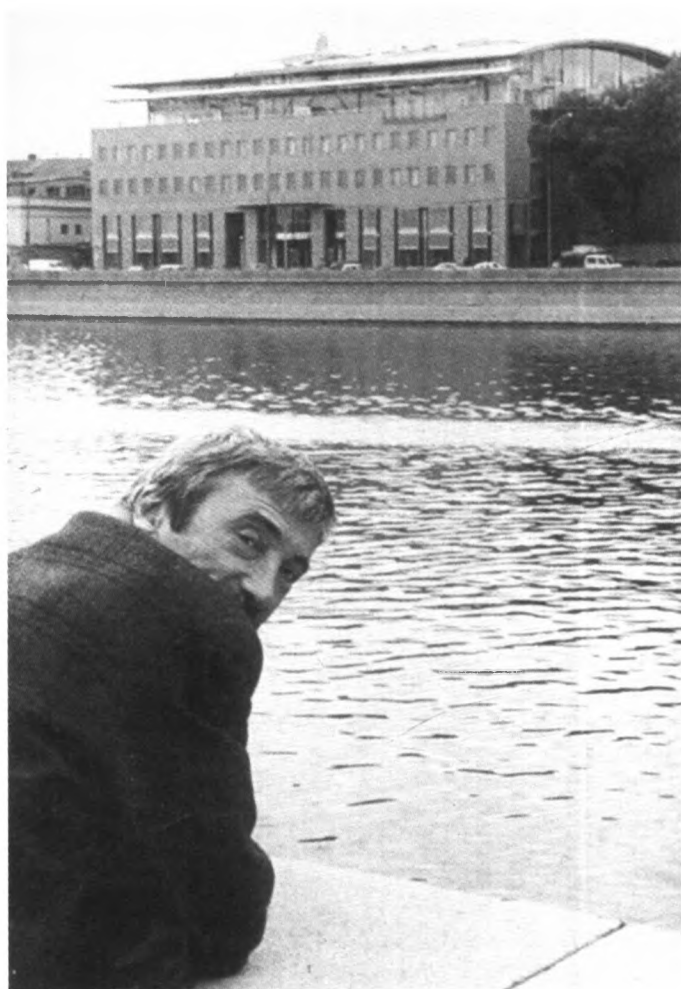
Петр Иванович Скокан — внук П. И. Макушина.

Акварели П. И. Скокана.

Административное здание в Ипатьевском переулке (1987 г.)
Московский государственный ипподром (1955 г.)
и кино-концертный зал «Новоросийск»(1977 г.),
построенные по проектам П. И. Скокана

Архитектор Александр Андреевич Скокан —
правнук П. И. Макушина

Академик Дмитрий Васильевич Ширков, его сыновья, дочь, внуки.

*Вторые
макушинские
чтения*

ПРИГЛАШЕНИЕ

ПРОГРАММА

Программа «Вторые Макушинские чтения». 1991 г.

Управление культуры мэрии г. Томска

„ЕГО ДЕЯНИЯ БЛАГОСЛОВЯТ
ПОТӨМКИ“

Собрание томских подвижников
и преемников начинаний
П. И. МАКУШИНА

г. Томск, 1994

“ПЛОДЫ ПРОСВЕЩЕНИЯ“

Программа Юбилейных дней,
посвященных 150-летию
П. И. Макушина

12—18 июня

Программа празднования 150-летия
со дня рождения Макушина и Пригласительный билет
на одно из мероприятий. Томск. 1994 г.

В Ы С Т А В К А

к 150-летию со дня рождения

П. И. Макушина

- сибирского просветителя,
общественного деятеля,
основателя книжной
торговли и издательства,
мецената и
благотворителя.

Выставка организована:

- А. А. Скоканом
- Музеем Российских меценатов и благотворителей
- при содействии и помощи
Архитектурного Бюро "Остоженка"

Адрес :

Москва, Гранатный пер., 22 (2 этаж)

Афиша выставки в Музее российских меценатов и
благотворителей, посвященной 150-летию П. И. Макушина.
Москва. 1994 г.

Могила П. И. Макушина в ограде Дома науки.

Именем Макушина назван переулок в старой части Томска.

Потом председатель училищной комиссии Думы, профессор Прокопцев рассказал о жизни и общественной деятельности Макушина, после чего в течение нескольких часов многочисленные депутации приветствовали юбиляра от имени своих организаций.

Но на праздновании оказалось невозможным огласить все приветствия. Многие из них не были даже перечислены. От одного Томска было получено 75 приветствий и адресов. Не было ни одной городской организации просветительного характера, которая не откликнулась бы на юбилей. За Томском идет Москва. Из Москвы пришло 50 откликов. Затем Петроград — 40, считая и телеграмму графа Игнатьева, столь необычную для министра народного просвещения:

«От лица Высочайше вверенного мне ведомства и от себя лично сердечно приветствую Вас в день празднования полувековой неутомимой деятельности Вашей на пользу народного просвещения Сибири, искренне желаю Вам сил и здоровья для продолжения вашего служения этому святому делу».

Телеграмм пришло 450. Откликнулись не только столичные города. По этому поводу газета «Сибирская жизнь» писала: «Петроград и Москву все знают. Это столицы и центры нашей умственной жизни. Сюда еще недавно стекалось все, что только было живого и сильного в стране. Но лет 30 — 40 назад ясно обнаружился и другой процесс: рост окраин на счет центра. Низшие, забытые народности, обойденные на жизненном пиру области и поселки стали предъявлять свои права на свет и знания. То же случилось с нашей Сибирью».

В самом деле, эту мысль очень хорошо выразил директор земледельческой школы московско-

го общества сельского хозяйства Щепкин. В своей телеграмме он написал: «Европейская Россия посылала Сибири преступников, Сибирь в ответ шлет людей бодрых духом, твердой воли, широкого делового размаха, несокрушимой веры в силу просвещения, свободу личного почина, живительную силу общественного творчества».

На этой телеграмме Макушин написал: «Справедливо. На далеких окраинах, в мире отверженных провинций создается своя жизнь, растут и зреют свои силы».

В самом деле, кто когда-нибудь слышал что-либо об Усть-Томно, о Волчихе, о заводе Киселевка, о селе Шелаболиха, о разных станциях Восточно-Китайской дороги, о деревне Торжке, о каком-то местечке Чириково, Ощепкове? Но эти «медвежьи углы» откликнулись на юбилей простыми, идущими от сердца телеграммами, адресованными «знаменосцу дружин народного просвещения». Недаром на пачке телеграмм, аккуратно перевязанных бечевкой, Макушин написал: «голос трудовой России».

Но «голоса трудовой России» доносились до Томска не только из глухих сибирских провинций. Рабочие одного из крупнейших в России Путиловского завода в своей телеграмме писали: «...открытие Народного университета тормозилось, но теперь мы знаем, что долгожданный «Дом науки», наконец, открыт. Открытие такого учебного заведения, доступного трудовому населению, как по системе преподавания, так и по материальным средствам, по условиям момента это неосуществимо. По этим же условиям мы, рабочие Путиловского завода, лишены возможности реагировать на это событие в широком масштабе, а поэтому только группы рабочих присоединяют свое радостное чув-

ство по случаю открытия Народного университета в Томске, а по случаю 50-летия вашей просветительской деятельности в Сибири, за все сделанное вами для наших братьев, мы выражаем вам свою признательность.

Группы рабочих Путиловского завода — мастерских: Пушечной, Башенной, Модельной».

Шла война, и по условиям военного времени рабочие завода, работающего на военные нужды, не могли выразить свои чувства по-другому.

О войне напоминали телеграммы и из действующей армии. «Толкачу просвещения. Победителю ядовитых газов невежества честь и слава», — пишет поручик из Ржева.

«Нам, близким свидетелям хода великой борьбы народов, особенно понятна и дорога неотложная необходимость народного просвещения», — это из телеграммы 4-го сибирского томского отряда, приславшего свое приветствие с «далекого галицийского фронта».

Как видно из приведенных текстов, со своими приветствиями к Макушину обращались министры, обыватели, ученые, организации, советы профессоров различных университетов, биржевые комитеты, редакции газет, целый ряд землячеств Петрограда, Москвы, Саратова, Томска, общества трезвости, народных развлечений, народных университетов, кооперативов, комитетов грамотности, земские управы, книгопродавческие организации.

Среди частных лиц, приславших приветствия, много людей, известных всей России. Вот только одна телеграмма: «От души присоединяемся к чествованию деятеля сибирского просвещения и сибирской печати. Короленко. Прибылевы. Ивановская».

Все тексты приветствий включают в себя слова

о культуре и свободе, о свободе и знании. А слово «свобода» всегда стояло рядом со словом «политика». Следовательно, юбилейные торжества носили явный политический характер, хотел того сам юбиляр или нет.

Это признавали и современники Макушина. Газета «Сибирская жизнь» писала по поводу юбилейных торжеств: «Вся деятельность П. И. Макушина, при всей безусловной ценности, была отмечена аполитичностью. Если бы было иначе, она не имела бы того успеха в практической жизни, который ей выпал на долю. Эта же аполитичность настраивала на несколько примирительное отношение к нему официальной России. И однако в культурном празднике, связанном с именем П. И. Макушина, явно пробился известный чисто политический элемент».

Газета права. Особенно если принять во внимание, что в России юбилеи, как и съезды, имели всегда крупное общественное значение. На них проводила своего рода мобилизация духовных сил страны. Это и переключка единомышленников, это и проверка общественных стремлений. Это и прогнозы на будущее. В этом смысле юбилей Макушина не исключение. Политическое значение его несомненно.

Но вернемся к 25-му марта в зал общественного собрания на торжественное заседание, с которого мы начали наш рассказ. Открывая заседание, томский городской голова Ломовицкий сказал: «Томская городская Дума, желая ознаменовать полувековой юбилей культурной и общественной деятельности гласного городской Думы, почетного гражданина Томска Петра Ивановича Макушина, постановила: «построить на Воскресенской горе каменное трехэтажное здание для помещения в

нем двух начальных школ, школьного музея наглядных пособий и детской библиотеки, и зданию этому присвоить «Дом имени Петра Макушина». И имеющие быть помещенными в этом здании две школы, школьный музей наглядных пособий и детскую библиотеку назвать Макушинскими. Закрывать Белозерскую площадь, обратить ее вместе с озером в городской сквер и присвоить ему наименование «Макушинского». И, наконец, улице, которая проходит между зданием Народного университета и будущим Макушинским сквером, присвоить наименование Макушинской».

Перемены, происшедшие в России после 1917 года, не позволили реализовать эти планы. Не пора ли к ним в какой-то мере вернуться, памятуя о том, что имя Петра Ивановича Макушина по праву принадлежит нашей отечественной истории? А историческая память всегда была тесно связана с воспитательными процессами в обществе.

ДНЮ ГРЯДУЩЕМУ — ПРИВЕТ

Среди личных бумаг Макушина сохранился пожелтевший листок, исписанный твердым, с нажимом почерком: «Свержение самодержавия породило мечты: об учредительном собрании на основе тайного всеобщего голосования, о передаче земли крестьянам, о равенстве всех перед законом, о свободе печати, о доступности для всех образования. Считаю лишним говорить, что все это было с давних лет предметом моих мечтаний.

Но коммунистический подход к осуществлению вышеуказанных вождедений в то время в моей голове не укладывался. Коммунистическое движение было принято мной как покушение на основы

общественного строя, ведущее государство к обнищанию и разрушению. Эти опасения получили поддержку в известиях, принесенных в Томск беженцами, которые как «очевидцы» авторитетно рассказывали: красные жгут селения и города, грабят и убивают мирных жителей, насилуют женщин; в Воронеже в царских вратах собора болтается повешенный труп архиерея, в Перми спущены под лед три архиерея и т. п. Проверить правдивость таких рассказов было невозможно: Сибирь оказалась отрезанной от Европейской России...

А там на всех фронтах закипела гражданская братоубийственная война. На клич к «свободе» отозвалось и сибирское крестьянство. На юге Томской области формировались партизанские отряды. В ответ появились «карательные экспедиции», отличавшиеся особой свирепостью.

Настало время истязаний, убийств... В памяти живо воскресали кошмарные картины из романов Данилевского «Черный год» и Диккенса «История двух городов».

Враг всякого насилия, особенно кровавого, я пережил жуткое время».

Эта запись еще раз подтверждает тот факт, что революционером Макушин никогда не был, хотя и слыл «красным» и даже «социалистом». В самом деле, уроки, полученные в юности от преподавателя Пермской семинарии Моригеровского, не прошли даром. Но был у Макушина и другой наставник — отец Вениамин, враг всякого насилия, особенно кровавого. И это тоже не могло пройти бесследно.

В 1917 году власть в Томске перешла к большевикам, и Макушин с облегчением отмечает в своей тетради: «Ни грабежа, ни убийств «красные» мирному населению города не чинят».

Военно-революционный комитет проводил свою линию четко и жестко. В первую очередь это касалось крупных промышленников и богатых купцов. 36 миллионов рублей золотом находилось в обороте томских толстосумов. И понятно, никому не хотелось расставаться со своими капиталами добровольно. В городе начались аресты. В числе арестованных на заседании Биржевого комитета 7 марта 1918 года был и Макушин. Правда, «арестование... закончилось извинением и немедленным освобождением», — вспоминал впоследствии сам Макушин. Но все-таки говорить о горячих симпатиях Макушина к новой власти нет оснований. Возможно, время расставило бы все по своим местам. Этому помешало выступление белочехов.

31 мая 1918 года Совдеп вынужден был спешно оставить Томск. Летом 1918 года было создано Временное сибирское правительство, в сентябре на смену ему пришла Директория, а уже в ноябре, арестовав ее руководителей, провозгласил себя Всероссийским Верховным руководителем Колчак.

В Томске хозяйничал генерал Пепеляев. Город наводнили военные. Офицеры заняли лучшие городские здания, для солдат наскоро сбивали бараки. Пришельцы вели себя как настоящие варвары, превратив Томск в «скотный двор». Но мало того, что были расхищены и сожжены многие культурные ценности, в город пришли болезни: сыпной тиф и холера.

Верный своему правилу — никогда не оставлять сограждан в беде, — Макушин выделяет 50 тысяч рублей на устройство вагона-бани и дезинфекционной камеры. Некоторые склонны видеть в этом знак особого расположения к колчаковскому режиму. Думается, это не так. Идеи гуманности, которыми была проникнута вся его жизнь, и на

сей раз сыграли свою роль. Еще в 1889 году, как член Томского «попечительского о тюрьмах комитета», он отправляет в столичную газету «Новое время» телеграмму в 120 слов об эпидемии сыпного тифа в томской пересыльной тюрьме, стремясь обратить внимание властей на безвыходное положение арестантов. И хотя поступило распоряжение главного тюремного инспектора: «ни в коем случае не печатать», эти действия Макушина можно рассматривать как смелый гражданский шаг.

Гражданин и патриот, Макушин не внял «благожелательным» советам из стана Колчака покинуть родину. Случилось это в ноябре 1919 года, когда колчаковский трон зашатался. «Предложение ехать в Харбин я категорически отклонил...»

А ведь его не просто приглашали выехать за пределы родного края. Так называемые «друзья» играли на его отцовских чувствах. В октябре 1918 года в газете «Народная Сибирь» появилась заметка «Удар наболевшему сердцу», текст которой хочется привести полностью:

«Вчера из газет мы узнали о смерти в Харбине единственного сына известнейшего в Сибири общественного деятеля и более чем полувекового труженика на ниве народного просвещения маститого П. И. Макушина.

Конечно, это событие частного значения и оно в грозе и буре текущего момента не способно приковать к себе широкого общественного внимания. Но если этот факт, неожиданная смерть молодого и единственного сына, поставить рядом с судьбой и преклонными годами П. И. Макушина и принять без всякой предвзятости жестокие большевистские издевательства над ним, арест и разгром контрибуциями в течение долгих лет создаваемого дела и, наконец, свистопляску революционных дней

вокруг этого имени, — то лишний личный удар по наболевшему сердцу легко может оказаться роковым для здоровья и жизни этого большого, железной воли и энергии человека.

Беспристрастные серьезные люди, по-настоящему вдумчиво любящие свою родину, народ, скорбящие о беспредельности нашего невежества и темноты, эти доподлинные граждане своего отечества, знают, ценят и любят имя П. И. Макушина.

Знает вся читающая Сибирь, знают далеко за Уралом, что именно этим человеком сделано за долгие 50 лет на ниве народной, знают, какой колоссальный вклад щедрой рукой положен им в сокровищницу культурного роста народа. Знаем это и мы. Знали и убежденно верили, что громаднейшая энергия П. И. далеко еще не иссякла, не пропала любовь к великому делу просвещения народа. Но вдруг жестокий удар по натруженному сердцу... Вытерпит ли оно, найдутся ли силы в могучем источнике духа перенести это новое испытание со смирением христианина, каким неизменно, в лучшем значении этого слова является Петр Иванович.

Покойного Петра Петровича Макушина, конечно, не знает Сибирское общество. Это был еще совсем молодой человек, едва переваливший за 20 лет, недавно окончил юридический факультет Томского университета. Он был милым, добрым товарищем, отзывчивым и сердечным. Полнота сил и здоровья кипела в нем, искала выхода и приложения. Обладая живой, подвижной натурой, он увлекался спортом, его духовный облик только начал выявляться, и весь он со своими богатыми природными задатками не успел еще развернуться, но все, близко знавшие покойного, верили, что он в будущем станет достойным наследником своего отца.

Скорбя о безвременной утрате, мы всей теплотой своего сердца сочувствуем горю П. И. Макушина».

Но ни лестные слова, сказанные теми, кто стоял по ту сторону баррикад, ни могила сына не смогли поколебать решения Макушина навсегда остаться на родной земле.

Более того, когда в начале декабря 1919 года его компаньон по торговому делу «Макушин и Посохин» — В. М. Посохин — сообщает, что выходит из дела, Макушин срочно выезжает в Иркутск принимать типографию и книжный магазин.

Путь лежал по Транссибирской магистрали. Мелькали знакомые названия станций Ачинск, Красноярск, Канск, Тайшет. Вспомнилось, как четверть века назад, вот так, зимой проезжал эти места, уютно устроившись в мягкой кошеве. Ведь железной дороги тогда еще не было. За его кошевой шла вторая. На ней — двоюродный брат Владимир Михайлович Посохин и жена Серафима Васильевна. Этой молодой паре он предложил вступить вместе с ним в дело — открыть книжный магазин в далеком Иркутске.

На дорогу от Томска до Иркутска ушло десять дней. Еще недели три добивались разрешения иркутского губернатора на открытие магазина. Наконец разрешение получено, как раз накануне 19 февраля, всю жизнь почитаемого им дня — дня отмены крепостного права. Скромно отметили это событие на квартире директора гимназии.

В Томск возвратился нескоро. Помог Посохину арендовать каменный дом на Ивановской площади. В нем решили разместить книжный магазин, переплетную мастерскую и небольшую типолитографию. Выписали две бумагорезные машины, специальные прессы, оборудование для типолито-

графии. Набрали рабочих, нашли толкового заведующего и знающего приказчика.

Через год Посохин сообщил ему в Томск, что только от переплетных работ для школ, библиотек и частных получили доход в 10 тысяч рублей. Дело начало набирать обороты. Да так успешно, что решено было создать целый комплекс зданий для книжной торговли и книгопечатания.

В 1903 году просторное здание из красного кирпича было построено на Большой улице, в самом центре Иркутска, на нем красовалась надпись: «Торговый дом И. П. Макушин и Вл. М. Посохин».

В книжном магазине торговали не только книгами, но и периодикой: местные и петербургские газеты, журналы. В продаже были также учебники, тетради, писчая бумага, металлические писчие перья. Гордостью магазина стал отдел музыкальных инструментов, с прекрасным подбором нот. К тому времени пришло из Германии и новое оборудование для переплетной мастерской и типографии. Хороший доход давала и линовальная мастерская: тетради заказывала вся Сибирь.

Пришлось расширить штат сотрудников: к 1903 году их было около 300. Работали, как и по всей России, по 12 часов при очень скромном жаловании. Конечно, в 1905 году «Торговый дом» не избежал забастовок. Первыми поднялись печатники, за ними — рабочие других предприятий города. И добились своего: 8-часовой рабочий день, увеличение заработной платы, недельный отдых в летнее время.

И все-таки фирма устояла. Видимо, потому, что всегда детально изучала спрос и предложения, а товары предлагались покупателям только самого высокого качества. Под особым контролем была торговля книгами. К 1917 году магазин имел до

пятидесяти тысяч наименований книг по всем отраслям знаний. Появилась возможность заказывать книги, учебники жителям других городов. Число заказчиков достигало двадцати пяти тысяч — величина по тем временам немалая.

Накануне Рождества 1920 года, когда Макушин принял у своего компаньона все дела по типографии и книжному магазину, были устроены скромные проводы Посохина и его жены в Харбин. Там, в Харбине, у Посохина был свой книжный магазин, приносивший владельцу неплохой доход. Макушин понимал это и не осуждал своего многолетнего компаньона за отъезд из России.

Кстати, Владимиру Михайловичу Посохину так и не суждено было вернуться в Россию. Он умер в 1945 году в Харбине.

В конце апреля 1920 года в Иркутске установилась советская власть. Вскоре типография и книжный магазин были национализированы. Но старому книжнику трудно оставаться не у дел. Он предлагает свои услуги Иркутскому отделению агентства «Центропечать». Ему дают задание: создать библиотеку-читальню при «Советском уголке». Макушин активно берется за эту работу, комплектуя библиотеку из книг своего национализированного магазина.

От того времени сохранился такой документ: «Настоящим удостоверяю, что П. И. Макушин безвозмездно работал энергично и честно, с большим знанием дела в библиотеке-читальне «Советский уголок» при Иргубагентстве «Центропечать» в качестве специалиста книжника-библиотекаря с момента возникновения библиотеки-читальни до последнего дня его отъезда из Иркутска в Томск, за что «Центропечать» настоящим выражает ему свою глубокую благодарность.

Просим все советские, партийные и др. организации оказывать П. И. Макушину возможное содействие, как чрезвычайно полезному для советского строительства России специалисту книжного дела и как истинному другу народа».

Свое пребывание в Иркутске Макушин считал временным. Всею душой он рвался в Томск.

3 января 1920 года, через десять дней после того как в Томске установилась советская власть, он посылает из Иркутска в Томский комиссариат народного образования заявление: «Прошу Вашего разъяснения, на каких условиях и началах будет функционировать библиотека при магазине П. И. Макушина. И, если не представится затруднений, дать разрешение открыть библиотеку для абонентов в ближайшие дни». В этом же заявлении он поручает своему зятю, инженеру Ивану Скокану взять на себя заботы о библиотеке до момента своего возвращения.

В эти трудные месяцы 1920 года связь с Томском идет главным образом через Ивана Георгиевича Скокана, мужа младшей дочери Викторины. Именно он сообщает в Иркутск все томские новости. Иногда почтой, часто с оказией. Среди них много печальных.

Одна поразила в самое сердце. 7 марта 1920 года расстрелян Александр Васильевич Адрианов. Выпускник естественного отделения физико-математического факультета Петербургского университета, он появился в Томске в 1880 году с предложением перевезти из Иркутска в Томск издание оппозиционной газеты «Сибирь». Предложение не было принято по ряду причин. Но приезд Адрианова подстегнул давно зревшее решение: выпускать в Томске собственную газету. Ей дали название «Сибирская газета», а сам Адрианов получил

место заведующего Сибирским отделом, кроме того он должен был вести секретарство и держать корректуру.

С тех пор прошло сорок лет. Адрианов стал известным археологом, этнографом, публицистом. Он принимал участие во многих экспедициях Г. Н. Потанина по Сибири и Монголии. Результатом этих поездок явились книги «Путешествие на Алтай и за Саяны», а также «Очерки Минусинского края». Но как бы далеко не уезжал Адрианов, он возвращался в Томск, город, ставший ему родным. Недаром Томску посвящены две его серьезные книги «Город Томск в прошлом и настоящем» и «Томская старина». Не расставался он и с публицистикой. Читатели «Сибирской жизни» всегда узнавали его острое перо.

Последние три года до роковых событий (1916-1919) Адрианов занимал пост главного редактора «Сибирской жизни». «Свою работу в «Сибжизни» я считаю методом политической борьбы, а отнюдь не преступлением, т. к. в газете я помещал статьи, в коих выражались мои политические убеждения» — так ответил Адрианов на обвинения томских чекистов в контрреволюционной деятельности. В ответ томская ЧК постановила: «Применить высшую меру наказания — расстрел. Имущество конфисковать».

Весна 20-го года застаёт Макушина еще в Иркутске. 20 мая 1920 года Макушин был неожиданно арестован сотрудниками иркутской ЧК. После трех суток, проведенных в доме предварительного заключения, он был выпущен с извинением, что произошло «досадное недоразумение». Чтобы как-то загладить свою оплошность, сотрудники ЧК предложили ему место в служебном вагоне, следовавшем в Томск.

Возвратившись в Томск, Макушин узнал, что его магазин книжных, музыкальных и канцеляр-

ских товаров национализирован. На 400 тысяч рублей товаров из национализированного магазина стало государственной собственностью. О том, как широко было поставлено торговое дело Макушина, говорит «Список служащих магазина и библиотеки П. И. Макушина на пособие деньгами от томского комиссариата труда». В этом списке на 5 января 1920 года значатся 42 человека. Причем все они, от служащих конторы до дворников и чернорабочего, получили от советской власти равное пособие — 347 рублей.

В государственную собственность превратилась и публичная библиотека Макушина, в которой насчитывалось 40 тысяч томов. Лишился Макушин и той части своего недвижимого имущества, которую составляли доходные дома.

«Национализация прошла в общем порядке строительства новой жизни, и возражать и оспаривать ее я не считал и не считаю себя вправе», — записал он в своей тетради. И добавил: «Но я тяжело перенес муниципализацию старого деревянного дома, в котором прожил половину моей жизни и был жестоко обижен и остаюсь таковым; конфискацией моей домашней обстановки: семейной библиотеки, мебели, посуды, экипажа, лошади, коровы и т. п. На 76-м году жизни я оказался обнищальным, бесприютным стариком. В голове гвоздем до сего времени остается неразрешенным вопрос: за что?.. В прошлом полувековая неустанная работа на пользу просвещения, на пользу всей Сибири... и такой конец...»

Подавленное душевное состояние усугублялось еще одним происшествием. В начале июля он был снова арестован, на этот раз томской ЧК. Два конвоира провели его ночью через весь город в дом предварительного заключения. К полудню его выпустили на свободу: донос оказался ложным.

«Мои недруги сводят со мной счеты, но к их огорчению, попытки опорочить меня в глазах Советской власти оказываются неудачными», — отмечено в тетради сразу же после возвращения домой.

А утром следующего дня он записывает на отдельном листке: «Отношение томской интеллигенции к моему аресту по ордеру Вечека и отношение последнего ко мне во всем его составе явилось для меня тем живительным дождем, который падает на пожелтевшие от засухи поля и нивы и вызывает оживление и рост. В душе зарождается интерес к жизни, вновь загорается желание продолжить свою работу в области народного образования. Мы еще повоюем! 7 часов утра 8 июля 1920 г.»

Но предел неистощимости духовных и физических сил все-таки наступил. В сентябре 1920 года он обращается в Совет народных комиссаров с просьбой о том, чтобы в случае его смерти тело было предано земле в ограде «Дома науки».

Ему отвечает В. Д. Бонч-Бруевич: «В ответ на Ваше ходатайство по поводу Ваших похорон, сообщаю Вам, что Наркомвнудел сообщил мне по этому делу, что оно подлежит рассмотрению исключительно местной властью».

Действительно, Томский губисполком вынес постановление: «просьбу удовлетворить».

«На вопрос предгубисполкома, нет ли у меня еще какой-либо просьбы, я, при тогдашнем настроении, ответил, что больше ничего не желаю...», — записывает Макушин.

Но все-таки хлопоты Макушина о могиле оказались преждевременными — жажда жизни и деятельности преодолела болезнь и слабость. А раз жив — надо действовать. Этим правилом он руководствовался всю жизнь. И вот уже отправлено в

Главполитпросвет Комиссариата народного просвещения заявление, в котором Макушин просит «о предоставлении ему административно-хозяйственного заведования Томской центральной библиотекой (бывш. Макушина).

«Масса книг от отсутствия своевременного ремонта пришла в негодность, много книг зачитано читателями. Недостаток знающих служащих, отсутствие топлива привели к тому, что библиотека с осени закрыта, и граждане лишены возможности пользоваться ею», — пишет Макушин в своем заявлении.

Главполитпросвет направил в Томск бумагу, в которой говорится, что Центральная библиотечная комиссия при Главполитпросвете «считала бы со своей стороны полезным использовать знания и опыт по библиотечному делу гражданина Макушина». И хотя документ датирован 22 февраля 1922 года, 1 июня Макушин еще не у дел.

Это рождает горькие строки: «Обидно до слез, что на закате дней своих я лишен возможности продолжать свою просветительную деятельность, которой посвящена была вся моя жизнь».

И вдруг о нем вспомнили. Петр Иванович в это время находился в селе Берском, на берегу Оби, гостил у родных.

Неожиданно в Берский совет пришла телеграмма из Новониколаевска: «Найдите проживающего в Берске или около Петра Ивановича Макушина из Томска и от нашего имени предложите приехать в Новониколаевск для важных деловых переговоров. Расходы проезда, содержание и прочее за наш счет. Телеграфируйте результаты. Председатель правления Сибгосиздата М. Басов».

Не дожидаясь рейсового парохода, Макушин нанял лодку и отправился в 35-километровое пла-

вание по Оби. К утру он был уже на заседании правления. Ему была предложена должность заведующего торговым отделом.

В это время Сибгосиздат переживал трудный период. Ликвидация за год перед этим «Центропечати» оставила издательство без бумаги. Кроме того, не было опыта работы с книгой. Особенно со старой книгой. Именно тогда ценные книги часто продавались на раскурку.

Председатель правления М. М. Басов, его помощники Е. И. Ярославский, В. П. Правдухин, Л. Н. Сейфуллина принимают срочные меры. В Красноярске создается Центральное книгохранилище ценных книг. Тогда же по предложению Петроградского госиздата удалось обменять вагон хлеба на вагон книг. В самом деле, в то время как в Москве и Петрограде скопились на складе запасы книг, Сибирь страдала от недостатка литературы.

Для реализации прибывающей литературы создаются магазины на паях комиссионной торговли.

На обязанности заведующего торговым отделом лежало восстановление старых книжных магазинов, открытие новых во всех уголках Сибири. «Идейная сторона дела — продвижение книги в народ, игравшая в моей предыдущей деятельности большую роль, — прельстила меня, я дал свое согласие».

В августе 1922 года вместе с председателем Правления М. М. Басовым Макушин выехал в Москву. Здесь его ожидало много приятных встреч со старыми знакомыми книгопродавцами и издателями. Еще были живы И. Д. Сытин, И. Н. Кнебель и другие его партнеры по книжной торговле. Имя Макушина открывало сердце старых книжников и представителю Сибгосиздата.

Тогда же в Москве, посещая книжные склады, он думал о том, какой непочатый край работы: сотни и тысячи неучтенных, не приведенных в порядок книг, а опытных специалистов почти нет. «Мечтаю об учреждении в России если не института книговедения с факультетами книгоиздательским и книготорговым, то по крайней мере книжного техникума», — записано в его тетради.

А пока он продолжал, не покладая рук, работать, передавать свой опыт, свои знания в издательском и книжном деле. «Так я оказался снова на своем излюбленном деле, получив возможность содействовать путем распространения книги делу просвещения дорогой Сибири». Через год после вступления в должность, в июне 1923 года, последовало постановление Томского губисполкома: «Во внимание к заслугам П. И. Макушина в деле распространения просвещения в Сибири предоставить в пожизненное пользование ему и его жене один из бывших его деревянных домов с освобождением от всех налогов местных и государственных».

Чтобы оценить этот документ, надо воочию представить себе то особое время, когда революционная жестокость никого не удивляла, а к пересмотру принятых решений прибегали не так часто. Но слава Макушина в данном случае оказалась сильнее сложившихся традиций.

О том, что слава Макушина вышла далеко за пределы Сибири, говорят приветствия, полученные им в день 50-летия открытия первого в Сибири книжного магазина. 4 марта 1923 года «неутомимым книжным работником» назвал его в своем приветствии О. Ю. Шмидт. «Ветерану книжного дела» адресована телеграмма В. Д. Бонч-Бруевича, «основоположником книжного дела в Сибири» именует Макушина Русско-германское общество

«Книга». «Старого работника просвещения» приветствовали коллеги из Московской конторы Сибгосиздата.

В приветствии от правления Сибгосиздата были такие строки: «Вы не отказались встать с нами рядом на работу и после Октябрьской революции, когда многие люди вашего поколения покинули Россию, и отказались от участия в работе в новых условиях».

Прямо на тексте приветствия Макушин сделал такую надпись: «Участие в работе, правда, ничтожное, по теперешнему состоянию моих сил, я нахожу большим для себя на старости лет удовлетворением и радуюсь, что дело, начатое мною назад тому полвека, попало в крепкие руки».

Действительно, он не может оставить начатое когда-то дело, расстаться с планами, которые не нашли осуществления до 1917 года. Именно с этим связан тот факт, что в юбилейные дни он составляет заявление в правление Сибгосиздата.

«Уже много лет я лелеял мечту об учреждении в Сибири «Сибирского литературного фонда», в задачи которого входило бы: материальная помощь литераторам-сибирякам и лицам, посвятившим свои литературные труды Сибири, назначение пенсий престарелым и больным литераторам, присуждение премий за лучшие книги о Сибири, поддержка начинающих писателей средствами для всестороннего образования».

Далее Макушин просит о том, чтобы Сибгосиздат «взял на себя инициативу основания «Сибирского литературного фонда». «Да будет так!» — заканчивает он свое заявление.

«Да будет так!» — это не пустые слова. Современники вспоминают, что в двадцатые годы в томском книжном магазине Сибгосиздата каждый день

можно было увидеть в самой гуще книг, порой у верхних полок, седого красивого старика.

Диву даешься, как много успевал этот восьмидесятилетний человек. Ведь кроме работы в Сибгосиздате Макушин в марте 1924 года избирается товарищем председателя Сибирского отделения Всероссийского общества «Долой неграмотность». С гордостью он получает членский билет № 1.

По командировке этого общества летом 1924 года он побывал в Москве. На его командировочном удостоверении, которое хранится в Томском краеведческом музее, есть надпись: «Будьте любезны информировать выдающегося работника просвещения П. И. Макушина. А. Луначарский».

В эти же годы вышла в свет брошюра Макушина «К пятидесятилетию книготорговли в Сибири» (из воспоминаний). Им была подготовлена и еще одна рукопись — «Газетно-издательская деятельность во времена царизма», напечатанная в журнале «Северная Азия» (№ 20, 1928 г.) уже после смерти автора. Не прекращалась работа и над «Записками». Но самым блестящим литературным трудом тех лет явилась речь на чествовании по поводу 80-летия, в июне 1924 года. Это чествование устроил в Доме просвещения Союз работников просвещения.

«Из дорог, ведущих народы к прочной свободе и благосостоянию, мною была выбрана самая длительная и медлительная: возможно широкое распространение среди народных масс образования. Первым своим лозунгом я избрал: «ни одного неграмотного», а вторым — «хорошая книга пусть будет доступна всем», — сказал на этом торжестве Макушин.

Под одобрительные аплодисменты присутствующих он воздал хвалу учительству: «Разыграно

первое действие поучительной драмы, которую я назвал бы «Борьба с неграмотностью». Я в этой драме был режиссером и суфлером. При оценке игры — забыты исполнители: скромные труженики на ниве народного образования — учителя и учительницы, забыты корни, питающие драгоценное дерево, именуемое «просвещение народа». Достижениями в области народного образования я во многом обязан этим сотрудникам».

В заключение Макушин сказал, что престарелый знаменщик и барабанщик незначительной по численности роты добровольцев-борцов просвещения приветствует просветительскую организованную армию, призываемую под знамя «долой неграмотность» и желает ей настойчивости, веры в святость своего дела, любви к сидящим во тьме, ибо только при этих условиях «знамя» «Долой неграмотность» будет знаменем «Сим победиши».

Вернувшись домой после торжеств в Доме просвещения, Макушин нашел у себя на письменном столе целую пачку писем и телеграмм. Но особенно его взволновало письмо Михаила Басова, председателя правления Сибкрайиздата, который в это время находился в командировке в Москве:

«Дорогой Петр Иванович! Присылаю Вам с этим письмом самые искренние пожелания бодрости и здоровья духом и телом. Очень жалею, что не могу обнять Вас и передать лично поздравления. Примите же их в столь несовершенной форме. Здесь, вдали, в Москве, как-то объективнее оцениваются вещи, события и дела. Принимая участие в юбилейном праздновании Госиздата, я душой был с Вами, я ежеминутно вспоминал Вас, и Ваша жизнь вставала передо мной, как огромное, непредвиденное в Сибири явление. Я говорил в своих поздравлениях Госиздату, что его работа, как бы ни была трудна,

окупится с лихвой. Я указывал, что результатом ее явится дыхание культуры в самых диких углах страны, в тундренной и таежной Сибири, населенной первобытным человеком — ибо как и назвать иначе неграмотного человека? Культура, привитая на девственной почве, примет такие формы, какие мы и представить себе не в состоянии. Огромные, непочатые края, таящие в себе такие возможности, — это ли не награда за труд?

И все это в сугубой степени надо отнести к Вам, ибо неизмеримо труднее была работа пионера, взваленная Вами на свои плечи. Можно только преклоняться перед тем, что человек, проживший столько лет, сохранил прежние рвение и веру в дело, что в нем сохранились те же порывы, какие давали ему силы при начале работы.

Десять лет тому назад я не мог думать о том, что мне придется быть Вашим учеником, и я счастлив, что работаю сейчас в том деле, какое начали Вы полвека тому назад. Нас не хватит на такое долгое время работы. Жизнь изменила свои формы, и мы надеемся только на то, что мы будем работать коллективно, сменяя друг друга. Тем более резко выявляется Ваша личная работа, работа в одиночку, в неизмеримо более неблагоприятных условиях.

Все это дает мне право, дорогой Петр Иванович, просить Вас бережнее относиться к себе, чтобы сохранить в себе целительную силу — источник бодрости и энергии, из которого — я в это хочу верить — не один я или мои товарищи по работе омогут черпать силы.

Примите же мои поздравления — немощен язык мой, чтобы передать силу горячей привязанности к Вам и глубокого уважения.

Мих. Басов».

Вскоре после чествования в жизни Макушина произошло еще одно важное событие. По этому случаю в архиве осталась любопытная записка. В правом углу, сверху помечено: «10 часов вечера 13/Х 1925». Далее крупно выведено: «Для памяти». А затем следует текст: «Прочитав в «Красном знамени» известие о том, что 13/Х в 6 ч. вечера последует открытие «Народного университета» в г. Томске, решил приветствовать проектируемый университет.

На открытии в актовом зале Государственного университета был избран в президиум собрания. Предоставленное мне слово было встречено долго продолжавшимися дружескими аплодисментами всего собрания. Такими же аплодисментами был награжден и по окончании приветствия. В заключение, после избрания правления университета, единогласно и шумно мне было присвоено звание — «почетного председателя правления Народного университета».

Отмечаю эти факты, как первое публичное признание Советской властью моих заслуг по народному образованию, чем я вполне удовлетворен».

На полях этого листка есть еще приписка: «На собрании присутствовало до тысячи человек; но из интеллигенции — ничтожное число. Объясняю это тем, что организация университета была признана публикой делом узкопартийным, но я лично признаю за ним общеобразовательное значение и потому искренно рад и приветствую».

Свои мысли об общеобразовательном значении Народного университета, обращаясь к собравшейся аудитории, Макушин выразил такими словами: «Настоящий день я считаю днем пробуждения, воскрешения моей дорогой мечты о Народном университете от длинного летаргического сна. Я пере-

живаю то же, что переживает старая мать, встречающая через много лет своего нежно любимого сына, находившегося в беззаветной отлучке.

Идея не умерла, но отделанная сообразно условиям и требованиям новой жизни в лучшую оправу, под покровительством народной власти, имеет широко осуществиться на благо народных масс, из едва терпимой сделалась покровительствуемой, желанной, господствующей.

Глубоко убежденный в том, что просвещение и наука дадут человечеству свободу и благосостояние, горячо приветствую всем доступный и облагораживающий источник знания, так необходимый для строительства новой жизни на началах истинной свободы, сознательного равенства и братства, возникающих не по приказу, а из альтруистических побуждений, когда человек научится любить ближнего, как самого себя.

Пусть томский Народный университет будет мощным проводником знания в народные массы, могучим сибирским Волховстроем в строительстве новой социальной жизни».

После открытия Народного университета Макушин прожил меньше года. За два месяца до смерти он был избран почетным членом Московского общества по изучению Урала, Сибири и Дальнего Востока. А за несколько дней до кончины его видели в книжном магазине, где он подбирал литературу для проходившего в то время в Томске съезда врачей. Простудившись на сквозняке во время работы, он упрямо не желал покидать своего «поста», как любил говорить. Воспаление легких уложило его в постель.

Но и тогда чувство самообладания не покидало его. В своем предсмертном письме Макушин так выразил свою последнюю волю: «Тело должно быть

предано земле гражданскими похоронами». «Вместо памятника на могилу поставить рельсу и сверху укрепить электрический фонарь».

Рельс и электрический фонарь — символы индустриализации, электрификации и просвещения Сибири.

На письменном столе Макушина осталось письмо, которое он намеревался отправить в Москву А. В. Луначарскому.

«Глубокоуважаемый Анатолий Васильевич!

С юных лет болея душой о народной темноте и грубости нравов, я, по мере сил и разума, не устану не за страх, а за совесть, бороться с ними на протяжении 58 лет.

В настоящее время 82-летний старик, лично потерявший силы, интенсивно продолжая эту деятельность, я страстно желаю видеть начало осуществления моих заветных посмертных предположений в развитии этой деятельности путем эксплуатации имущества, которое создано мною в Томске специально на дело народного просвещения».

Далее Макушин писал о том, что, хотя «завещание» его после революции и аннулировано, он надеется, что советская власть, власть народа, не сочтет его планы относительно создания в Томске «Дома искусств», «Сибирского областного музея», «Дома народного учителя» праздной мечтой. Макушин так предлагал распорядиться его бывшим недвижимым имуществом:

«Дом на углу Благовещенского переулка и ул. Равенства № 5/1 обратить под «Сибирский областной музей».

«Дом на углу ул. Равенства — каменный, трехэтажный, № 3, 38 комнат, — передать под музыкальные классы, существующие в Томске более 30 лет, под классы живописи и ваяния и под театральную студию».

«Четыре деревянных дома по Петропавловскому переулку № 6 — обратить под «квартиры народного учителя (инвалидов и больных)».

Доходы с домов., находящихся по Монастырской улице № 25., передать в распоряжение Правления народного университета, открытого 13/X 1925 года, воскресившего мою идею о народном университете в Томске».

Заканчивал он свое письмо словами: «Усердно прошу Вас, которому вверено знамя просвещения на Руси, принять исполнение моих предположений под свое просвещенное покровительство.

Жизнь прожита. Вспоминая свои достижения в области народного образования, чувствуя себя вполне удовлетворенным за эту работу, какая проделана за мою долгую жизнь... Дню грядущему — привет».

НАСЛЕДНИКИ

«...Жил в Томске купец Макушин. Он был известен, как поборник просвещения и благотворитель. Он построил технологический институт... Потом он умер. Он завещал похоронить себя не на кладбище, но во дворе построенного им института, а на могиле вместо креста поставить памятник: кусок рельсы, лампочку и надпись: «Путь к знанию». Завещание было в точности выполнено. Лампочку, однако, вскоре стянули: все в городе знали, каков путь к знанию, но лампочек в городе не было... Рельса еще стояла на месте, но некто уже выдвинул проект: из рельс... изготовить превосходные утюги».

Эти строки из романа Ильи Эренбурга «День второй», написанного в 1932 году, в Париже, в

1947 г. прочла студентка-первокурсница Томского университета и решила своими глазами увидеть разоренную могилу Макушина. Не один раз обошла дворы всех корпусов Технологического института, но ни рельс, ни вообще каких-либо следов могилы не обнаружила.

Кто-то сказал ей, что в университетской библиотеке работает дочь Макушина Елизавета Петровна. Она заведует читальным залом для научных работников. Набравшись храбрости, робко подошла к книжной стойке, за которой работала Елизавета Петровна.

«Потом-то я поняла, конечно, что с таким вопросом обращаться было по крайней мере так же глупо, как напрямую верить писаниям Эренбурга», — вспоминала почти пятьдесят лет спустя Римма Колесникова на страницах краеведческого альманаха «Сибирская старина». Кстати, шестой номер альманаха за 1994 год почти полностью посвящен 150-летию со дня рождения П. И. Макушина.

Но вернемся к живому тексту этих воспоминаний: «Елизавета Петровна (в самой глубине взгляда чуть мелькнуло удивление), внимательно глядя в мое лицо, спокойно, вразумительно и тактично объяснила, что могила ее отца в полном порядке, она — во дворе палисада Дома науки на Соляной площади у Белого озера. А Эренбург все спутал или не уяснил себе. И наверху вертикально стоящего рельса круглосуточно горит лампочка. А Эренбург экстраполировал свою любимую метафору всеобщей разрухи и на эту деталь томской истории».

Далее следует словесный портрет Елизаветы Петровны: «...По ней можно было судить о том, как природа (в отличие от людей, хотя и люди — природа) сохраняет лучшее и ценное своими способа-

ми. Так, умное, сильное лицо П. И. Макушина с фотографий как бы спроецировалось (в женском, конечно, варианте) на лицо Елизаветы Петровны... Статная, с полными ногами, неторопливой, ровной походкой. Простая и уважаемая.

Она как-то по-своему, как от всего сердца любимую вещь, выдавала книги читателям. Когда Елизавета Петровна была за книжной стойкой, располагавшейся тогда налево от входа, весь профессорский зал, с его венской мебелью, зелеными настольными лампами с идеальными пропорциями и кружевной лепниной казался мне «престольным праздником» с любящей мудрой хозяйкой во главе.

...Удивляли и примагничивали к Елизавете Петровне ее такт и доброжелательность: ни тени демонстративно модного сегодня раздражения и «интеллигентской» злости-обиды на государство. А ведь советская власть не очень-то сохранила результаты великих трудов отца ее, Петра Ивановича Макушина, его коллег и помощников, среди которых ближайшей и преданнейшей была она, старшая дочь».

К рассказанному Риммой Колесниковой остается добавить, что Елизавета Петровна не растерялась после экспроприации макушинского дела. Ей было почти пятьдесят лет, когда в 1920 году она пришла работать в университетскую библиотеку. Ее ум и эрудицию оценили коллеги. 34 года Елизавета Петровна заведовала читальным залом для научных работников, а также много лет входила в состав библиотечного совета университета. Ее проводили на пенсию в 1956-м, в год, когда ей исполнилось 83 года. Через несколько лет она пережила чудовищный пожар в своем жилище. Огонь безжалостно уничтожил личный архив, книги с

дарственными надписями отца, письма и открытки друзей и знакомых. Погибла и драгоценная рукопись стихотворения, которое она сочинила еще в 1891 году. Тогда томичи отмечали 25-летие просветительской деятельности ее отца. Ей было всего 18 лет. Скромность не позволила опубликовать свое творение, посвященное горячо любимому отцу.

Не слышно псов, не слышно ржанья.
Как тихо все. Аул весь спит.
И только ветерка дыханье
Листы деревьев шевелит.
Да там, далеко за горою,
Безумной ярости полна,
Воюя с дикою скалою,
Шумит строптивая волна.
Седым закутавшись туманом,
Как будто белою чадрой,
Уснули горы-великаны
В красе торжественной своей.
Свод неба чист. И звезды ночи
Сияют ярко, будто очи.
И вот торжественно луна
Взошла покойна и ясна.
Но чу... шаги. Там по долине
Тропою юноша идет.
Один в тот миг во всей пустыне
Лишь он сознательно живет.
Картины вечные природы
В нем с новой силою зажгли
Мечты о счастье народа
И благоденствии земли.
И мыслит он: «тропой неторной
Отныне должен я идти,
С судьбой поспорить непокорной, —
Препятствий много на пути.

Но будет целью всех стремлений
Девизом до заката дней:
Ни одного без просвещения
На бедной Родине моей.
Могучи скалы и теснины,
Но беспокойная река
В них роет гроты и ложбины,
Хотя и в долгие века.
Могуч и мрак и заблужденья,
Но через много долгих лет
И в наши дальние селенья
Проникнет знанья дивный свет...»
Года умчались чередою...
И прежних многих в мире нет,
Но он идет своей тропою,
Неся с собою знанья свет...

Эти стихи увидели свет только через 25 лет после их написания, в 1916 г. в книге Григория Крекнина «Ревнитель света — П. И. Макушин». Елизавета Петровна не пожелала обнародовать своего имени. Она укрылась за подписью: «г. N».

В 1963 году старшей дочери Петра Ивановича Макушина не стало. Ей шел девяностый год. Завещание Елизаветы Петровны удивило томичей так же, как когда-то последняя воля ее отца: «тело должно быть предано земле гражданскими похоронами». Она же завещала передать свое тело анатомическому музею Томского медицинского института.

Викторина Петровна Макушина, младшая дочь Петра Ивановича, пережила свою сестру всего на шесть лет. Она тоже умерла в очень преклонном возрасте: ей шел 81 год. Сыновья и внуки достойно проводили ее в последний путь. Сорок пять лет ее жизни прошли в Москве. Но все-таки она всегда считала себя сибирячкой, не порывая связей с

родной стороной. За два года до смерти она получила бандероль с номером журнала «Сибирские огни». В нем была помещена «Краткая хроника литературной жизни Сибири» (1922-25 гг.). Аккуратно подчеркивая карандашом имена писателей, поэтов, критиков, организаторов издательского дела, Викторина Петровна отмечала на полях: «знала», «хорошо знакома», «читала с интересом».

Емельян Ярославский, Михаил Басов, Валериян Правдухин, Лидия Сейфуллина. В публикации о Сейфуллиной особо отметила строки воспоминаний жены Луначарского Н. Розенель-Луначарской.

«Луначарский один из первых среди членов правительства посетил Сибирь. Он выехал в чудесную весеннюю погоду в легком пальто, а встречавшие его в Новониколаевске сибиряки были в пимах, ушанках, закутанные в меховые шубы. Не мудрено, что в таком «оформлении» Анатолий Васильевич принял писательницу Лидию Николаевну Сейфуллину за мальчика. Местные люди, знакомя их, шепнули: «Наша гордость, настоящий талант». Анатолий Васильевич от души пожал руку миниатюрному существу в меховой дохе и нахлобученной ушанке, из-под которой видны были только большие темные глаза и задорный круглый нос. Вечером Луначарский спросил у предревкома:

— Вы знакомы с молодым татарским писателем Сейфуллиным?

— Нет, никогда не слышал.

— Странно, я слышал о нем хорошие отзывы, говорят, способный парнишка. У него есть какой-то роман о правонарушителях.

Предревкома расхохотался:

— Ах, если «Правонарушители», я знаю, о ком вы спрашиваете. Это не молодой татарский писатель, а молодая русская писательница — Лидия Сейфуллина.

Позднее, в Москве, приходя к Анатолию Васильевичу, Сейфуллина спрашивала:

— К вам молодой татарский писатель, можно войти парнишке?»

«Все — так. Не раз слышала от Сейфуллиной», — прокомментировала на полях журнала Викторина Петровна этот курьезный эпизод.

Судьба свела ее с сибирскими литераторами в 1922 году, когда Петр Иванович Макушин неожиданно получил приглашение занять должность заведующего торговым отделом Сибгосиздата. Родные радовались за него: наконец-то будет возможность заниматься любимым делом. Но в душе жила тревога: справится ли? Ведь без малого семьдесят лет. На семейном совете решили: нужен помощник. Выбор пал на нее. И не напрасно. Молода — всего 34 года. Образованна — гуманитарное образование получено в Сорбонне. Блестяще владеет тремя иностранными языками.

Но существовали обстоятельства против этого решения. Викторина Петровна была замужем за Иваном Георгиевичем Скоканом, по профессии инженером. В семье подрастали двое сыновей: Андрей шести лет и Петр — четыре года. Как доверить заботы о них другим людям?

И все-таки она дала согласие начать вместе с отцом работать в Сибгосиздате. Слишком дорог был ей отец и его дело. С тех пор их всегда видели вместе: в поездках по Сибири, на встречах с писателями и издателями, на совещаниях с книгопродавцами.

В 1924 году по делам Сибкрайиздата они побывали в Москве. Нарком просвещения Луначарский любезно принял Петра Ивановича Макушина, помог решить многие вопросы. В этот год переменялась и судьба Викторины Петровны. Она была на-

значена начальником Московского отделения Сибкрайиздата. Затем много лет руководила одним из отделов в Международной книге, преподавала иностранные языки в высших учебных заведениях Москвы.

Все эти годы она хранила драгоценный архив своего отца: переписку, книги и его собственные воспоминания.

Много лет Викторина Петровна мечтала издать книгу о своем отце. Ее личный архив хранил многочисленные обращения в московские издательства, подробные планы-проспекты предполагаемого издания. Но, несмотря на то что она сама всю свою трудовую жизнь занималась изданием и реализацией книжной продукции, осуществить задуманное ей не удалось. Имена российских миллионеров-благотворителей были на много лет вычеркнуты из народной памяти.

После смерти Викторины Петровны архив Петра Ивановича Макушина перешел к ее младшему сыну — Петру Ивановичу Скокану. Почти десять лет аккуратные картонные ящики с рукописями, фотографиями, книгами хранились на антресолях небольшой двухкомнатной квартиры в самом центре Москвы, пока случай не привел меня в этот дом. О том, как это случилось, рассказано в главе «От автора».

В 1986 году Томское книжное издательство выпустило в свет книгу «Сибирский просветитель Петр Макушин». И хотя перестройка набирала обороты, власти чего-то опасались: тираж книги был мизерный — 1500 экземпляров. Его хватило только на три дня торговли (в книжных магазинах Томска).

Сразу после выхода книги Петр Иванович Скокан начинает «пробивать» второе издание. Благо

имя заслуженного архитектора РСФСР уже известно в области. По заказу томичей он сделал проект мемориальной доски для дома № 4 по набережной реки Ушайки. Именно здесь в 1873 году его дедом был открыт первый в Сибири книжный магазин. На торжестве по этому поводу архитектор присутствовал лично, впервые за пятьдесят лет посетив город, где он родился.

Второе издание книги «Сибирский просветитель Петр Макушин» с изменениями и дополнениями вышло в начале 1991 года, тиражом в 15 тыс. экземпляров. Но Скокан не мог этому порадоваться.

В январе 1991 года Петр Иванович Скокан умирает от тяжелой болезни на 73-м году жизни.

Многие друзья и соратники отозвались на его кончину. Среди них самым ярким «Словом» были воспоминания его друга и соратника архитектора Николая Сукояна:

«Петр Иванович Скокан — легенда моего поколения. Когда я поступал в Московский архитектурный институт, его имя гремело в институте. Это звонкое, веселое, гарцующее имя оказывалось всегда впереди — Скокан брал первые премии на конкурсах, первые места в курсовых программах, был одним из лучших спортсменов института, признанным лидером своего курса с первых учебных дней.

Когда в 1940 году академик Иван Владиславович Жолтовский, придя в институт, предложил одну конкурсную программу для всех курсов — лодочную станцию на Москве-реке, именно проект Петра Скокана был отмечен высшей наградой. Еще будучи студентом второго курса П. Скокан с товарищами проектирует и строит павильон юнатов на ВСХВ.

Когда в 1939 году в состав Советского Союза

вошла Западная Украина, П. Скокан с группой своих друзей по курсу организует велопробег во Львов и Закарпатье, откуда привозит великолепные акварели.

Перед этим два-три лета подряд альпинистские восхождения, походы. Петр побывал в одном из красивейших ущелий Кавказа Адыр-Су. Участвовал в покорении сказочной вершины Улатау Чана. Прошел Местийский перевал, перевал Голубева, Твибер. Позади сотни километров по верхней и нижней Сванетии, Кабардино-Балкария, верхняя Грузия. Окончены горнолыжная школа инструкторов альпинизма в Домбае, парашютная школа. Он участвовал в лыжных соревнованиях по равнине на 20 и 50 километров, соревнованиях на первенство Москвы среди студентов по слалому, прыжкам с трамплина. Любил и легкую атлетику, особенно ежегодные баскетбольные баталии, участвовал в соревнованиях на первенство Москвы по академической гребле.

Когда разразилась война, Петр Скокан по призыву комсомола парашютистом был заброшен в тыл врага и успешно выполнил свою боевую задачу, связанную с немалым риском для жизни.

Затем работал в Военпроекте. П. Скокан побеждает в конкурсе на проект ордена Суворова и в 24 года награждается орденом Трудового Красного Знамени. Он строит памятники павшим воинам Закарпатского фронта, продвигаясь вместе с боевыми частями.

После войны — учеба в аспирантуре, работа в мастерской-школе академика И. В. Жолтовского. Появляются первые проекты послевоенного строительства — типовые домики, горсоветы, типовые клубы, народные суды, крупнопанельные дома.

И одновременно строительство, рабочие чертежи, фрагменты, детали, шаблоны: жилой дом на проспекте Мира, Московский государственный ипподром, санаторий «Горный» в Ялте.

Трудолюбие Петра Ивановича Скокана не имело предела. Бывают таланты, которые легко предложив красивую идею, не умеют «довести» ее, углубить, развить, и идея гаснет. Петр Скокан не был из их числа. Сама идея, образ возникали у него в ходе огромного труда, предварительного, всестороннего изучения задачи. И дальше вглубь и вширь и еще раз вглубь, и еще раз проверяя в бесчисленных вариантах, он ищет и ищет оптимальное решение. Это и была школа Жолтовского.

В 60-е годы Петр Иванович возглавляет архитектурную мастерскую Моспроекта-2, занимавшуюся реконструкцией Бауманского и Калининского районов столицы. В эти годы под его руководством разрабатываются проекты детальной планировки этих районов. Проектируется и строится киноконцертный зал «Новороссийск».

В 70-е годы П. И. Скокан в составе основного авторского коллектива выполняет проект и осуществляет надзор за строительством Центра международной торговли на Красной Пресне. Совместная работа с американскими проектировщиками и строителями была в духе общительного, пытливого нрава Петра Ивановича. Он многое приобрел в этой работе и щедро делился своим новым опытом с коллегами.

В эти же годы он проектирует и строит посольство в Кабо-Верде (острова Зеленого мыса), пансионат Адыл-Су, санаторий «Озера» под Москвой.

Страсть к путешествиям, активному спорту осталась у Петра Скокана навсегда. Трудно назвать места, где бы он не побывал и не извлек оттуда

новый опыт и новые знания: Север, Сибирь, Средняя Азия, Армения, Грузия, Дагестан, Крым, Горный Кавказ. Как только появилась возможность, — с 1950-х годов и начались его зарубежные поездки: Италия, Англия, Франция, Испания, Татры.

Из каждой поездки — огромное количество рисунков, обмеров, путевых записок, фото, слайдов. Но главное — листы акварели и темперы. Прозрачность, светоносность, тонкая нюансировка цвета отличали его талантливую живопись.

Вспоминаю нашу последнюю совместную поездку по Греции. Петр Иванович на верхней палубе катера, насквозь продуваемой холодным средиземноморским ветром, все писал и писал один за другим этюды «состояния» неба и моря. Ионического моря — самого красивого по цвету, как утверждал наш учитель академик Жолтовский.

Остается добавить, что за вклад в архитектуру П. И. Скокан награжден орденом «Знак Почета», удостоен премии Совета Министров СССР, а в 1986 г. ему было присвоено звание заслуженного архитектора РСФСР.

Как секретарь правления Союза архитекторов Скокан руководил военно-шефской работой. Участвовал во встречах в воинских частях в Москве, Ленинграде, Ростове, Новосибирске, Волгограде, Минске, Красноярске и родном Томске. Тема войны до последних дней волновала его. В московской школе, где он учился, стоят бронзовые мальчики в длинных шинелях, навсегда ушедшие на войну. Его младшие сверстники. Вместе со своей старой учительницей он помогал ставить этот знак памяти. Художники, скульпторы, ученые — его школьные товарищи — всегда окружали П. Скокана.

Высокий, прямой, статный, всегда творчески беспокойный, ищущий, молодой... Таким останется

в памяти Петр Иванович Скокан — одаренный архитектор, прекрасный художник, человек и товарищ».

К прекрасному «Слову» архитектора Николая Сукояна ничего не хочется добавлять. Единственное, что очень важно: архив своего деда Петра Ивановича Макушина его внук Петр Иванович Скокан завещал отделу редких книг и рукописей Научной библиотеки Томского государственного университета.

Летом 1991 года в дни проведения в Томске Вторых Макушинских чтений вдова Петра Ивановича — архитектор Кира Александровна Шуманская и его старший брат Андрей Иванович Скокан приехали в Томск, чтобы осуществить задуманное.

Перед отъездом, еще раз просматривая бумаги деда, Андрей Иванович отложил на память несколько фотографий и одну из рабочих книжек дедушки. Там среди «записей для памяти», адресов и хозяйственных расчетов была дорогая для Андрея Ивановича запись: 16 июня 1916 г. у меня родился внук Андрей».

По рождению Андрей Иванович Скокан — томич, но с 1924 года, с того времени, когда его мать Викторина Петровна получила место заведующей Московского отделения Сибкрайиздата, жил в Москве. Детство и юность прошли в центре Москвы, в Левшинском переулке. Учился в школе, увлекался спортом, хорошо чертил и рисовал, подумывал стать архитектором. Даже закончил архитектурный рабфак, но увлекся техникой. Больше всего занимали автомобили. Их тогда в Москве было совсем немного. Молодожь смотрела на каждый новый автомобиль, как на чудо. За несколько лет до войны в Москве открылся новый институт —

автодорожный. Тогда-то и разошлись их дороги с младшим братом: Петр выбрал архитектурный, Андрей — автодорожный.

В 1941 году Андрей Скокан уже курсант Горьковского автомоторного училища. Ускоренная подготовка. И вот он уже помощник командира роты по технической части 210-го отдельного автомотобатальона. У батальона особая задача: по горным дорогам доставлять из Ирана запчасти для красноармейской техники. По договоренности с американским правительством они поставлялись в Иран из Америки для оснащения наших войск.

В 1943 году как классный специалист был отозван в Главное автомобильное Управление Красной Армии. Войну закончил там же инженером ремонтного управления.

Только в 1948-м получил диплом инженера, закончив прерванное войной образование в автодорожном институте. Работал на ЗИЛе, потом во ВНИИстройдормаше. Особой вехой в жизни Андрея Ивановича была работа в начале 70-х годов в Ираке, куда он был направлен директором Учебного центра по подготовке кадров для дорожных и строительных работ.

К этому времени Скокан уже имел несколько авторских свидетельств и ученое звание кандидата технических наук. Накопленный ученый багаж особенно пригодился, когда с конца 70-х он окончательно осел в ВНИИстройдормаше.

«Всего с его участием было освоено свыше 30 наименований дорожных машин. Под его руководством созданы новые конструкции самоходных землеройно-транспортных машин с широким применением гидравлики. При его непосредственном участии был разработан ряд пневмоколесных, однокорпусных погрузчиков. За это он удостоен зо-

лотой и бронзовой медали ВДНХ» — эти сухие строки взяты из послужного списка Андрея Ивановича Скокана.

А в жизни он был, так же как и младший брат Петр, заядлый путешественник, серьезный горнолыжник. Каждый год вместе с женой Ниной Николаевной они проводили отпуск на горнолыжных трассах на Родине и за рубежом. Побывали в Румынии, Болгарии, Чехословакии. Отличный автомобилист, он объездил вместе с семьей все самые замечательные уголки нашей страны.

Страсть к автомобилю передалась его старшему сыну Сергею Волкову. Он носит эту фамилию в честь своего деда по материнской линии, одного из крупных руководителей молодой автомобильной промышленности страны. Старший правнук Петра Ивановича Макушина закончил автодорожный институт и много лет проработал в конструкторском бюро автомобильного завода. Был еще до перестройки командирован для работы в Данию. Сергей Андреевич завоевал авторитет у европейских коллег не только отличными знаниями, но и добротой, благожелательностью к людям и высокой интеллигентностью. Сейчас он уже на пенсии. Вырастил двух детей — праправнуков знаменитого деда Макушина. Его старший сын Сергей явно тянется к архитектуре, пока занимаясь больше практикой, чем теорией. Его энергия и молодой задор притягивают к себе людей. И в этом угадывается что-то макушинское. Дочь Татьяна осваивает нелегкую профессию искусствоведа.

Младший правнук Петра Ивановича Макушина носит фамилию своего отца — Скокан. Александр Андреевич Скокан пошел по стопам своего родного дяди Петра Ивановича Скокана, архитектора. В самом начале перестройки открыл одно из

первых в Москве частных архитектурных бюро, где является директором и главным архитектором. Небольшой, но очень профессиональный коллектив за 12 лет работы успел добиться многого. В том числе и Государственной премии России за проект Международного Московского банка.

Марка архитектурного бюро «Остоженка» очень высока. Его отличает бережное отношение к исторической застройке, активный поиск вариантов созидательного включения новых построек в этот заповедный, близкий к Кремлю район столицы.

Высокий, статный, слегка скуластый, Александр Андреевич Скокан чем-то неуловимо напоминает своего замечательного прадеда. Недаром в его кабинете висит портрет Петра Ивановича Макушина, а в книжном шкафу хранятся драгоценные семейные реликвии, перешедшие к нему от бабушки Викторины Петровны. Чувствуется, что он не только не хочет рвать нити, связывающие с прошлым, а наоборот — старается их укрепить. Академик Международной Академии архитектуры, профессор архитектурного института, директор архитектурного бюро «Остоженка», человек практически очень занятой, Александр Андреевич находит время, чтобы принять участие в мероприятиях, связанных с памятью о его прадеде.

В 1994 году специально летал в Томск, чтобы вместе с томичами торжественно отметить 150-летие со дня рождения Петра Ивановича Макушина. Он принимал активное участие в организации макушинского вечера в Музее меценатов и благотворителей России; часть личного архива, представленного в экспозиции, А. А. Скокан передал этому музею.

Сын Александра Андреевича, еще один праправнук Макушина, Федор, продолжил семейную

традицию, закончив архитектурный институт и приступив к самостоятельной работе.

«Следует отвечать работой на собственные ошибки и трудности, нас окружающие. Быстро изменяющиеся условия требуют оригинальности, четких решений и напряженной работы. В то же время они дают простор для инициативы и нестандартных решений. В этих условиях источником оптимизма является потребность в труде во имя будущего нашего потомства», — эти слова принадлежат Дмитрию Васильевичу Ширкову, академику Российской Академии наук, лауреату Ленинской премии и Государственной премии СССР, заслуженному деятелю науки Российской Федерации.

Дмитрий Васильевич также является правнуком Петра Ивановича Макушина по линии его старшего сына Дмитрия Макушина. Коротка была жизнь Дмитрия. Способный юрист, он только начинал свою карьеру. Но страшная болезнь — опухоль мозга свела его в могилу в тридцатилетнем возрасте. Дмитрий Петрович Макушин скончался в Берлине после неудачной операции. В Берлине он и похоронен. Могила цела и невредима, хотя в прошлом году этому печальному событию исполнилось 100 лет.

Будучи как-то в научной командировке, Дмитрий Васильевич Ширков предпринял попытку найти могилу своего деда и был счастлив увиденным. Как всегда бывал счастлив, прилетая в Сибирь, встретиться со своей тетей Марией Дмитриевной, старшей сестрой его матери — Елизаветы Дмитриевны.

После ранней смерти отца, Дмитрия Макушина, девочки — трехлетняя и младшая, годовалая, остались на попечении своей матери Марии Пет-

ровны Макушиной. Прошли годы. Старшая вышла замуж за инженера Вадима Попова. Родила дочь Галину и двух сыновей: Дмитрия и Алексея. Так у Петра Ивановича Макушина появились первые правнуки.

Галина Вадимовна — врач-фтизиатр, до самой своей кончины жила и работала в Кемерове. Ее братья Дмитрий Вадимович и Алексей Вадимович стали инженерами. Трудятся и по сей день в Сибири. Долгий век выпал на долю их матери Марии Дмитриевны. Видимо, сказались «макушинские» гены ее знаменитого деда. Она ушла из жизни, когда ей было за девяносто лет. Мне посчастливилось переписываться с ней. До самых последних дней разумно и точно она отвечала на все задаваемые мной вопросы.

Младшая внучка Петра Ивановича Макушина — Елизавета Дмитриевна пережила своего дедушку всего на пять лет, умерла совсем молодой в 1931 году, оставив миру трехлетнего сынишку — Дмитрия, еще одного правнука Макушина.

В 1998 году Объединенный институт ядерных исследований в Дубне выпустил юбилейный сборник, посвященный 70-летию академика Дмитрия Васильевича Ширкова. Сборник предваряет автобиография, написанная самим юбиляром. Вот несколько отрывков из нее:

«Увидел я свет 3 марта 1928 года в Москве, в квартире моих родителей. Мы жили тогда в двухкомнатном доме на Шаболовке, практически на зеленой территории радиостанции имени Коминтерна, неподалеку от Шуховской башни. Папа работал радиоинженером. До войны я учился в 545-ой школе Москворецкого района, где окончил 6 классов. По возвращении в Москву из эвакуации в 1943 году несколько месяцев работал электро-

монтажником в механических мастерских. Оканчивал среднюю школу по системе «экстернатов», благодаря чему «прошел» программу трех классов за два года и поступил в Московский университет в возрасте 16 лет.

К пятому курсу судьба свела меня с 40-летним Николаем Николаевичем Боголюбовым, тогда уже членом-корреспондентом АН СССР, украинским академиком и автором нескольких книг, и я, параллельно с учебой в МГУ, стал работать лаборантом в институте химической физики АН СССР... Боголюбовский отдел занимался, как тогда говорили, «прикладной тематикой». Точнее, спецтематикой, связанной с оборонными делами.

По окончании университета я оказался в аспирантуре у Н. Н. Боголюбова на кафедре теоретической физики. Спецгруппа Боголюбова вскоре была переведена из Москвы в таинственную и незнамо где расположенную «Приволжскую контору Главгосстроя».

Пришлось делать выбор между «устроенным» существованием аспиранта лучшего вуза страны и «прыжком в неизвестность». Последующие четыре года были проведены в секретном городе за колючей проволокой. Это был замечательный период в истории советской науки и в моей жизни.

...В начале саровского периода я женился на студентке истфака МГУ Светлане Ростопчиной. Через год у нас в Сарове родился сын Гриша.

...По результатам первых трех лет работы «за колючкой» за участие в разработке термоядерного оружия я был награжден орденом Трудового Красного Знамени. Второй этап, проходивший под руководством М. А. Лаврентьева, был удостоен Ленинской премии 1958 года.

Защитил кандидатскую в мае 1953 года в Мос-

кве в Ученом совете под председательством Курчатов. Теоретическая часть была впоследствии рассекречена и опубликована.

С начала 1955 года переместился вместе с группой Лаврентьева из Сарова в пригород Москвы, где и происходило завершение работы над «лаврентьевским изделием»... После завершения деятельности, ознаменовавшейся успешным испытанием «изделия» на далеком полигоне, я был приглашен в Дубну для работы в Институте ядерных исследований.

...В конце 1957 года вышла наша «большая книга»: первое издание «Введение в теорию квантовых полей» (с Н. Н. Боголюбовым). Всего 7 изданий на трех языках. Ленинская премия.

В мае 1958 года в совете МИАНа прошла защита моей докторской диссертации; а через два года поступила команда от академика Лаврентьева: «Пора приезжать!» Это значило реально осуществить задуманное научное «освоение» Сибири... Сибирь привлекала не только новизной задач. В Сибири были мои корни, в Новосибирске и Кемерово жили близкие родственники, дед матери Петр Иванович отдал Сибири и ее просвещению большую часть своей жизни...

С 1962 г. начал руководить кафедрой теоретической физики в Новосибирском университете, много занимался организацией олимпиад и физико-математических школ. Ведь Сибирь так нуждалась в молодой научной смене.

Кафедра теоретической физики НГУ была естественным местом объединения теоретиков из различных институтов Академгородка. Мы начали совместный регулярный семинар. Для чтения спецкурсов нашим студентам приглашались ученые из Москвы и Дубны. Возникла идея организо-

ванного объединения всех теоретиков Академгородка в рамках института теоретической физики.

Однако на заключительной стадии под давлением ряда влиятельных сибирских академиков, «взрешновавших» к нашему проекту, решение президиума Академии наук СССР об открытии нового института не состоялось.

Для меня это было сильным разочарованием. И в конце 1969 года, отдав становлению сибирской науки почти десять лет жизни, я перевелся назад в Дубну, в родную лабораторию теоретической физики.

Учебный год 1970/71 я провел в Лундском университете в южной Швеции в качестве Нобелевского гостевого профессора. Инициатором этого приглашения был шведский академик Торстен Густавсон, член Нобелевского комитета по физике и директор института теоретической физики.

Предполагалось, что я проведу в Лунде не менее двух лет. В Швецию я поехал с женой и двумя младшими детьми. К сожалению, моя активная позиция по установлению очных и заочных научных контактов привела к неожиданному результату. Летом 1971 года шведская командировка была неожиданно прервана, и на последующие 17-18 лет я стал «невыездным».

Прерывая на этой печальной ноте рассказ академика Ширкова, скажем только, что последние тридцать лет он так же истово занимался наукой, как и в молодые годы. Профессор физфака МГУ, автор учебника «Квантовые поля» (с Н. Н. Боголюбовым). Вышло 4 издания на трех языках. Инициатор внедрения компьютерной алгебры в ОИЯИ и МГУ. Лауреат Государственной премии за работу по применению ренормгрупповых методов в математической физике, директор лаборатории тео-

ретической физики им Н. Н. Боголюбова в ОИЯИ. И наконец, звание академика РАН, присвоенное в 1994 году.

Остается добавить, что Дмитрий Васильевич Ширков счастливый отец и дед. В его семье выросло трое детей. Старший сын, Григорий Дмитриевич Ширков, ученый-физик, доктор наук. Дочь Елизавета Дмитриевна — экономист. Младший сын, Петр, также ученый, кандидат физико-математических наук, занят увлекательным делом внедрением модифицирования в общеобразовательные школы. Подрастает и молодое поколение — девять внуков, прапраправнуков Петра Ивановича Макушина.

Итак, сколько же наследников было у Петра Ивановича Макушина? После его смерти в 1926 году оставались живы две дочери: Елизавета и Викторина, подрастали два внука — сыновья Викторины Петровны: Андрей и Петр. Выросли две старшие внучки Елизавета и Мария, дочери старшего сына Дмитрия. К этому времени они уже вышли замуж: Мария — за инженера Вадима Попова, Елизавета — за инженера Василия Ширкова. Появилась на свет и первая правнучка — Галина Попова.

Всего правнуков у Петра Ивановича Макушина оказалось шесть: Галина, Дмитрий и Алексей Поповы, Сергей и Александр Скоканы и Дмитрий Ширков.

Четвертое поколение — праправнуки — также шесть человек. Пятое поколение — десять прапраправнуков. Всего 28 продолжателей макушинского рода. На самом деле их больше, не учтены четвертое и пятое поколение Поповых за отсутствием сведений о них.

К перечисленным наследникам Макушина без колебаний можно отнести и жителей Томска, для

которого Петр Иванович так много сделал доброго и полезного. Сорок три года «беспамятства» — не вина томичей.

К 125-летию со дня рождения Макушина в областной газете появилась статья краеведа Владимира Алексеевича Кашина, а областная библиотека им. А. С. Пушкина выпустила первый библиографический указатель, посвященный Макушину. Это случилось в 1969 году, через семнадцать лет настал черед книги «Сибирский просветитель Петр Макушин», изданной Томским книжным издательством. Второе издание последовало через четыре года. По инициативе Томского государственного университета и государственной публичной библиотеки Сибирского отделения АН СССР прошли (в 1988 и 1991 г.) Первые и Вторые Макушинские чтения — региональная научная конференция, посвященная проблемам местной книжной культуры, ее истории и современного состояния.

В июне 1994 года прошли юбилейные дни в Томске, посвященные 150-летию со дня рождения П. И. Макушина по инициативе Управления культуры мэрии Томска (начальник М. А. Слюсаренко).

Открывали юбилейные дни в Доме науки, у могилы сибирского просветителя. В самом Доме науки были организованы выставки, посвященные Макушину, из фондов Томского историко-архитектурного музея и научной библиотеки ТГУ.

На следующий день прошла Научно-практическая конференция в Биржевом корпусе областной научной библиотеки им. Пушкина. Там же была подготовлена книжно-иллюстративная выставка, посвященная юбилею.

14 июня гостей принимал книжный магазин «Петр Макушин». Тема встречи — «Второй Ермак, покоривший Сибирь книгой». Интересно, что

именно в этом здании находился книжный магазин П. И. Макушина.

Томские коллекционеры показали свои сокровища: документы, фотографии, открытки, книги, посвященные Макушину на заседании клуба «Букинист» 15 июня.

«Встреча в Народном доме» была организована в кинотеатре им. И. Черных. Рассказ шел о событиях, связанных с бывшим Народным домом в жизни П. И. Макушина.

Завершались торжества в Доме науки вечером «Его деяние благословят потомки». Вели вечер профессор пединститута Л. Ф. Пичурин и культуролог, кандидат искусствоведения Т. Ю. Куперт. Проректор Политехнического университета Н. П. Кириллов, инициатор фонда поддержки новых начинаний в области науки, культуры, образования вручил премию В. А. Кашину, как первому и последовательному пропагандисту деяний сибирского просветителя П. И. Макушина.

К сожалению, мне не пришлось побывать в те юбилейные дни в Томске и поблагодарить тех томичей, кто многие годы помогал мне в работе над этой книгой (первое, второе издания).

Сейчас представился случай назвать их имена: П. Я. Слезко, А. А. Липская, Г. М. Залесов, И. С. Емельянова, В. В. Воробьев, Г. В. Жога, О. В. Патрина, В. А. Марьин, Г. Г. Скоробогатова, Г. И. Колосова, В. В. Лобанов, В. А. Кашин, В. Л. Домаевский, В. И. Суздальский, Н. А. Выжигова, В. А. Соловьева, И. Г. Мосина.

Приношу искреннюю благодарность московскому историку, доктору исторических наук Александру Давыдовичу Степанскому и петербургскому историку, доктору исторических наук Валерию Степановичу Волкову за помощь в работе над этой книгой.

ПРИМЕЧАНИЯ

ОТ АВТОРА

- ¹ Г. Я. Крекнин — Григорий Яковлевич, служащий П. И. Макушина, участвовал в литературной жизни Томска. Выступал на страницах газет «Сибирская жизнь». «Утро Сибири» с очерками и рассказами. В 1910 г. в Томске издавал еженедельный литературно-критический журнал «Сибирская новь» (вышло 7 номеров). В этом журнале была опубликована его повесть «У врат жизни». Печатался также в «Сибирских отголосках».
- ² Список приводится по тексту, напечатанному у Крекнина.
- ³ Сибгосиздат переименован в Сибкрайиздат в 1923 г.

«СВЕТ И СВОБОДА»

- ¹ *Обер-прокурор Синода* — высшее должностное лицо, возглавляющее Синод на правах министра.
Синод — высший коллегиальный орган православной церкви.
- ² *Толстой Дмитрий Андреевич* (1823 — 1889), граф, государственный деятель царской России. С 1867 г. обер-прокурор Синода и с 1866 по 1880 г. — одновременно министр народного просвещения. В 1882 — 1889 гг. — министр внутренних дел а одновременно шеф жандармов.
- ³ *Епископ* — духовное лицо, имеющее высшую степень священства, архиерей.
- ⁴ *Дьякон* — в православной церкви служитель культа, имеющий первую степень священства.
- ⁵ *Грош* — в царской России — медная двух-, затем полукопеечная монета; имела хождение в 1657 — 1917 гг.
- ⁶ *Дьячок* — церковнослужитель в православной церкви, псаломщик.
- ⁷ *Благочинный* — священник в русском церковном управлении, несущий административный надзор за небольшим округом, состоящим из нескольких церквей с приходами.

- ⁸ «Часослов» — книга, содержащая тексты церковных служб.
- ⁹ Псалтирь — одна из книг Ветхого Завета, состоящая из псалмов.
- ¹⁰ Заутреня — церковная служба, совершающаяся очень рано.
- ¹¹ Мезенцев — шеф жандармского управления, убит 4 августа 1878 г. на Михайловской площади в Петербурге С. М. Кравчинским. Мотивы этого покушения были изложены Кравчинским в брошюре «Смерть за смерть», напечатанной типографией «Земля и воля» в августе 1878 г. в Петербурге.
- ¹² Архимандрит — титул настоятеля большого монастыря.
- ¹³ Игумен — настоятель мужского монастыря.
- ¹⁴ Клобук — высокая цилиндрическая шапка с покрывалом: у монахов — черная, у митрополита — белая.
- ¹⁵ Аутодафе — в Средние века публичное сожжение на костре еретиков и еретических книг по приговорам инквизиции.
- ¹⁶ «Русское слово» — ежемесячный журнал, издавался в Петербурге в 1859 г. Редактор Благосветов. Сотрудничали Писарев, Зайцев, Соколов, Шелгунов, Щапов, Успенский, Решетников, Станюкович. После покушения Каракозова в 1866 г. журнал был закрыт вместе с «Современником».
- ¹⁷ Щапов Афанасий Петрович (1831 — 1876) — русский историк, в 1860—61 — профессор истории Казанского университета, в 1861 г. за речь в память убитых во время Бездненского восстания крестьян арестован и сослан в Иркутск.
- ¹⁸ Всенощная — церковная служба, совершающаяся вечером.
- ¹⁹ Епархия — церковно-административный округ, находящийся под управлением архиерея.
- ²⁰ Тезоименитство — день рождения царя или членов царской фамилии.

- ²¹ *Макарий* (в миру Глухарев Михаил Яковлевич — 1792 — 1847) — алтайский миссионер, архиепископ бийский, иеромонах при церкви Казанской крещенотатарской школы, позднее — митрополит московский.
- ²² *Магистерская степень* — ученая степень в дореволюционной России.
- ²³ *Кам* — шаман.
- ²⁴ *Камлание* — совершение шаманских обрядов.
- ²⁵ *Благословение с выдачей грамоты* — одобрение, поощрение дальнейшей деятельности, которое Синод фиксирует в специальной грамоте.

КНИГИ ДЛЯ НАРОДА

- ¹ *Глазуновы* — владельцы книготорговой и издательской фирмы в Москве и Петербурге, основанной в 1782 году. За 100 лет (1803 — 1903) типография Глазуновых выпустила около 900 изданий, главным образом сочинения классиков русской литературы и учебников. Фирма выпускала книготорговые каталоги, начиная с 60-х годов прошлого века. В каталогах отражен книжный материал II половины XIX века, благодаря чему они сохраняют библиографическое значение до настоящего времени.
- ² *Земство* — местное, ограниченное в правах самоуправление в центральных губерниях дореволюционной России.
- ³ *Протоиерей* — старший иерей, настоятель соборного клира, звание, наивысшее для немонашеского духовенства.
- ⁴ *Салаевы* — русские книгоиздатели и книгопродавцы, основали фирму в Москве с филиалом в Петербурге в 1828 году. Выпускали главным образом сочинения русских классиков. С 1885 г. руководителем фирмы «Наследники братьев Салаевых» стал В. В. Думнов.
- ⁵ «*Душеполезное Дело*» — журнал, издававшийся Синодом.
- ⁶ *Рубакин Н. А.* (1862 — 1948) — русский книговед, библиофил и писатель. Сотрудничал в русских и зарубежных издательствах. Собрал две большие

библиотеки (230 тысяч томов), которые передал в дар народу.

⁷ Ошибочно. Книга вышла в октябре 1898 г.

ХОРОШАЯ КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ ДОСТУПНА ВСЕМ

- ¹ «*Вестник Европы*» — историко-политический и литературный журнал, выходил в Петербурге с 1866 по 1919 г. В 1866 — 1908 гг. издавался и редактировался М. М. Стасюлевичем.
- ² «*Русский вестник*» — журнал, основан в 1856 г. М. Н. Катковым в Москве и выходил ежемесячно. В 60-е годы поддерживал передовое направление. Его авторы — Тургенев, Л. Толстой, Майков, Полонский, Лажечников. После 1863 г. журнал становится во главе крепнущей реакции. Публикации сводятся к проповеди сильной власти и ослаблению совершенных реформ.
- ³ «*Русский архив*» — журнал, основан в 1863 г. в Москве П. И. Бартеневым. Издание было посвящено изучению прошлого России. Главная задача — собрать и опубликовать как можно больше материалов по русской истории последних двух столетий
- ⁴ «*Русская старина*» — ежемесячное историческое издание, основано в Петербурге в 1870 г. М. И. Семевским. Основная цель — разработка вопросов русской истории, начиная с Петра I. Тираж доходил до 5000 экз.
- ⁵ «*Семья и школа*» — ежемесячный педагогический журнал, основан в Петербурге в 1871 г. Ю. Симашко. В редактировании журнала принимали участие в разные годы Котомин, Краевич, Модзалевский. В 1888 г. журнал перестал выходить.
- ⁶ «*Семейные вечера*» — детский журнал, основан в 1864 г., выходил ежемесячно двумя книжками для старшего и младшего возраста. С 1892 г. изменил свое название на «Литературные семейные вечера».
- ⁷ «*Отечественные записки*» — литературный и политический журнал. Выходил в Петербурге в 1818 — 1884 гг. (с 1830 по 1839 годы журнал не издавался).

С 70-х годов издателем был А. А. Краевский, редактором М. Е. Салтыков-Щедрин, при участии Михайлова и Елисеева). Журнал носил демократический, народный характер. С 1884 г. был закрыт царским правительством.

- ⁸ *Сибиряков Иннокентий Михайлович* (1860 — 1901) — известный меценат, который жертвовал крупные суммы Томскому университету, восточному отделению императорского Географического общества, на экспедицию Г. Н. Потанина, на открытие публичной библиотеки в г. Ачинске, на открытие анатомического театра в Петербурге.
- ⁹ *Сытин И. Д.* (1851 — 1934) — русский издатель, просветитель. В 1883 г. организовал издательство «Т-во И. Д. Сытин и К». В 80-е годы стал самым известным издателем лубочных книжек и картин. С 1884 г. взял на себя издание книг «Посредника», основанного при участии Л. Н. Толстого, с целью выпуска доступных для народа книг. Он был крупным издателем, сочетавшим коммерческие интересы со значительной просветительской работой путем выпуска дешевых книг для народа. К 1914 году его издательство выпускало четверть книжной продукции страны.
- ¹⁰ *Панафидина А. Я.* (1873 — ?) — издательница и книготорговец. Стояла во главе «Книгоиздательства и книжной торговли А. Я. Панафидиной». Издательство выпускало учебную, детскую и научно-популярную литературу, произведения русских и зарубежных классиков. В 1918 г. издательство было национализировано.
- ¹¹ *Вахтеров В. П.* (1853 — 1924) — русский педагог, методист начальной школы. Последователь педагогических принципов Ушинского. Писал и издавал книги для детей: «Мир в рассказах для детей» (1910), «Русский букварь».

ГАЗЕТА — ПРОКУРОР И ЦЕНЗОР ПРАВОС

- ¹ *Плеве Вячеслав Константинович* (1846 — 1904) — русский государственный деятель, реакционер, министр

внутренних дел и шеф жандармов в 1902 — 1904 гг. Убит 15 июня 1904 г. эсером Сазоновым.

- ² «Сибирь» — газета выходила в Иркутске еженедельно с 1873 по 1887 год. В ней принимали участие лучшие литературные силы Сибири
- ³ «Голос» — политическая и литературная газета, выходила в Петербурге с 1863 по 1884 гг. Издатель и редактор А. А. Краевский. Орган либеральной бюрократии, ставившей своей задачей оказывать помощь правительству в его преобразовательной деятельности.
- ⁴ «Порядок» — политическая и литературная газета. Издавалась в Петербурге в 1881 — 1882 гг. Издатель и редактор М. Стасюлевич. Орган буржуазного либерализма.
- ⁵ «Новое время» — газета издавалась с 1876 г. А. С. Сувориным. Носила реакционный характер.
- ⁶ «Страна» — газета, издавалась в Петербурге с 1880 г. Издание носило оппозиционный характер. При Лорис-Меликове получила два предостережения: первое — за статью о необходимости помиловать Чернышевского; второе — за статью о 1 марта. В 1883 году подверглась временному приостановлению, а потом была закрыта.
- ⁷ Делянов Иван Давыдович (1818 — 1897). В 1882 — 1897 гг. — министр народного просвещения.
- ⁸ «Знание» — научный критико-библиографический журнал издавался в Петербурге с октября 1870 г. по апрель 1877 г. ежемесячно. Знакомил читателей с результатами всех отраслей науки. За время существования журнал получил три предостережения: первое в 1874 г. за статьи «Теория развития в биологии» и «Упомощительство и преступления»; второе — в том же году за статью «Условия развития культуры»; третье — в 1875 г. за статьи «Наука и метафизика» и «Теория развития в применении к языку».
- ⁹ «Слово» — научный, литературный и политический журнал, преобразованный из журнала «Москва»; выходил в Петербурге (1878 — 1881) ежемесячно. Журнал закрыли, т. к. Управление по делам печати не

утвердило редактора. В журнале принимали участие Плещеев, Боборыкин, Надсон. Журнал имел три предостережения и в начале 1880 г. был приостановлен на три месяца.

- ¹⁰ «Русская мысль» — самый распространенный и один из лучших ежемесячных журналов: выходил в Москве с 1880 г. «Библиографический отдел» составлял отдельное приложение. Он заключал в себе систематический отчет о всех главных книжных новинках. Кроме внутреннего и иностранного обозрения, в каждом номере давалось «научное обозрение». В журнале сотрудничали: Григорович, Гаршин, Добрынин, Полонский, Станюкович, Глеб Успенский. Редактор В. Гольцев.
- ¹¹ «Дело» — литературно-политический журнал, выходил в Петербурге в 1866 — 1888 гг. Издателем и фактическим редактором до 1880 года был Г. Е. Благосветов. С 1881 — Н. В. Шелгунов, с 1883 — К. М. Станюкович, Н. А. Лебедев и В. П. Острогорский. Журнал по существу продолжал закрытое правительством «Русское слово» и был одним из наиболее прогрессивных изданий того времени.
- ¹² «Молва» — политическая, экономическая и литературная газета либерального направления. Издавалась в Петербурге в 1879 — 1881 годах.
- ¹³ Чудновский С. Л. (1849 — 1912) — революционер-народник. Арестован в Одессе в 1874 г. по процессу «193-х» и сослан в Сибирь.
- ¹⁴ Иванчин-Писарев А. И. (1849 — 1916), литератор, участник народнического движения. Его имение в Ярославской губернии было одним из центров «хождения в народ» в Поволжье. В 1879 г. вступил в «Народную волю», в 1881 г. арестован и сослан в Сибирь, где пробыл 8 лет.
- ¹⁵ Деспот-Зеновиц Александр Иванович (1828 — 1895) — бывший тобольский губернатор, затем член Государственного совета, выделялся культурой и демократизмом.

- ¹⁶ «*Московские ведомости*» — газета, выходившая в 1756 — 1917 годах в Москве. В 1863 — 1887 годах ее редактором был М. Н. Катков. В этот период газета носила ярко выраженный реакционный характер, исполняя, по словам А. И. Герцена, «полицейские обязанности в литературе».
- ¹⁷ *Флоринский Василий Маркович* (1833 — 1899) — доктор медицины, профессор кафедры акушерства и гинекологии в Казанском университете, общественный деятель, археолог, историк, автор популярного «Лечебника для народного употребления». На Флоринского было возложено строительство и организация Томского университета.
- ¹⁸ «*Гражданин*» — газета-журнал политический и литературный. Издавался с 1872 г. князем В. П. Мещерским. Первые годы придерживался умеренно-консервативного направления, потом перешел на крайне правые позиции.
- ¹⁹ «*Восточное обозрение*» — литературная и политическая газета, выходила с апреля 1882 г., ежедневно в Петербурге, под редакцией Н. М. Ядринцева. Задачей газеты было «дать по возможности правдивую картину жизни Востока в ее многообразных проявлениях». В газете сотрудничали Потанин, Адрианов, Шишков. В 1884 г. — приостановлена на две недели за статьи, «изображающие в крайне неблагоприятном свете деятельность сибирской администрации». С 1888 г. издание переведено в Иркутск.
- ²⁰ *Г. С. Голицын* — Григорий Сергеевич, князь, сенатор, во время неурожая 1891 г. был послан в Сибирь с особыми полномочиями, член Государственного Совета.
- ²¹ *Кон Феликс Яковлевич* (1864 — 1941) — видный деятель международного рабочего движения. С 1882 г. член польской партии «Пролетариат». В 1884 — 1904 г. отбывал каторгу в Каре (Восточная Сибирь). С 1918 года — в рядах партии большевиков.
- ²² *Ленгник Фридрих Вильгельмович* (1873 — 1936). В революционном движении с 1893 г. Искровец. Большевик с 1903 г. Неоднократно подвергался арестам. На III съезде РСДРП (1904 г.) был избран членом ЦК.

- ²³ *Лепешинский Пантелеймон Николаевич* (1868 — 1944) в революционном движении с 80-х годов. С 1898 г. в РСДРП. Активный участник Октябрьской революции.

НИ ОДНОГО НЕГРАМОТНОГО

- ¹ «*Московский телеграф*» — политическая и литературная газета, издавалась в Москве в 1881 — 1883 годах. 28 марта 1882 г. была приостановлена в порядке административного взыскания и возобновлена в ноябре того же года. Издатель и редактор — И. Родзевич. Направление газеты было либерально-буржуазным. Газета печатала материалы о бедственном положении крестьян и высказывалась за расширение прав земских учреждений.
- ² *Кошаров Павел Михайлович* — художник, автор учебника по рисованию, издавал «художественно-этнографические рисунки Сибири», «Виды Томска», в 1856 — 1859 годах путешествовал с Семеновым Тянь-Шанским; в 1860 году впервые в Сибири организовал персональную выставку.
- ³ *Пясецкий Павел Яковлевич*, окончил курс Московского университета по медицинскому факультету. В 1874 г. вместе с экспедицией полковника Сосновского выехал в Китай в качестве врача и художника. В русско-турецкую войну находился в действующей армии в Болгарии. Сочинение «Путешествие в Китай» переведено на английский и французский языки.
- ⁴ Встреча с Л. Н. Толстым в Хамовниках состоялась 7 марта 1889 г. Но еще в 1887 г. в библиотеке Толстого уже была брошюра Макушина «Народная бесплатная библиотека в Томске». В том же году, 7 мая, Толстой просит жену послать Макушину собрание своих сочинений. В 1891 г., ко дню пребывания в Сибири, Толстой посылает Макушину свое фото.

ПОТОМКАМ В НАСЛЕДСТВО

- ¹ «*Современное слово*» — ежедневная газета, издавалась в Петербурге с 1862 года.

БИБЛИОГРАФИЯ

ОСНОВНЫЕ ОПУБЛИКОВАННЫЕ РАБОТЫ П. И. МАКУШИНА

- Макушин П. И.* Известия из Алтайской духовной миссии // Душеполезное дело, 1867, № 7, ч. 2, стр. 153 — 158.
- Макушин П. И.* Письмо с Алтая к сотруднику Алтайской духовной миссии от управляющего Алтайской миссией, протоиерея С. Ландышева. М., 1868, стр. 11.
- Макушин П. И.* Народная бесплатная библиотека в г. Томске. Томск, 1887, стр. 44.
- Макушин П. И.* Доклад общему собранию членов «Общества попечения о начальном образовании» в г. Томске председателя того общества П. И. Макушина. Томск, 1887, стр. 21.
- Макушин П. И.* Клевета в печати. Томск, 1904, стр. 50.
Содержание: Дело редактора «Сибирской газеты» Макушина П. И. и помощника присяжного поверенного Р. П. Вейсмана, случившееся в Томском окружном суде 23 марта 1903 г. Ответ обвиняемого Макушина. Дело П. И. Макушина и помощника присяжного поверенного Р. П. Вейсмана в Омской судебной палате. Приложения: письмо в редакцию Е. Пренеман, фельетоны В. Ф. «Человек с лопнувшей душой» и «Судьбы газеты».
- Макушин П. И.* К пятидесятилетию книготорговли в Сибири (из воспоминаний). Новониколаевск, 1923, стр. 23.
- Макушин П. И.* Газетно-издательская деятельность во времена царизма (глава из воспоминаний) // Северная Азия, 1928, кн. 2, стр. 91 — 100.

ЛИТЕРАТУРА О П. И. МАКУШИНЕ

ОСНОВНЫЕ ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

- Нагель З. П.* О присуждении Макушину П. И. золотой медали Вольного экономического общества // Школьное обозрение, 1889, № 11.
- Рубакин Н. А.* Деятельность П. И. Макушина в области народного образования // Мир божий, 1892, № 8, стр. 27 — 34.
- Абрамов Я. В.* Культурная работа // Сын отечества, 1898, № 60.
- Без указания автора. 19 февраля 1898 г. Двадцатипятилетие Сибирского книжного магазина П. И. Макушина в Томске. 1899, стр. 10. Макушин П. И. Нива, 1906, № 16. Макушин П. И. Русское слово, 1906, 25 марта. Дом науки им. П. И. Макушина в Томске. Открыт 7 октября 1912 года. Томск: типография Приюта и Дома трудолюбия, 1912, стр. 1, 14.
- Крекнин Г. Я.* Ревнитель света П. И. Макушин. 50 лет просветительской работы (1866 — 1916) в Сибири. Томск: изд. служащих и рабочих П. И. Макушина в Томске, 1916, стр. 103.
- Без указания автора. Полувековой юбилей П. И. Макушина 1866 — 1916, 25 марта. Томск, изд. Томского городского общественного управления, 1917, стр. 175.

ПУБЛИКАЦИИ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

- Адрианов А. В.* Особый человек (к 75-летию П. И. Макушина) // Сибирская жизнь, 1919, 13 июня.
- Лепешинский П. Н.* На повороте (от конца 80-х годов к 1905 г.). Попутные впечатления участника революционной борьбы. Петроград, 1922. О П. И. Макушине, стр. 71 — 74. П. И. Макушин // Огонек, 1924, № 32 (71).
- Мезьер А.* Словарный указатель по книговедению. М., 1924, VIII, стр. 926. О П. И. Макушине, стр. 132 — 133.
- Наумова-Широких В. Н.* Петр Иванович Макушин (некролог) // Сибирские огни, 1926, № 4.
- [Макушин П. И.]. В книге: Сибирская Советская энциклопедия. Новосибирск, 1931, т. 3, стр. 270.

- Сибирский общественник (О П. И. Макушине — почетном члене общества по изучению Урала, Сибири и Дальнего Востока) // Красное знамя, 1926, 31 марта. Некролог о П. И. Макушине // Правда, 1926, 6 июня. Некролог о П. И. Макушине // Известия, 1926, 12 июня.
- Ваганов К. Друг просвещения // Просвещение Сибири. 1926, № 6, стр. 89 — 90.
- Здобнов Н. П. И. Макушин. Некролог // Северная Азия, 1926, № 4, стр. 103 — 105.
- Войтик П. Газета Макушина (из истории создания в Сибири первых массовых газет 1881 — 1897) // Сибирские огни, № 5, стр. 190 — 191.
- Ханинсон. Ленинское слово в дореволюционной Сибири // Сибирские огни, 1961, № 2, стр. 138 — 140.
- Войтик П. В старой Сибири (о роли издателя и книжного продавца в Сибири П. И. Макушина в распространении произведений В. И. Ленина) // Советская книжная торговля, 1964, № 4.
- Войтик П. Произведения В. И. Ленина в царской Сибири (Макушин продавал ленинские книги) // Сибирские огни, 1965, № 11.
- Утков В. Г. Страницы прошлого (книжные шкафы-лавки. Заниматься чтением книг вредно) // Советская книжная торговля, 1956, № 3, стр. 27.
- Утков В. Г. Книги и судьбы. Очерки. М.: Книга, 1967, стр. 130 — 156.
- Утков В. Г. Люди, судьбы, события. Новосибирск, 1970, стр. 58-67.
- Утков В. Г. Торговое дело Макушина. К 100-летию первого книжного магазина в Сибири // В мире книг, 1973, № 2, стр. 34 — 35.
- Сталева Т. В. Знаменщик // Альманах «Алтай», № 1, 1982 г., стр. 91 — 96.
- Сталева Т. В. Просветитель Петр Макушин // Литературная Россия, 29 января 1982 г.
- Сталева Т. В. Сибирский просветитель Петр Макушин. Томск, Томское книжное издательство, 1986.
- Сталева Т. В. Сибирский просветитель Петр Макушин. Томск, Томское книжное издательство, 1990.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора

3

«Свет и свобода»

14

Книги для народа

53

Хорошая книга должна быть доступна всем

87

Газета — прокурор и цензор нравов

123

Ни одного неграмотного

154

Потомкам в наследство

181

Культура и политика на юбилее

207

Дню грядущему — привет

229

Наследники

251

Примечания

275

Библиография

284

Литература о П. И. Макушине

285

СТАЛЕВА Тамара Владимировна
СИБИРСКИЙ ПРОСВЕТИТЕЛЬ
ПЕТР МАКУШИН

Художник Юрий Космынин
Оригинал-макет Ольга Зотова
Корректор Юлия Баклакова

Изд. лиц. № 00853 от 25. 01. 2000 г. Сдано в набор 23.03.01. Подписано в печать 01.10.01. Формат 70x100/32. Гарнитура «Журнальная». Печать офсетная. Усл. печ. л. 18. Тираж 1000 экз. Заказ 4593

ОАО «Русский Двор»
129224 Москва, Осташковская, 30

Налоговая льгота — общероссийский классификатор
продукции ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6

75 лет назад, 4 июля 1926 года в сибирском городе Томске на 82-м году жизни скончался Петр Иванович Макушин. Он не был крупным ученым, полководцем или государственным деятелем. Но просвещенная Россия конца XIX — начала XX века знала это имя.

Его портреты появлялись в газетах и журналах. О нем писали статьи. Его принимал Лев Толстой в своем доме в Хамовниках. С ним состоял в переписке известный российский библиограф Николай Рубакин. Народоволец Николай Морозов читал его. Ученый и путешественник Николай Поганин был его другом.

Дело, которому Петр Иванович Макушин посвятил свою жизнь, издавна почиталось на Руси. Недаром оно называлось торжественно и звонко — «просветительство».

Иван Сытин — Петру Макушину:

«...Ермак покорил Сибирь оружием, вы покоряете ее книгой...»

Николай Рубакин — Петру Макушину:

«...Вы избрали для себя деятельностью распространение «книги» в Сибири, едва ли не лучшего и вернейшего средства для улучшения существующих зол нравственной, умственной, материальной и общественной жизни, «книги», в которой можно применить девиз: «сим победиши» и потребность в которой все еще так мало сознается не только нашим народом, но и нашим образованным обществом...»

Министр народного просвещения граф Игнатъев:

«От лица Высочайше вверенного мне ведомства и от себя лично сердечно приветствую Вас в день празднования полувековой юбилейной деятельности Вашей на пользу народного просвещения Сибири. Искренно желаю Вам сил и здоровья для продолжения Вашего служения этому святому делу».

Народный комиссар просвещения Анатолий Луначарский (написав на командировочном удостоверении П. И. Макушину):

«Будьте любезны информировать выдающегося работника просвещения П. И. Макушина».

